

Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Сухова Н.Ю.,
доктор церковной истории,
доктор исторических наук (ПСТГУ)

**ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ
И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ
(XVII — начало XX в.)**

[Эл. издание. М., СПб., 2013]

© Сухова Н.Ю., 2013
© Учебный комитет РПЦ (www.uchkom.ru), 2013
© Издательство «Аксион эстин» (www.axion-estin.ru), 2013

Учебный комитет РПЦ

Аксион эстин

Москва, Санкт-Петербург
2013

Сухова
Наталья Юрьевна

**ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ
И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ
(XVII — начало XX в.)**

Содержание

Введение

1. Первые православные школы в Юго-Западной Руси. Значение братских школ в церковном просвещении (конец XVI в. — 1632 г.)

2. Школьные преобразования святителя Петра Могилы. Адаптация «иезуитской модели» в православном образовании (1632–1701 гг.)

3. Образовательные искания в Московской Руси (XVII в. — 1701 г.)

4. Формирование научно-образовательной системы в России в XVIII в. Место и значение богословия в этой системе (1701 г. — начало 1760-х гг.)

5. Учебно-богословские проекты 1760–1770-х гг. Попытки централизации духовных школ 1780–1790-х гг.

6. Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и ее реализация. «Духовная ученость» как церковное служение.

7. Духовно-учебные реформы 1860-х гг. Адаптация в православном образовании европейской модели «университета исследования».

8. Духовные школы при Уставах 1884 г. Церковность как принцип бытия духовной школы.

9. Духовные школы в начале XX в. Свобода и церковность богословской науки.

Заключение

Введение

Православной Церкви принадлежит первенство в деле русской образованности — неотъемлемой спутнице христианского благовестия. Принятие христианства приобщило Русь к византийской учености: появились книги и книжники, богословски начитанные, мыслящие и пишущие русские люди. Большое значение имели также контакты новопросвещенной страны с балканскими Церквами, получившими христианское просвещение от святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Уникальный для Христианской Церкви опыт учителей славянских — перевод Священного Писания и разных христианских текстов на родной язык просвещаемого народа — был продолжен их учениками: святым Климентом Охридским, Константином Преславским, Иоанном экзархом Болгарским и другими. Кирилло-мефодиевская традиция переносилась в другие земли, возникли новые центры славянской культуры — книжные школы в городах Охриде, Преславе, Плиске¹. С конца X — начала XI в. на Русь переносились — главным образом из Болгарии — церковно-славянские переводы с греческого языка библейских книг, церковно-учительной и житийной литературы, отдельных исторических сочинений (например, «Хроники» Иоанна Малалы Антиохийского с повестью о Троянской войне), апокрифических памятников (например, «Откровения» святого Мефодия Патарского). Русское православие получало также оригинальные произведения болгарских авторов: «Шестоднев» Иоанна Экзарха, восходящий к «Шестодневам» святителя Василия Великого и Севериана Гевальского, религиозно-учительные, апологетические, полемические сочинения святых Климента Охридского, Константина Преславского и других учеников и последователей равноапостольных Кирилла и Мефодия². Таким образом, появлявшиеся русские храмы получали богослужебные книги, училища — богословские сочинения на языке, очень близком к древнерусскому.

Заметим, что в конце XII — середине XIII в. русско-южнославянские связи вновь оживились, но движение шло в обратном направлении: возрождение славянской литературной традиции на Балканах нашло опору в литературе Киевской Руси. Многие литературные памятники были возвращены Русью южным славянам (болгарам и сербам). Это были, наряду с рукописями библейских книг, литургических и других церковных текстов («Кормчая», «Синодик»), дидактические сборники («Пчела»), историографические памятники («Палея историческая»), отдельные светские произведения («Повесть об Акире Премудром»). Древнерусская литература передала и несколько своих оригинальных произведений: «Службу Борису и Глебу», «Слово о законе и благодати» святого митрополита Илариона, «Слово о вере варяжской» преподобного Феодосия Печерского и «Житие Феодосия», два поучения святого Кирилла Туровского.

Однако богословское знание на Руси не стало системой, и русская просвещенность была представлена лишь в лице прибывающих на Русь греков и восточных славян или отдельных русских ревнителей³. Несмотря на наличие среди русского духовенства

---

¹ Больше всего сохранилось сведений о первых этапах продолжения просветительской миссии святых Кирилла и Мефодия в Болгарии. О просвещении Сербии, Словении, Хорватии, Далмации в конце IX — X в. сохранились лишь отрывочные и косвенные сведения.

² См.: Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., перев. и комм. Б. Н. Флори. М., 1981; Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994; Георгиев Ем. Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962. С. 202—270; Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000; Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005.

³ Исследователи раннего периода Русской Православной Церкви расходятся во мнениях относительно уровня просвещенности до-монгольской Руси. Историки «старого» времени, яркими примерами которых являются В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин, склонны были утверждать высокий уровень отдельных училищ при монастырях и храмах XI—XII вв., хотя и развиваемых усилиями отдельных князей-

отдельных знатоков греческого языка и греческой школьной науки, контакты со славянскими книжными центрами, систематическое богословское образование не стало обязательным даже для пастырей Церкви. «Еллинский» язык, делавший доступным более широкое приобщение к византийскому церковному литературному наследию, изучали чаще всего самостоятельно. Так, в житии святого Стефана Пермского отмечается, как «желая...большого разума» Святой выучил греческий язык и «извыче добре» греческие книги⁴. Е. Е. Голубинский считал, что обучение греческому языку и классической «филологической герменевтике» шло от учителей, но, затронув высшие круги, близкие к ревнующим о просвещении князьям, не могло охватить русский народ в целом, ибо было «идеальным» — частным — делом, а не «казенным» — государственным⁵. Сохранились отдельные свидетельства об образовании училищ при приходских церквях и монастырях в первые века христианства на Руси, но, судя по этим сведениям, далее начального образования, общего и церковно-книжного, учебные курсы не шли: учили церковно-славянскому языку, чтению, письму, счету, церковному пению. Исследователи просвещения первых веков христианства на Руси приводят обычно известные факты, содержащиеся в летописях: первые школы просветителя Руси святого князя Владимира, училища князя Ярослава Мудрого, ростовская, курская, терновская школы конца X — начала XI в. и далее⁶. Все знания, получаемые в этих училищах, так или иначе были связаны с церковной жизнью, читали преимущественно по церковным книгам, деятельность этих училищ можно считать началом духовного образования⁷. Но речь не шла о школе в современном смысле слова, то есть, о систематическом образовании. Тем не менее, вопрос о правильно организованной школе, которая закладывает фундамент образования, дает возможность критически оценивать познаваемое и читаемое, рано или поздно непременно должен был возникнуть на Руси, как он возникал во всех странах.

После долгого периода татаро-монгольских нашествий, разорения, миграций даже элементарные школы при храмах и монастырях стали редкостью. Эта проблема с особой остротой отражалась на подготовке пастырей Церкви. Об этом свидетельствуют жалобы иерархии на недостаток училищ для образования пастырей: около 1500 г. — архиепископа Новгородского Геннадия Всероссийскому митрополиту Симону, в 1551 г. — отцов Стоглавого собора царю Иоанну IV⁸. Заметим, что отцы собора говорили о желательности обучения всех православных детей грамоте, «книжному письму», церковному пению, чтению «Псалтирному» и «налойному», «конарханию по церковному чину», знанию всех книг, «которые Соборная Святая Церковь приемлет», а также «страху

просветителей. Категорическим противником этой точки зрения был Е. Е. Голубинский, считающий эту древне-русскую просвещенность лишь грамотностью в прямом смысле слова, а авторов сохранившихся церковно-литературных произведений — митрополита Илариона, митрополита Климента Смолятича, епископа Кирилла Туровского и др. — редкими исключениями (см.: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Том I. М., 1997. Первая половина тома. С. XV–XVII, 701–924; Вторая половина тома. С. VI–X; а также: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 1. С. 254–262).

⁴ Цит. по: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Книга третья. Т. IV. М., 1995. Прил. 434..

⁵ См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Том I. Первая половина тома. С. 707–713.

⁶ См., например: *Харламович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898. С. 189–190; *Кириллин В. М.* Русская образованность в X–XVII в. § I: Состояние образования на Руси в «дошкольный» период (X–XVI в.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3. С. 22–33.

⁷ См.: *Лавровский Н.* О древне-русских училищах. Харьков, 1854; *Миропольский С.* Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени: В 3 вып. СПб., 1894–1895. Переизд.: М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006; *Харламович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 187–190.

⁸ См.: *Амвросий (Орнатский), еп.* История Российской иерархии, собранная епископом, бывшим Пензенским и Саратовским, Амвросием, а ныне вновь пересмотренная, исправленная и умноженная. Ч. 1. М., 1807. С. 411, 413.

Божию», «хранению во всякой чистоте». Но цель такого воспитания и обучения — дабы лучшие из учащихся, «пришедшие в возраст», были достойны «священнического чина»⁹.

Следует заметить и то, что к XVI в. Русское государство не могло не чувствовать ответственность за развитие православного образования в целом. В Константинопольском Патриархате, находящемся с середины XV в. под властью Османской империи, православное образование ограничивалось начальным, в упадке находилась даже столичная богословская школа. Византийские образовательные традиции еще сохранялись, но актуализировать их и устроить высшую школу было невозможно. Еще хуже обстояли дела в других восточных Церквях — Иерусалимской, Александрийской, Антиохийской: пришли в полное запустение знаменитые богословские школы древности. Представители этих Церквей получали образование на Западе, преимущественно в Италии, но чуждые традиции, опасность униатства — очень реальная после Ферраро-Флорентийского собора — ставили под сомнение успешность этого пути. В 1577 г. в Риме была учреждена коллегия святителя Афанасия — специальное учебное заведение для юношей греческого происхождения, для обучения в котором необходимо было принять унию. Единственная православная страна, на которую можно было на этом этапе возлагать надежды в развитии православной образованности, была Московская Русь.

1. Первые православные школы в Юго-Западной Руси. Значение братских школ в церковном просвещении (конец XVI в. — 1632 г.)

Со второй половины XVI — начала XVII в. в русском просвещении и образовании начинается новая эпоха, с которой и следует начать обзор. Но первой в эту новую эпоху вступила не Московская, а Юго-Западная Русь¹⁰. Государственное и церковное отделение от Москвы и вхождение в состав Литовского государства, соединенного с 1386 г. с Польшей, поставило юго-западное православие лицом к лицу с западной культурой, католическими и протестантскими школами, распространенными в Польше и Литве. С одной стороны, это приобщение к польской культуре имело положительное значение: Польша стала для Руси проводником латыни — главного языка науки и образования того времени, — через Польшу попадала научная литература на латинском или на польском языках¹¹. С другой стороны, и православную веру, и русский язык, и традиции пришлось теперь не только хранить и осмыслять, но и защищать. Противостояние просвещенным представителям католицизма обнажило с еще большей силой и недостаточную образованность пастырей, и слабую просвещенность паствы. Разумеется, речь не идет о безграмотности и священства, и мирян-горожан, а лишь об отсутствии систематического образования, хотя некоторые исследователи настаивают на существовании школ в Западной Руси в XIII–XVI вв. и достаточно высоком уровне образованности горожан¹². А альтернатива была, и достаточно высокого интеллектуального уровня. Появление первых латинских школ в Западной Руси исследователи относят ко второй половине XIV в., причем среди них были достаточно серьезного уровня — прежде всего, конечно, Краковский университет (1364)¹³.

⁹ См.: Там же. С. 414–415.

¹⁰ Под Юго-Западной или Западной Русью в русской историографии понимают обычно русские земли, принадлежавшие в XV–XVIII вв. (некоторые территории — только часть этого времени) польско-литовскому государству и жившие политической жизнью, отдельной от Московской Руси (то есть: Киев, Подольск, Волынь, Чернигов, Смоленск, Могилев, Минск, Витебск, Вильно, Гродно с окрестными землями, Галиция).

¹¹ См. Шляпкин И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891. С. 7–76.

¹² См.: Харлампович К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 192–197.

¹³ См.: Там же. С. 4–5; Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории России. М., 2009. С. 96–98; Zernak K. Krakau. Nec cedat Academia

Но в XVI в. число католических школ значительно возрастает и уровень образования в них повышается. Когда в XVI в. в польско-литовском государстве появились протестанты разных направлений, завоевывавшие положение в государстве и обществе через организацию школьного образования высокого уровня, католики, не надеясь на свои старые школы, призвали уже зарекомендовавших себя в образовательной деятельности иезуитов¹⁴. Школьная модель, разработанная Орденом иезуитов, оказалась настолько удачной, что именно она в значительной степени определяла учебные критерии Европы на протяжении второй половины XVI–XVII в. Иезуиты, возглавив просветительский процесс, продвигались с его помощью по Восточной Европе очень быстрыми темпами: после утверждения ордена на Тридентском соборе уже в 1564 г. они появились в Польском королевстве, а в 1581 г. проникли и в Московское царство¹⁵.

В 1564 г. была учреждена иезуитская школа в Браунсберге, преобразованная в 1568 г. в коллегию; первые иезуитские коллегии в Вильно и Ярославле Галицком появились в 1570 и 1571 г. Православные шляхтичи охотно отдавали детей в эти школы. В 1578–1579 гг. король Стефан Баторий подписал привилегии на преобразование Виленской коллегии в Академию и университет (*Almae Academia et Universitas Vilnensis Societatis Jesu*), то есть, высшее учебное заведение, имеющее право присуждения ученых степеней. Это право и академический статус виленской школы были подтверждены папой Григорием XIII и Варшавским сеймом 1585 г.¹⁶ В 1581 г. была открыта иезуитская школа в Полоцке; на ее содержание Стефан Баторий передал все местные православные монастыри и церкви с имениями. Через три года иезуитам удалось распространить свои учебные деяния на один из главных центров Реформации в Великом княжестве Литовском — Несвиж. Коллегии в Полоцке и Несвиже в первые десятилетия не имели старших классов, перейдя к преподаванию философии лишь в 1605 г. Кроме того, в Польско-Литовском государстве действовали традиционные католические Академии — старая Краковская и учрежденная в 1593 г. Замойская. Твердости православных убеждений было недостаточно для противостояния образованным оппонентам и воспитания молодого поколения в чистоте православного учения. С униатским и католическим влиянием необходимо было бороться равными средствами — просвещением и хорошими школами.

Образованное православное шляхетство Западной Руси хорошо понимали чрезвычайную важность просветительской деятельности: изучения слова Божия, проповедничества, устной и письменной полемики с католичеством, а позднее и с протестантством, устройства типографий и школ. Из школ, учрежденных православными дворянами, наиболее известна школа князя Константина Острожского, открытая в конце 1570-х гг. Острожский просветительский центр более известен по типографии, издавшей в 1580–1581 гг. знаменитую Острожскую Библию¹⁷. Но и учебные инициативы князя К. Острожского представляют интерес: он состоял в переписке с Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом, что подчеркивало связь просветительских тенденций западно-русского православия с Восточными Патриархами, а через них — с Православием в целом. Школа князя К. Острожского была помещена в Троицком

// *Stätten des Geistes. Große Universitäten Europas von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von A. Demandt. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 206.

¹⁴ См., например: *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 39–47; *Grzeben L.* The Jesuit period in the history of Vilnius university, its position among Jesuit universities and importance in the history of commonwealth of Poland and Lithuania // *Vilniaus universitetas Europoje: praeitis, dabartis, ateitis*. Vilnius, 2005. P. 120–131; *Андреев А. Ю.* Российские университеты... С. 99–107.

¹⁵ См. знаменитые записки и письма Антонио Поссевино о путешествии в Россию в 1581–1582 гг.: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983.

¹⁶ См.: *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 48–50.

¹⁷ См.: *Сольский С.* Острожская Библия в связи с целями и видами ее издателя // *Труды Киевской духовной академии* (далее: ТКДА). 1884, № 7. С. 293–320; *Селецкий А. К.* Острожская типография и ее издания: Историческая монография: В 2 кн. Почаев, 1885.

монастыре. Преподаватели по просьбе князя были присланы Константинопольским Патриархом из Греции. Так, греческий язык преподавал Кирилл Лукарис — выпускник Падуанского университета, будущий Патриарх Александрийский, затем Константинопольский. Так как князь К. Острожский с сочувствием относился к просветительской деятельности протестантов, его школу иногда обвиняли в протестантских уклонах, хотя определенные заимствования были лишь в учебно-воспитательной организации: структуре образования, методах преподавания, классной дисциплине. В самом начале XVII в. князь Острожский попытался повысить уровень своей школы, послав проект Академии в Грецию и в Рим, надеясь на получение учителей либо из самой Греции, либо из коллегии святителя Афанасия. Но, видимо, проект был не осуществим: и в греческом православии не было учителей требуемого уровня¹⁸. Так что превращение Острожской школы в Академию не удалось: хотя в некоторых источниках эта школа называется Академией, и этот статус принимается частью исследователей, большинство определяют ее как среднюю школу¹⁹. Так как архивы школы и типографии князя Острожского утрачены, погибли и документы города Острога, уточнения в этом вопросе вряд ли возможны²⁰. Кончина князя К. К. Острожского в 1608 г. обусловила конец его школы: наследники либо не интересовались просветительской миссией, либо перешли в католичество, появление же в 1624 г. рядом с Острогом иезуитской коллегии завершило историю²¹.

Исследователи приводят факты существования в Юго-Западной Руси в XVI в. и других частных школ: в Красноставе (1550), Заблудове (1567), Турове (1572), Куренце (1576), Владимире (1577)). В это же время оживилась и традиция школ при монастырях: в Михаило-Архангельском Златоверховом монастыре в Киеве (1563), Зимненском монастыре под Владимиром Волынским (1565), Уневском Успенском монастыре в Галиции и в Холме (1560–1580-е)²². Следует учитывать и просветительскую инициативу западно-русских писателей XVI в. — московских изгнанников бывшего Троицкого игумена старца Артемия и князя А. М. Курбского, — хотя значимость этой инициативы оценивается неоднозначно²³.

Но главную роль в решении школьной проблемы в Юго-Западной Руси сыграли православные братства, которые учреждались при церквях или монастырях, получая соответствующие названия: Львовское Успенское, Виленское Свято-Троицкое (с 1609 г. Свято-Духовское), Киевское Богоявленское, Луцкое Крестовоздвиженское. Братства устраивались по типу цехов — сказывалась европейская традиция, — но главным для них была единокорная деятельность на пользу православной веры²⁴. Защита древней веры

¹⁸ Харламович К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века ... С. 259; Мицько И. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія... С. 66–70.

¹⁹ См.: [Петров Н. И.] Очерк истории православной духовной школы на Волыни // ТКДА. 1867. № 2. С. 181–186; Харламович К. В. Острожская православная школа // Киевская старина. 1897. № 5. С. 186–188; Мицько И. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990. С. 25–26.

²⁰ Мицько И. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія... С. 3.

²¹ Там же. С. 66–70.

²² См.: Харламович К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 199–201.

²³ См.: Там же. С. 209, 216–218; Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. Переизд.: Вильнюс, 1991. С. 31–33; Филошкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. Дисс. ... докт. истор. Наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т., 2007. С. 100–115.

²⁴ В историографии высказывалось три основных точки зрения на вопрос о зависимости западно-русских братств от европейской средневековой традиции: 1) западно-русские братства — явление исключительно отечественное, имевшее связь с древне-русскими братчинами; 2) западно-русские братства полностью продолжали традиции западно-европейских цехов, основа которых коренилась в примерах древне-христианской жизни; 3) западно-русские братства, хотя и вышли из цеховой традиции, одушевлялись народным русским духом и православной верой. С. Т. Голубев видел в братствах проявление коллективного патронажа над церковными учреждениями — характерной особенности церковной жизни в Речи Посполитой в XV–XVII вв. А. С. Крыловский добавляет, что на характер западно-русских братств

неизбежно подразумевала ее понимание и изучение, поэтому с самого начала просветительскую задачу братства понимали как одну из главных. Самые старые братства — Львовское и Виленское — возникли еще в XV столетии, однако до конца XVI в. они имели довольно слабую организацию, мало средств и влияния. Увеличение числа братств началось с момента заключения Люблинской унии (1569 г.), когда католическая агрессия стала очевидной.

Братства находились в тесной связи с Восточными Патриархами и ощущали необходимость в их благословении, в дальнейшем же, после отпадения большей части западно-русского епископата в унию в 1596 г., эта связь стала церковной опорой для православных мирян. Связь с Патриархами обуславливала ставропигию братств: независимость от суда местного епископа и подчинение только суду Патриарха. Это право приобреталось патриаршими грамотами, которые получались во время пребывания того или иного Патриарха на территории Речи Посполитой. Так, в 1586 г. старейшее — Львовское Успенское — братство, воспользовавшись кратким пребыванием Антиохийского Патриарха Иоакима во Львове, просило его об утверждении братского устава. От Патриарха Иоакима исходило и пожелание Львовскому братству: устроить школу для обучения детей славянскому и греческому языкам и догматам православной веры²⁵. В 1589 г. права этого братства были подтверждены проезжавшим через Львов Константинопольским Патриархом Иеремией. В том же году привилегию от Патриарха Иеремии вместе с правом открыть школу получило и Виленское Свято-Троицкое братство. Львовский устав 1586 г. был взят за эталон, и на Брестском соборе в июне 1590 г. он был распространен на все братства Киевской митрополии. Львовская школа на первом этапе снабжала учителями другие открывающиеся братские школы, которых к началу XVII в. было уже около тридцати²⁶.

В то же время братствам удавалось получать королевские грамоты, коими и братства, и их школы освобождались от городских налогов и подчинения местным судьям. Так, старейшие братства получили по ходатайству князя Острожского такие грамоты от короля Сигизмунда III: Виленское братство — в 1589 г., Львовское — в 1592 г. Эта помощь князя Острожского не случайна: в этом же 1592 г. князь Острожский жаловался Львовскому братству на «великий умственный голод», недостаток учителей, и, видимо, делал все возможное для упрочения положения братских школ²⁷. Королевской грамотой 1592 г. Львовской братской школе разрешалось преподавать «свободные науки», а ее статус приравнивался к протестантским и католическим училищам с такой же программой и правом преподавания на латыни. Однако преподавание латыни началось, видимо, лишь в 1604 г., причем само преподавание по-прежнему велось на славянском и греческом языках и характер учебного процесса практически не менялся²⁸.

В 1615 г. Киевским Богоявленским братством была открыта школа, чрезвычайно важная для дальнейшей истории российского духовного образования. Эта школа сразу была поставлена в особое положение среди братских: в нее перешли лучшие ученые силы из Львова, а первым ректором стал прежний ректор Львовской братской школы Иван Борецкий — будущий митрополит Киевский Иов²⁹. Но среди учителей Киевской братской

могли повлиять и традиции единой Греции, в которой после нашествия крестоносцев стали образовываться братства, имевшие целью защиту православия — примером служит Венецианское братство (см.: *Голубев. С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: В 2 т. Киев, 1883, 1898. Т. II. С. 219–222; *Крыловский А. С.* Львовское ставропигиальное братство: Опыт церковно-исторического исследования. Киев, 1904. С. II–V).

²⁵ См.: *Шустова Ю. Э.* Школа Львовского Успенского ставропигийского братства в конце XVI – начале XVII в.: взаимодействие греко-славянских культурных традиций // Россия и христианский Восток / Под ред. Б. Л. Фонкича. Вып. II–III. М., 2004. С. 177.

²⁶ См.: *Крыловский А. С.* Львовское ставропигиальное братство... С. 29–43.

²⁷ *Харлампович К. В.* Острожская православная школа // Киевская старина. 1897. № 6. С. 365.

²⁸ См.: *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 307.

²⁹ См.: *Исаевич Я. Д.* Братства та їх роль у розвитку української культури XVI–XVII ст. Київ, 1966. С. 140, 145.

школы были и греки, и выходцы из Московского царства, и выпускники иезуитских коллегий. Первым фундушем, легшим в основу материального обеспечения школы, стало пожертвование в 1615 г. супруги мозырского маршалка Галыпки (Елизаветы) Лозинской, привилегии же этого училища были утверждены грамотой Патриархов — Константинопольского Феофана и Александрийского Кирилла — в 1620 г.³⁰

Членами братств были лица разного звания, чина и положения, духовные и светские: митрополиты, архиепископы, епископы, игумены, иноки, священники, князья, дворяне, паны, шляхтичи, мещане. Однако отпадение в униатство большей части иерархии в 1596 г. создало парадоксальную ситуацию: инициатива в развитии действующих православных церковных братств и учреждении новых стала принадлежать мирянам. Ими же развивалась просветительская составляющая: школы, типографии, проповедь. В этом было некоторое сходство с протестантизмом, хотя и «зеркальное»: в православных братствах миряне стремились не к переменам, а, напротив, к сохранению веры и традиции. Тем не менее, как нередко бывало в истории, церковная проблема — опасность унии — стимулировала развитие образования. Так, Лаврентий Древинский — один из активных защитников Православия — в 1620 г. на Варшавском сейме говорил: «Если бы не последовало отступления некоторых из нашего духовенства от своего законного Пастыря вере, если бы от нас исшедшие не восстали на нас, то таковые науки, таковые училища, толико достойные и ученые люди никогда бы не открылись в народе российском. Учение в церквах наших по-прежнему было бы покрыто прахом нерадения»³¹. Нельзя сказать, что Восточные Патриархи приветствовали доминирующую роль мирян в церковных братствах и школах. Так, в 1620 г. Иерусалимский Патриарх Феофан, проезжая через Львов, настаивал на передаче братской школы и типографии в заведование монахов Онуфриевского монастыря.

Братские школы были школами уставными. Специальный школьный устав сохранился лишь в Луцком Крестовоздвиженском братстве — его школа была основана в 1620 г., — но братские школы устраивались и действовали очень сходно, что позволяет в значительной степени реконструировать по этому уставу деятельность всех братских школ³². Это были открытые учебные заведения, учащиеся жили у родственников или у квартирных хозяев, хотя некоторые братства устраивали при храмах или монастырях общежитие для беднейших. Главной задачей братских школ было воспитание детей и укрепление юношества в православном духе, а не целенаправленная подготовка духовенства и не научное образование. Основательно изучались церковный устав, церковное чтение, пение и пасхалия, Священное Писание и Предание («учение от Святых Евангелий, посланий Апостольских, Пророков, Св. Отец»), учение о добродетелях и учение о церковных праздниках. Были и общеобразовательные дисциплины: грамматика, риторика, история, пиитика, диалектика, философия. Но определялся учебный план преимущественно Священным Писанием и изучением богослужебных книг³³. Такой путь — познание всех наук через Писание и богослужение — предлагали многие. Так, переводчик Священного Писания, просветитель и первопечатник Франциск Скорина — одна из загадочных личностей конца XV — первой половины XVI в.³⁴ — рекомендовал

³⁰ См.: *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 346.

³¹ Цит. по: [*Горский А. В.*] О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Прибавления к Творениям святых отцов (далее: ПТСО). 1845. Ч. III. Кн. 2. С. 149.

³² Эти «артикулы прав школы Греко-латино-славянской» приводит, например, будущий митрополит Макарий (Булгаков) в своем сочинении (см. *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. СПб., 1843. С. 23–26).

³³ См.: *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. С. 25–26.

³⁴ Франциск Скорина (1490(?)–1551(?)), выдающийся просветитель и деятель западно-русской культуры XVI в., ученый, писатель, переводчик, доктор философии (Краковский университет, 1507) и медицины (Падуанский университет, 1512). Основатель белорусского и восточнославянского книгопечатания, переводчик и издатель Библии для домашнего чтения. Православный, хотя широкий круг его общения рождал версии о принадлежности его к иным христианским конфессиям (см.: *Владимиров П.*

для изучения грамматики Псалтирь, логики — книгу Иова и послания апостола Павла, для изучения «красномовности» — книги Соломона, арифметики — книгу Чисел, геометрии — Иисуса Навина, астрономии — первые главы книги Бытия и т. д.³⁵

Сложнее было с языками: на первом этапе изучали, кроме русского, церковно-славянский и греческий (при наличии учителей), причем последний в некоторых братских школах старались сделать разговорным. В дальнейшем, исходя из окружающей обстановки, ввели латинский и польский языки, хотя и не без сомнений: училища были устроены «отрача православным», латинский и польский же ассоциировались с католической опасностью. В патриарших и королевских грамотах братские училища называются школами греческого, славянского, русского, латинского и польского письма, причем языками общения преподавателей и учащихся были славянский и греческий³⁶. Учебники для своих школ братства старались издавать сами, на основе записок преподавателей³⁷. Церковно-славянский язык изучали по букварям и грамматикам, использовали «Лексиконы»³⁸; греческий — по греко-славянской грамматике, составленной Арсением Элассонским на основе западных и византийских грамматик³⁹. Только латинский язык после его введения учили по грамматикам Корнелия Валерия и М. Альвареса⁴⁰. Диалектика сначала преподавалась по сочинениям преподобного Иоанна Дамаскина, однако затем использовались латинские пособия; пиитика, риторика и гомилетика изучались по латинским и польским руководствам, лишь в 1640–1650-х гг. были составлены свои пособия⁴¹. Богословие также на первых порах шло по запискам, которые учитель выдавал ученикам для списывания или диктовал на уроках, затем на основе этих записок издавались православные катехизисы⁴². Для издания учебников Львовское братство использовало типографию, выкупленную после смерти Ивана Федорова, и в 1589 г. Константинопольский Патриарх Иеремия закрепил за типографией право издавать школьные пособия. Во Львове, как и ранее в Остроге, печатники были непосредственно связаны со школой.

То образование, которое давали латинские школы — научное по понятиям того времени — многие братчики считали источником ересей. Киевское братство в 1626 г., прося царя Михаила Федоровича о милостыне для содержания братской школы, писало: «Училище отрочатом православним милостию Божиею языка славяноросского,

В. Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. Минск, 1990).

³⁵ См.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина... С. 115–117. Относительно конфессиональной принадлежности Франциска Скорины биографы высказывают различные мнения: у одних его православие не вызывает никакого сомнения, другие считают, что вероисповедание Скорины в точности неизвестно, третьи находят основания для отнесения его к католикам или протестантам (см.: *Немировский Е. Л.* Франциск Скорина. Минск, 1990; *Уляхин М.* Полная биография Георгия (Доктора медицинских и свободных наук Франциска) Скорины. Полоцк: Наследие Ф. Скорины, 1994. С. 9–10).

³⁶ Например, в грамоте Иерусалимского Патриарха Феофана 1620 г. (см.: *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. С. 26).

³⁷ См.: *Крыловский А. С.* Львовское ставропигиальное братство... С. 243–260.

³⁸ Известны «Букварь» Ивана Федорова (Острог, 1574) и «Наука ку читаню и разумению писма славенскаго» Лаврентия Зизания (Вильно, 1596); «Грамматика» (Вильно, 1586); «Грамматики славенские правильное синтагма» Мелетия (Смотрицкого) (Евье, 1619) и его же «Грамматика, албо Сложение письмени, хотящим ся учити славенского языка малолетним отрочатом» (Вильно, 1621); церковно-славяно-русские словари «Лексис» Лаврентия Зизания (Вильно, 1596) и «Лексикон славяно-росский» Памвы Беринды (Киев, 1627).

³⁹ «Адельфотис. Грамматика доброглаголиваго еллинославенскаго языка» (Львов, 1591).

⁴⁰ См.: *Cornelius Valerius.* Grammaticarum institutionun libri 4. Antverpiae, 1565), *Alvarez M.* De institutione grammatica libri 3. Vilnae, 1592.

⁴¹ Кириллом (Транквиллионом-Ставровецким) — по пиитике — «Перло многоценное» (Чернигов, 1646); Иоанником (Галятовским) — по риторике — «Наука, албо Способ, зложения казаний» (Киев, 1659).

⁴² Известны «Катехизис» Стефана Зизания 1595 г. (не сохранился); «Катехизис, албо Вызнане веры святое соборное апостольское въсходное Церкви» (Вильно, 1600) — извлечение из курса догматического богословия Виленской школы; «Катехизис» Лаврентия Зизания (Киев, 1627) (опубликованный на славянском языке в Москве при Патриархе Филарете, но подвергшийся затем осуждению).

еллиногреческого и прочих даскалов великих иждивением устроихом, да не от чуждого источника пиюще, смертоносна яда западных схизмы упившеся и к мрачно-темным римляном уклонятся»⁴³. Поэтому латинских богословских систем не изучали. Неоднозначным было отношение к преподаванию светских наук, прежде всего, риторики, диалектики и философии. Радикалам братского движения казалось их включение в число изучаемых дисциплин излишним и даже вредным.

Разумеется, не все братчики стояли на столь жесткой позиции и по отношению к светским наукам, и по отношению к католическим образовательным учреждениям. Так, член Киевского братства Захария (Копыстенский) в своей «Палинодии» защищал светские науки, возводя их к византийским, следовательно, православным. Однако систематического образования, уже отлаженного в европейских коллегиях, университетах и академиях, в братских школах введено не было⁴⁴.

Братские школы в определенном смысле решали церковно-образовательную задачу: они готовили ревностных проповедников, полемистов, авторов богословских трактатов. Историк Киевской школы иеромонах Макарий (Булгаков) для свидетельства просветительских заслуг братских школ приводит имена мужей, пользовавшихся «величайшею славой во всей Малороссии»: черниговского архимандрита Кирилла Транквилиона (Ставровецкого), автора «Евангелия учительного» (1619), «Зеркала Богословия» (1618), «Перла многоценного» (1646), и Киево-Печерского архимандрита Захарии (Копыстенского), автора «Книги о вере» (1619) и «Палинодии» (1622)⁴⁵. Но, несмотря на эти успехи в первые десятилетия XVII в., братские школы не могли конкурировать по уровню образования с иезуитскими коллегиями и, тем более, академиями. Кроме отсутствия научной системы, нередко причиной слабого образования была скудость материальных средств братских школ. К началу 1630-х гг. упадок образования в братских школах стал особенно заметен⁴⁶. Поэтому православное юношество, искавшее образование более высокого уровня, по-прежнему направлялось в иезуитские коллегии и академии, невзирая на опасность «заразиться латинством». Так, будущий ректор киевских братских школ монах Кассиан (Сакович), первый ректор и префект Киевской коллегии иеромонах Исайя (Трофимович-Козловский) и монах Сильвестр (Косов) учились в Замойской Академии⁴⁷.

2. Школьные преобразования святителя Петра Могилы. Адаптация «иезуитской модели» в православном образовании (1632–1701 гг.)

Принципиальное изменение образовательной концепции было проведено митрополитом Киевским Петром Могилой (1633–1647). Точных сведений о его личном образовании не сохранилось, но, возможно, начало было положено в Львовском братском училище, а продолжение — в европейских университетах⁴⁸. В 1627 г. он был избран

⁴³ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. Часть первая: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648). Ч. VI. Киев, 1883. С. 573.

⁴⁴ Не следует, однако, считать, что таким образом братские школы были полностью ограждены от латинского влияния. Так, сочинения преподавателей Львовского братского училища иеромонаха Кирилла Транквилиона (Ставровецкого) и «Большой катехизис» протоиерея Лаврентия Зизания-Тустановского были осуждены в Москве за латинские заблуждения еще в до-могилянскую эпоху, в 1620-х гг.

⁴⁵ См.: Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Духовной Академии. С. 32.

⁴⁶ См.: Крыловский А. С. Львовское ставропигиальное братство... С. II–V.

⁴⁷ См.: Харламович К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века... С. 140.

⁴⁸ С. Т. Голубев настаивает на том, что часто приводимые сведения об образовании митрополита Петра (Могилы) в Львовской братской школе и в заграничных университетах не подкреплены источниками, но не лишены оснований: семья Могилы была связана с Львовским братством, а познания и деятельность митрополита свидетельствуют о широком научном образовании (см.: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила... Т. I. С. 8–19).

Киево-Печерским архимандритом, который номинально подчинялся не Киевскому митрополиту, а Константинопольскому Патриарху⁴⁹. «Видя великую потерю для душ человеческих от неучености духовенства и необучения юношества» и желая создать школу с систематическим научным курсом, архимандрит Петр собрался устроить при Киевской Лавре особое высшее училище — коллегия — «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках»⁵⁰. Для этого он отправил учиться за границу плеяду молодых людей, предназначенных на преподавательские должности. Лаврская коллегия была учреждена, ректором назначен приглашенный из Львова иеромонах Исайя (Козловский), префектом — монах Сильвестр (Косов)⁵¹. Одновременно с Лаврской коллегией митрополит Петр учредил еще православную коллегия в Виннице, подчиненную Киевской (впоследствии переведенную на Волынь в Гощу, почему и называемая Гойской)⁵². Однако против Лаврской коллегии киевскими униатами было инициировано народное волнение. Члены Киевского братства были недовольны дроблением научных сил, некоторые из них высказывали недоверие к латинской системе образования. Проблемы удалось решить, соединив коллегия с Братской школой и поместив в Братский Богоявленский монастырь на Подоле (1632). При этом Киевское братство признало Петра (Могила) «старшим братом, опекуном и фундатором» своего братства, монастыря и школы, сформулировав определенные условия относительно участия братства в управлении школой, употребления доходов с братских земель исключительно на нужды образования и благотворительной деятельности братства⁵³.

Принципы организации и преподавания митрополит Петр (Могила) заимствовал от иезуитских коллегий, в которых видел наиболее подходящую модель церковной школы с научными задачами. Это событие стало чрезвычайно важным для всей истории российской духовной школы. Православная ревность братств соединилась с европейской образовательной традицией. Через Киевскую школу иезуитский тип учебного заведения на столетие с лишним стал доминирующим в русском образовании — не только в Малороссии, но и в Великороссии, а некоторые его черты сохранились и в дальнейшем. Согласно *Ratio studiorum* — главному документу, регулировавшему деятельность всех иезуитских школ, — учебный процесс был латиноязычным: на латинском языке преподавались все основные дисциплины (кроме катехизиса и славянской грамматики), говорили между собой преподаватели и учащиеся и в классах, и дома, и на улице. В Киевской коллегии планировалось образовать 8 классов: 7 по обычаю иезуитских коллегий (инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика, философия и богословие) и восьмой низший дополнительный, в котором учили читать и писать. Таким образом, система «свободных наук» венчалась богословием — так иезуиты преобразовали модель европейского университета.

Переход Киевской школы на иезуитские принципы преподавания, хотя и с православным содержанием самого образования, непросто был воспринят и киевским обществом, и многими членами братств. Смущал и латинский язык, доминирующий в обучении над греческим и славянским, и сама система образования. Униаты, пользуясь

⁴⁹ См.: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила... Т. I. С. 56–79.

⁵⁰ См.: Там же. С. 433.

⁵¹ См.: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила... Т. I. С. 422–452; *Он же*. История Киевской духовной академии. Вып. 1: Период домогилянский. Киев, 1886. С. 177, 226, 228, 233. Прил. С. 46, 49, 77. Возможно, это деяние носило временный характер: замысел устроить в Лавре школу по научным принципам родился у архимандрита Петра еще до кончины Киевского митрополита Иова (Борецкого) (1631), но последний, оставив архимандрита Петра своим душеприказчиком, в духовном завещании наказал устроить училище в Киеве при Братстве, а не в ином месте (см.: Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. 2-е изд. Киев, 1897. С. 406–410).

⁵² См. там же. С. 229–233. Гойская коллегия действовала до 1672 г., когда была истреблена пожаром.

⁵³ См.: Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. 2-е изд. Киев, 1897. С. 412–415; Петров Н. И. Киевская Академия во второй половине XVII века. Прил. II // ТКДА. 1895. Т. III. № 11. С. 591.

общим недовольством, возвели на коллегиям еще обвинение в арианстве, кальвинизме, лютеранстве и социнианстве. Возникла необходимость в научной защите преобразованной школы, которая была проведена профессором иеромонахом Сильвестром (Косовым) в знаменитом трактате «Сказание или справа о школах киевских и винницких» (1635). К моменту появления этой апологии сам автор уже не состоял в преподавательской корпорации, но оставался единомышленником святителя Петра (Могилы). Иеромонах Сильвестр, используя ссылки на Священное Писание и отцов Церкви, а также привычные силлогизмы и литературные приемы, во-первых, защищал Киевские школы от обвинения в еретических учениях (останавливаясь особо на учении о Таинствах и о предопределении); во-вторых, доказывал необходимость латинского языка для современного научного образования⁵⁴. Но Восточные Патриархи отнеслись к преобразованию с пониманием. Так, проезжающий в 1649 г. через Киев Иерусалимский Патриарх Паисий дал Киевскому училищному братству благословенную грамоту, обещав в ней предать анафеме «яко небогоугодное... дело учения мнящих». В грамоте Патриарх Паисий подтвердил и обосновал преподавание трех языков ученикам Киевской коллегии: не только славянского, «яко свойственного», и греческого, но и латинского, «яко между латинами живущим»⁵⁵.

Однако, несмотря на то, что Киевская школа была преобразована по примеру польско-католических коллегий, по своим правам — в том числе, учебным, — она была существенно ниже. Так, королевский универсал или привилей Владислава IV от 18 марта 1635 г. предоставлял Киево-братской коллегии преподавать науки не далее диалектики и логики⁵⁶, то есть, лишал права развивать и преподавать богословие. Этот универсал был подтвержден Зборовским договором 1648 г., польским сеймом 1650 г. и привилеем короля Михаила от 10 октября 1670 г.⁵⁷ Таким образом, впервые десятилетия после преобразования в Киево-Могилянской коллегии был лишь словесно-философский семилетний учебный план (для тех, кто уже умел читать и писать на родном языке), состоявший из: годичных инфимы, грамматики, синтаксисы, пиитики, риторики и двухгодичной философии⁵⁸. Понятно нежелание польского правительства дать разрешение на развитие православного богословия. Эта ситуация вынуждала русских студентов по-прежнему слушать богословие в католических коллегиях и академиях, отправляясь за этим в Польшу или в более далекие пределы, причем принимать для этого унию или католичество. Заметим, что эта ущербность Киево-Братской коллегии

⁵⁴ Сочинение было напечатано в Киеве на польском языке: «Exegesis to iest danie sprawy o szkolach kijowskich i winickich» (см.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. I. С. 436–445; Т. II. С. 245–268).

⁵⁵ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. 2-е изд. Киев, 1897. С. 440–442.

⁵⁶ См.: *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве: В 3 вып. Вып. 1. М., 1891 (на обложке — 1892). См. также: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. II. № 8. С. 588–589.

⁵⁷ См.: *Аскоченский В. И.* Киев с древнейшим его училищем и академией: В 2 ч. Киев, 1856. Ч. 1. С. 200–202.

⁵⁸ См. также: *Голубев С. Т.* История Киевской духовной академии. Вып. 1: Период домогилянский. Киев, 1886. С. 190; Прил. С. 77. Первый ректор Киевской коллегии иеромонах Исайя Козловский в списках игуменов Киево-Братского монастыря, ректоров, префектов и учителей именуется как «премудрый Богословии учитель». Однако историк Киевской академии Н. И. Петров высказывает предположение, что это связано не с чтением им учебного богословского курса, а с тем, что отец Исайя был первым и единственным на тот момент русским доктором богословия (см.: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII века. // ТКДА. 1895. Т. II. № 8. С. 594; Прил. II. // Там же. Т. III. № 11. С. 591; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. VI. М., 1996. С. 560). У митрополита Евгения (Болховитинова) есть упоминание о Феофане (Прокоповиче) I (дяде петровского сподвижника), как о «первом Богословии учителе», но тоже, видимо, ошибочное (см.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов Константинопольской и Киевской Софийской церкви и Ярослава надгробия. Киев, 1825. Прил. С. 227; *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 9. С. 37–39).

ощущалась очень болезненно и в самом Киеве. Так, в 1645 г. иезуиты, получив королевскую привилегию, устроили в Киеве на Подоле свою коллегию, куда приглашали православных студентов, используя свое преимущество в науках⁵⁹.

В 1658 г., при ректоре Иоанникии (Голятовском), появилась перспектива открыть в Киево-Братской коллегии богословский класс, однако, при печальных стечениях обстоятельств. Гетман Иван Выговский, изменив России, заключил договор с поляками, при этом выговорил условие: «Академии в Киеве быть с преимуществами, равными Краковской»⁶⁰. Но, видимо, богословие не могло развиваться ценой предательства: измена Выговского привела к междоусобной войне между казаками, во время которой пострадал и Киево-Братский монастырь с коллегией, а ректору с учащими и братией монастыря пришлось восстанавливать здания и налаживать учебный процесс. Заметим, что в эти годы и будущие преподаватели философии и риторики в Киевской коллегии часто по-прежнему проходили заграничную выучку дополнительно к отечественной — преимущественно в польских коллегиях (в Ельбинге, Ольмюце) и академиях (Краковской, Виленской, Замойской). Некоторые, наиболее ревностные к знаниям, добирались до Рима, до коллегии святителя Афанасия. Так, за границей заканчивали образование будущие ректоры Киевской коллегии Варлаам (Ясинский), Иоасаф (Кроковский), Стефан (Яворский) и другие. В Римской коллегии святителя Афанасия учился будущий архиепископ Феофан (Прокопович)⁶¹.

В отдельных случаях в состав преподавательской корпорации включались и приезжие: так, в 1672 г. философию преподавал знаменитый, но не совсем «легитимный» Газский митрополит грек Паисий Лигарид⁶². Отсутствие богословского класса не означало, разумеется, полного отсутствия богословских знаний у выпускников. Богословских вопросов касались в курсах философии: так, в лекциях по физике Иннокентия Гизеля 1645–1647 гг. рассматриваются вопросы о душе разумной, ее происхождении, бессмертии и духовности; в его же лекциях по метафизике есть философско-богословский трактат о Боге и ангелах, об отношении Бога к тварям. Богословско-практические элементы — о сочинении и произнесении проповедей — включались в курсы риторики⁶³. Кроме того, специально для коллегии писались катехизисы, которые преподавались, видимо, в грамматических классах⁶⁴. Но в целом этот период был непростым для Киевской коллегии: войны, польские погромы не способствовали повышению образовательного уровня.

Проблема с богословским классом была разрешена в Киевской коллегии лишь после окончательного присоединения Украины к России в 1686 г.: по «вечному миру» между Россией и Польшей Киев, а вместе с ним Киево-Могилянская (Киево-Братская) коллегия отошли навсегда к России⁶⁵. Теперь можно было ожидать, что русское правительство, напротив, будет заинтересовано в развитии православного богословия.

⁵⁹ См.: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. II. № 8. С. 607.

⁶⁰ Цит. по: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов Константинопольской и Киевской Софийской церкви и Ярославова надгробия. Киев, 1825. С. 180.

⁶¹ См.: *Аскоченский В. И.* Киев с древнейшим его училищем и академией. Киев, 1856.

⁶² Митрополит Паисий Лигарид заслужил не очень лестные характеристики от современников нетвердостью вероисповедных воззрений и авантюрным складом характера. Считали, что этот «хитрый и льстивый грек, питомец коллегии, основанной папою Григорием XIII для обращения греков в латинство [Коллегия святителя Афанасия в Риме]», точно выполняет эти задачи. Но так как он был человек ученый, «знарок церковных правил», он неизменно был востребован в учебном деле (См., например: *Майков Л. Н.* Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. С. 15).

⁶³ См.: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 9. С. 50.

⁶⁴ Например, «Собрание короткой науки о артикулах веры православно-кафолической христианской» Петра Могилы 1645 г.

⁶⁵ См., например: *Титов Ф. И., свящ.* Окончательный переход Киева от Польши к России по договору о вечном мире между ними 1686 г. (Реферат) // ТКДА. 1904. № 7. С. 432–456.

Первый богословский курс в Киевской коллегии был прочитан, по мнению ее историков, лишь в 1689–1693 гг. ректором и игуменом Иоасафом (Кроковским)⁶⁶. К этому времени юноши, отправленные бывшим ректором Варлаамом (Ясинским) в 1670-х — начале 1680-х гг. за границу для довершения философского и богословского образования, стали в Киев возвращаться и занимать в коллегии профессорские должности⁶⁷. Лекций игумена Иоасафа не сохранилось — лишь тезисы богословских диспутов, проходивших в эти годы под его руководством⁶⁸. Отчасти первый богословский курс можно реконструировать по сохранившимся лекциям преемников: за основу была взята система Фомы Аквинского, в процессе чтения вносились комментарии и исправления. В 1691 г. Киевский митрополит Варлаам (Ясинский) донес до сведения Московского правительства о том, что в Киево-Могилянской коллегии читается богословие, испросив при этом для коллегии разных прав и преимуществ: теперь киевская школа преподавала весь спектр высших наук. Префект коллегии с тремя учителями и тремя студентами отправились в Москву с челобитьем царям Иоанну и Петру Алексеевичам. При этом в качестве подарка и свидетельства того, что высшие науки реально преподаются в Киевской коллегии, царям были поднесены печатные тезисы с богословских и философских диспутов, с выгравированными иллюстрациями и витиеватым посвящением⁶⁹.

По окончании же полного богословского курса в 1693 г. игумен Иоасаф (Кроковский) через митрополита Варлаама (Ясинского) и гетмана Ивана Мазепу просил у царей «жалованной грамоты на содержание и утверждение прежних училищ и школ, и на мирное и свободное в них детей российских жителей и всяких православной веры ревнителей учение...»⁷⁰. Грамотой от 11 января 1694 г. цари разрешали просимое, при том было оговорено преподавание «не токмо Поэтики и Риторики, но и Философии и Богословии учения», а также языков «славенороссийского», «еллиногреческого» и латинского, «отонюдь не отлучаяся ни в чем святых восточных Церкви исповедания». Обучать разрешалось детей «российского народа всяких чинов», а также ревнителей «благочестивой грекороссийской веры», приходящих из иных стран. Кроме того, Киевской коллегии были дарованы права собственного управления и суда («неспокойных и вражды творящих унимать и смирять, и ни до какого своевольтва их не допускать, и таковых в собрание ученическое не принимать») и постоянное царское жалование (50 рублей и 50 четвертей ржи в год)⁷¹.

⁶⁶ Ранние исследователи Киевской школы указывали на сохранившийся в Киево-Софийской библиотеке богословский курс, прочитанный в Коллегии в 1642–1646 гг., составленный точно в соответствии с системой Фомы Аквинского (см.: *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. С. 69). Однако более поздние исследователи настаивают на 1689 г., а указанный анонимный курс считают привезенным, не относящимся к самой коллегии (см.: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 9. С. 50.)

⁶⁷ См.: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 9. С. 46–48; *Голубев С. Т.* Киевская Академия в конце XVII и начале XVIII столетия. Киев, 1901. С. 6–8. Будущий митрополит Киевский Иоасаф (Кроковский) до 1670 г. обучался в Киево-Могилянской коллегии, при ректоре Варлааме (Ясинском). Около 1673 г. он отправился для завершения образования на Запад, где слушал лекции в разных заграничных учебных заведениях, в том числе в Коллегии святого Афанасия в Риме. По возвращении из-за границы в Киев был пострижен в монашество в Киево-Печерской лавре и вскоре назначен профессором Киево-Могилянской коллегии, в которой преподавал риторику (1683), философию (1685–1689), затем был префектом и ректором (1689/90 уч. г.) В 1693 г. вновь был назначен ректором коллегии и игуменом Киево-Братского монастыря.

⁶⁸ Историк Киевской Академии будущий митрополит Макарий (Булгаков) считал игумена Иоасафа (Кроковского) автором и второго богословского курса, прочитанного в коллегии в 1693–1697 гг. (см.: *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. С. 69–74). Однако Н. И. Петров скорректировал это утверждение.

⁶⁹ См.: *Мухин Н. Ф.* Киево-Братский училищный монастырь. Киев, 1893. С. 111–112.

⁷⁰ Цит. по: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 9. С. 50.

⁷¹ См.: Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Т. II. Киев, 1897. С. 488–492.

Эта грамота была подтверждена через семь лет, при ректоре и игумене Богоявленского Братского монастыря Прокопии (Калачинском), еще одной, от 26 сентября 1701 г., исходящей уже от одного Петра. В этой грамоте подтверждены права Киевской школы обучать высшим наукам — философии и богословию, иметь самоуправление и самосуд (что было актуально, ибо киевские мещане «чинили обиду» учителям и студентам). Первый раз по отношению к Киевской коллегии официально применяется именование «Академия», как равная по привилегиям «иным оакадемиям во всех государствах иноземческих»⁷². Однако право присуждать ученые степени в грамоте не оговаривается — видимо, царь Петр в то время просто не обращал на это особого внимания.

Так как Киевская Академия стала образцом для российских школ XVIII в., следует обратить внимание на ее устройство и учебные курсы. Из четырех типов католических учебных заведений, действовавших в XVII в. в Польско-Литовском государстве — традиционные католические университеты, иезуитские коллегии, пиаристские и униатско-базилианские школы — наибольшее влияние на Киевскую Академию оказали иезуитские школы. Учебная жизнь и управление Академии основывались на принципах, выработанных иезуитскими коллегиями и академиями и закрепленных в «Ratio studiorum» (1599)⁷³. Характерными чертами учебного плана была указанная выше система возрастающих классов, венчаемая двухлетним курсом философии и четырехлетним — богословия. Способы преподавания, объем учебных курсов и учебники заимствовались из польских коллегий: латинский язык учили по Альвару, философию — по Аристотелю, богословие планировали преподавать по Фоме Аквинату — разумеется, с учетом православной специфики. Методы преподавания также были отработаны в иезуитских школах: еженедельные субботние отчеты по лекционным курсам (*subbativa*), составление большого количества «экзерциций» (классные сочинения) и «оккупаций» (домашние сочинения), регулярные инспекторские проверки всех заданий (*correcta*). Необходимым и чрезвычайно важным пособием при прохождении всех учебных курсов признавались диспуты, частные и публичные, как средство не только проговорить услышанное и усвоенное, но и аргументированно отстоять в дискуссии. Частные диспуты проводились по всем дисциплинам, начиная с пиитики, публичные — преимущественно по философии и богословию. Эти диспуты были не только внутри-учебным мероприятием, но и отчетом коллегии перед обществом: на них приглашались горожане, печатались красочные тезисы, посвящаемые важным лицам (чаще всего, епископату)⁷⁴.

⁷² См.: Там же. С. 492–497 (сохраняется написание источника — «оакадемиям»). Не все исследователи согласны с датой получения Киевской коллегией статуса Академии (некоторые считают грамоту 1701 г. совершенно идентичной по смыслу грамоте 1694 г.). Историк Киевской академии С. Т. Голубев, в целом соглашаясь с датой 1701 г., уточняет, что впервые Киевская коллегия названа Академией самими коллегиятами в челобитной на имя митрополита, в качестве доказательства законности их права иметь собственный суд над студентами, так как такое право имеют иноземные академии. Царская грамота, по мнению С. Т. Голубева, лишь следует этому названию, подтверждая академические право и статус (см.: Голубев С. Т. Киевская Академия в конце XVII и начале XVIII столетия. Киев, 1901. С. 8–11; текст челобитной приведен: Там же. Прим. 28. С. 59–61). Киевская духовная академия в дальнейшем именно 26 сентября праздновала актовъй день и в своих ежегодных отчетах всегда указывала на получение статуса Академии в 1701 г.

⁷³ «Ratio Studiorum atque Institutio Studiorum Societatis de Jesu» («Порядок изучения наук, а также Устройство ученых занятий в Обществе Иисуса»), официально опубликованный в 1599 г. — теоретическое выражение учебной концепции Общества Иисуса, являющейся адаптацией средневековых школьно-университетских канонов к новым условиям и задачам образования XVI в.

⁷⁴ См.: Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Духовной Академии. С. 57–79; Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила... Т. I. С. 448–452. Философские и богословские тезисы, составленные к диспутам, потом преподносились тем, кому они посвящались. Некоторые из них сохранились и лишь по ним иногда можно восстановить время начала или конца того или иного курса, имя преподавателя, структуру курса и ее реализацию по годам (см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравировальных портретов. СПб., 1886 (1889)).

Сходными были и воспитательные принципы: меры поощрения и наказания, церковные службы, проповеди, которые произносили преподаватели и студенты богословского класса. Наконец, организация преподавательских и студенческих корпораций была похожа на иезуитскую, хотя отчасти сохранялись принципы старых братств: так, студенты составляли два разряда: высший — *sodales majoris congregationis* — студенты богословия и философии; низший — *sodales minoris congregationis* — ученики риторики и младших классов. В Братском монастыре была выстроена особая конгрегационная церковь святых Бориса и Глеба — для моления учащихся⁷⁵.

Ко времени получения статуса Академии в Киевской школе уже было прочитано три полных четырехлетних богословских курса. После игумена Иоасафа (Кроковского) богословие читал Стефан (Яворский), оставивший полноценные рукописные лекции. По ним можно понять главный принцип его преподавания: созерцательное догматическое богословие, построенное в целом по Фоме Аквинскому, он дополнял полемическими трактатами, обличавшими специфические католические взгляды, которые не могут быть приняты православным богословием⁷⁶. Но полемическое богословие требовало, видимо, специального внимания, поэтому следующий богословский курс (1697–1701) был разделен: догматическое богословие читал ректор коллегии и игумен Киево-Братского монастыря Прокопий (Калачинский), а в первый год курса часть времени была выделена на полемическое богословие, читавшееся Стефаном (Яворским), тогда уже игуменом Никольского монастыря⁷⁷. Такая система продержалась и на следующем четырехлетнем богословском курсе (1701–1705): префект Академии иеромонах Иннокентий (Поповский) читал догматику по Фоме Аквинскому, а полемическое — по трактатам Стефана (Яворского)⁷⁸. Основными разделами или трактатами богословских курсов Киевской Академии, были: о Боге едином и троичном (*de Deo uno et trino*), об ангелах (*de angelis*), о воплощении (*de incarnatione*), о конечной цели и действиях человека (*de ultimo fine et actibus humanis*), о богословских добродетелях (*de virtutibus theologis*), о грехах (*de peccatis*), о благодати (*de gratia*), о таинствах (*de sacramentis*), о покаянии (*de poenitentia*). Помимо этих могли быть еще и другие разделы меньшего объема: о праве (*de jure et justitia*), о человеке в состоянии невинности (*de homine in statu innocentiae*). При этом распределение трактатов по годам богословского класса было различным. Стефан (Яворский) читал в первый год о тайне воплощения и о таинствах, во второй год — о добродетели и таинстве покаяния, о грехах, о благодати, в третий год — о богословских добродетелях, об ангелах, о блаженстве и последней цели, о человеческих действиях, в четвертый год — о Боге едином в троице и троичном в единстве и о справедливости. Последующие преподаватели изменили порядок трактатов: в первые два года они читали разделы о Боге и о воплощении, а также об ангелах, о праве и о невинном человеке; в последние два года — разделы о богословских добродетелях и о таинствах.

3. Образовательные искания в Московской Руси (XVII в. — 1701 г.)

Потребность в правильно организованной, хорошей школе с широким курсом осознавалась и в Московской Руси. Но здесь, в отличие от Юго-Западной Руси, основную инициативу в решении этой проблемы приняла на себя государственная и церковная власть, хотя и частные лица содействовали этому. Главной проблемой, которая побуждала постоянно думать о подготовке образованных людей, знающих языки,

⁷⁵ См.: Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Духовной Академии. С. 54–60; Петров Н. И. Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 10. С. 239–250.

⁷⁶ См.: Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Духовной Академии. С. 73–74; Аскоченский В. И. Киев с древнейшим его училищем и академией: В 2 ч. Киев, 1856. Ч. I. С. 275–281.

⁷⁷ Краткий курс полемического богословия был построен, видимо, в виде отдельных трактатов, из которых сохранились два: «De Deo, ut Trino, Eiusque processionibus» и «De ecclesia».

⁷⁸ См.: Петров Н. И. Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. III. № 9. С. 55.

Священное Писание, богословие, церковный устав, была книжная справа и необходимость перевода книг с греческого и латинского на славянский. К XVI в. эта внутренняя потребность подкреплялась и общеправославной ответственностью.

Развивать образование собственными силами на первом этапе было невозможно, нужно было воспользоваться чьей-то помощью. Варианта было два: искать учителей в Восточных Патриархатах или опереться на традицию западного образования. Уже упоминавшийся выше Александрийский Патриарх Мелетий Пигас еще в 1593 г. уговаривал Федора Иоанновича устроить в Москве «греческое училище, как живую искру священной мудрости, потому что у нас источник мудрости грозит иссякнуть до основания»⁷⁹. Борис Годунов высказывал желание «вызвать в Москву просвещенных людей с Запада, завести в России школы для изучения языков и основать в России университет»⁸⁰. Но второй вариант вызывал, по понятным причинам, опасения, прежде всего, у духовенства. Поэтому на протяжении всего XVII в. и царская, и церковная власти пытались опереться на греческую образованность.

В 1632 г. царь Михаил Федорович и Патриарх Филарет обратилась к Константинопольскому Патриарху Кириллу Лукарису с просьбой прислать учителя. В Москве в это время оказался протосинкел Александрийского Патриарха Иосиф, знавший славянский, — его оставили для перевода книг и учения детей греческому языку, но он скоро умер. В 1646 г. Палеостровский митрополит Феофан прислал в Москву константинопольского архимандрита Венедикта, однако тот оказался замешен в подлогах и был изгнан. В 1649 г. в Москву с Иерусалимским Патриархом Паисием приехал старец Арсений Грек, который переводил книги с греческого на русский, но через год был отправлен на Соловки за совершенный в молодости грех вероотступничества. Около 1653 г. он вернулся в Москву по вызову Патриарха Никона, вновь занимался справой книг и переводами и, возможно, учительством и вновь был уличен в том, что «портит своею справой старые русские книги»⁸¹. В 1653 г. Восточными Патриархами был направлен митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, но, как архиерей, мало подходил на роль учителя. В 1660-х гг. в Москве жили образованные греки — иверский архимандрит Дионисий, Газский митрополит Паисий Лигарид и другие, — но, призывая их участвовать в книжной справе или составлять полемические сочинения против раскола, русское правительство не поручало им училищных дел. В 1671 г. в Москву был вызван ученый грек Николай Спофарий, рекомендованный Иерусалимским Патриархом Досифеем, как знаток не только греческого, но и латинского и славянского языков, умеющий переводить и писать ученые трактаты. Но и он занимался в основном келейными переводами. В историографии не сложилось единого мнения о том, существовали ли в 1630–1650-х гг. в Москве греческие школы. Некоторые исследователи, основываясь на фрагментарных упоминаниях, делают выводы о достаточно активной деятельности таких школ, называя выше упомянутых греков учителями⁸². Сторонники альтернативной точки зрения настаивают на том, что все упомянутые лица, даже если пребывали в Москве продолжительное время, занимались преимущественно книжной

⁷⁹ Цит. по: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 4.

⁸⁰ Цит. по: Там же. С. 6.

⁸¹ См.: *Кантерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии // ПТСО. 1889. Ч. XLIV. Кн. 4. С. 589–590, 594, 598–599, 601–603; *Он же.* Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Июль. С. 70–96.

⁸² См., например: *Лукичев М. П.* К истории школьного образования в России в XVII веке // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники). М., 1983. С. 85–86; *Кириллин В. М.* Русская образованность в X–XVII в. § III: Первые попытки создания в Московской Руси систематических школ в XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 5–23. Наиболее значимой греческой школой эти авторы считают школу Арсения Грека, ссылаясь при этом на записки о России Адама Олеария (см.: *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 261).

справой, переводами, уроки же греческого и латинского языков, если и давали, то частным лицам и по особым просьбам⁸³.

Долгие неудачи с греческими учителями побуждали московских царей воспользоваться вторым вариантом — призвать учителей из Юго-Западной Руси. Около 1640 г. Киевский митрополит Петр (Могила) обратился к царю Михаилу Федоровичу с просьбой: устроить в Москве монастырь, в котором могли бы жить киевские старцы и братия. Просьба определялась нуждой самого западно-южного малороссийского монашества, представители которого нередко ездили в Москву за милостыней. Однако в монастыре могли пребывать и учить «детей боярских и простого чину» славянскому и греческому языкам ученые иноки из Киево-Могилянской коллегии⁸⁴. Вопрос остался нерешенным, однако при царе Алексее Михайловиче ситуация изменилась. Киевские иноки — выпускники Киевской школы — попадают в Москву и становятся значимыми фигурами в церковной и государственной жизни, что дает им возможность определять во многом богословские взгляды и перспективы духовного образования. В 1648 г. боярин Ф. М. Ртищев устроил при церкви св. Андрея Стратилата Преображенско-Андреевский монастырь. В него были собраны 30 иноков из малороссийских монастырей, а в 1649 г. туда же по личному вызову царя прибыла группа киевских ученых иноков: Епифаний (Славинецкий), Арсений (Сатановский), Дамаскин (Птицкий). Они были воспитанниками еще до-могилянской Киево-Братской школы, с ее греко-славянской основой, если и не в строго-филологическом, то в церковно-практическом варианте⁸⁵. Так как они кончали Киевскую коллегию до 1689 г. и не изучали богословия, образование они — по крайней мере, Епифаний — заканчивали на Западе, изучив там богословие и латынь⁸⁶. В Москву они были призваны, как и греки, с конкретной и очевидной целью — книжной справки, прежде всего, славянской Библии и богослужебных книг. Но, видимо, была и прикровенная надежда — о разведении в Москве ученых людей, то есть, о школе. Епифаний Славинецкий, несмотря на скромность и «келейность», считался среди москвичей ученым мужем, принял участие в справе славянской Библии, богослужебных книг, переводил и светские сочинения, оставил ряд богословских трудов⁸⁷. Деятельность школы в Чудовом монастыре многими исследователями подвергается сомнению — по тем же причинам, что и деятельность греческих школ⁸⁸. По крайней мере, началом систематического образования в Москве она не стала. Известно, что Епифаний давал уроки отдельным лицам в Андреевом монастыре, и в Чудовом — свидетелем плодотворности этих уроков является его ученик и строгий последователь инок Евфимий, о котором будет сказано ниже. Так, иеродиакон Чудовского монастыря Дамаскин — сторонник Евфимия — говорил о последнем в дискуссии с Гавриилом

⁸³ См.: *Каптерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии // ПТСО. 1889. Ч. XLIV. Кн. 4. С. 598–603; *Белокуров С. А.* Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. / Реферат, чит. в заседании VII Археол. Съезда 7 авг. 1887 г. М., 1888. Н. Ф. Каптерев, отрицая наличие греческих школ в Москве в этот период, приводит следующие аргументы: 1) отсутствие выпускников этих школ (по крайней мере, их неизвестность); 2) отсутствие финансовых документов об оплате учительских трудов; 3) упоминание об указанных лицах, как о справщиках и переводчиках, и лишь редкое и в сомнительном контексте — как об учителях. С. А. Белокуров считает сомнительным свидетельство Адама Олеария, так как тот был в Москве в 1643 г., за 6 лет до появления здесь Арсения, а само упоминание о школе Арсения появилось только в третьем издании его записок (1663 г.)

⁸⁴ Цит. по: *Татарский И. А.* Симеон Полоцкий // ПТСО. 1885. Ч. XXXVI. Кн. 4. С. 554.

⁸⁵ См.: *Петров Н. И.* Киевская Академия во второй половине XVII в. // ТКДА. 1895. Т. II. № 8. С. 602–603.

⁸⁶ См.: Там же. С. 602; *Ротар И.* Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. Киевская старина. 1900. № 12. С. 390–395.

⁸⁷ См.: *Певницкий В.* Епифаний Славинецкий // ТКДА. Киев, 1861. № 8–10; *Ротар И.* Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII в. // Киевская старина. 1900. № 10. С. 1–38; № 11. С. 189–217; № 12. С. 347–400.

⁸⁸ См.: *Каптерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии // ПТСО. 1889. Ч. XLIV. Кн. 4. С. 603–609, 615–616.

Домецким: «... Иной и не учился школьным наукам, однако, хранимый Божией благодатию, никогда не впадает в такое зломудрие и неведжество, до которого дошел ты, называющий себя ученым»⁸⁹.

Через полтора десятка лет — в 1663 г. — в Москве появился еще один выпускник Киевской школы, но уже моголианской эпохи — Симеон Полоцкий. Если Епифаний Славинецкий был «человеком не общественным, а кабинетным и притом совсем не искательным», оттого не имел в Москве «ни широких знакомств», «ни придворных связей, которыми бы обеспечивалось личное влияние его», то Симеон Полоцкий оказался «гораздо влиятельнее»⁹⁰. Моголианская коллегия дала ему свободное владение латинским языком, познание в «свободных науках», богословскую эрудицию и полемический опыт. Симеон Полоцкий был более активен и известен, приближен ко двору. Однако в 1660-х гг. в Москве потребность в правильно организованной школе обострилась, чему немало способствовали события, связанные с расколом. Поэтому появление Симеона Полоцкого, считавшего главным пороком современного ему русского общества «недостаток в нем христианского просвещения и, вследствие этого, благочестия»⁹¹, оказалось уместным и с духовно-просветительской, и с церковно-практической точек зрения.

В 1665 г. трем подъячим велено было учиться у Симеона Полоцкого, а в Заиконоспасском монастыре для них было построено помещение, называвшееся «школой для грамматичного учения». Но эта была не настоящая школа, а временное частное обучение назначенных лиц келейным способом: выучка жаждущего знаний от мастера за определенную плату. Отметим лишь, что одним из этих подъячих был Семен Медведев — в дальнейшем монах Сильвестр, ревностный и радикальный последователь Симеона Полоцкого. Обучение в этой школе ориентировалось на позднейший киевский вариант: латинский и польский языки, пиитика, риторика, философия и богословие, основанное на преобразованной в православном варианте системе Фомы Аквинского⁹².

В 1666 г., в связи с осуждением Патриарха Никона, Симеону было поручено переводить «Отражения» на писания раскольников, составленные находившимся в Москве митрополитом Паисием Лигаридом. Однако после того, как труд митрополита Паисия на соборе был признан неудовлетворительным, обличительную книгу против раскольников поручено было составить самому Симеону, выразив общецерковную точку зрения на вопрос⁹³. Последнее выходит за пределы истории духовной школы, но, тем не менее, ставит акцент на важности образования. Основная мысль сочинения — о невежестве раскольников — затеняет сам грех *раскола*, единство Церкви и значение духовной власти в ее жизни. В проповеди, произнесенной Симеоном Полоцким на Рождество 1667 г. от имени прибывших в Москву Восточных Патриархов, также главный акцент ставится на просвещении — «взыскании премудрости божественныя»: «Оставившее греческий язык и небрегающее о нем, от него же имеет просвещение вере православной... Страннии роды и противнии вере православной, на Западе обитаючи, греческий язык яко светильник держат ради мудрости его, и училища его назидают... Ниже отрицаетея неимением училищ: ибо аще взыщите, дасть предвечная мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотение, еже училища построити и учителя стяжати в сем царствующем богоспасаемом граде Москве»⁹⁴. Ради просвещения

⁸⁹ Яхонтов И., *прот.* Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. СПб., 1884. С. 24, 30.

⁹⁰ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на Великороссийскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914. С. 379.

⁹¹ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. С. 90.

⁹² См.: Татарский И. А. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886. С. 69–72.

⁹³ См.: Татарский И. А. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886. С. 79–81. Труд был издан: Жезл правления, утверждения, наказания и казнения, сооруженный от всего освященного собора. М., 1667.

⁹⁴ Цит по: Татарский И. А. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886. С. 89–90.

современников он сочинил и «Венец веры» — догматическую систему на славянском языке.

Из просветительских деяний Симеона Полоцкого в 1660-е гг. следует указать еще два характерных факта. Первым была его ходатайственная помощь в 1668 г. прихожанам церкви св. Иоанна Богослова в Москве в их желании завести школу с преподаванием «грамматической хитрости, языков словесного, греческого и латинского и прочих свободных учений». Приход обратился с прошением к трем Патриархам — двум Восточным, Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому, и Московскому Иоасафу. Поддержка Симеона Полоцкого, имевшего к тому времени непосредственный доступ ко всем Патриархам, очень помогла: были получены грамоты не только разрешающие и благословляющие доброе начинание, но и нарекающие клятву на всех противящихся ему⁹⁵. Заметим, что эти грамоты Восточных Патриархов имели историческое значение: именно на них сослались при учреждении в Москве славяно-греко-латинской школы⁹⁶. Открылась ли эта школа — неизвестно, да и ходатай Симеон Полоцкий был к тому времени занят обучением царских детей. Это второй факт, на который следует обратить внимание: будущего царя Федора Алексеевича Симеон Полоцкий учил по-новому: сверх обычного церковно-богослужебного курса — латинскому языку, пиитике, риторике и богословию.

Церковные события — раскол, грекофильские и латинофильские тенденции — поставили два «образовательных» вопроса, концентрированно сформулированных в заглавии анонимного трактата: «Учиться ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и теологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати? И [о том,] что лучше российским людям учиться греческого языка, а не латинского»⁹⁷. Автор трактата, отвечая на первый вопрос, делает выбор в пользу систематической школы, а не самообразования путем начетничества. Простота простоте — рознь: одна простота — это незлобие, добродетель, а другая простота — это невежество, неучение. «Неучение — тма, ослепляющая умня очи, и есть и глаголется, яко апостол глаголет: зане тма ослепни очи; учение же ясная луча есть, ею же невежества тма разрушается, и естественныя человеческого разума очеса просвещаются и есть велие благо». Отвечая на второй — греко-латинский — вопрос, он высказывает опасения по поводу логики и диалектики, связанных с «лукавыми иезуитами»: «Егда услышат латинское учение в Москве наченшеся, врази истины... лукавии иезуиты подьидут и неудобопознаваемыя своя силлогисмы, или аргументы душетлительныя начнут злохитростно всевати, тогда что будет?.. Любопрения, потом (пощади боже) отступления от истины, яже страждет или уже и пострада Малая Россия»⁹⁸.

Второму вопросу посвящен еще один трактат этих же лет, также анонимный: «Довод вкратце, яко учения и язык еллиногреческий наипаче нужен потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует славенскому народу»⁹⁹. Автор этого трактата

⁹⁵ См.: *Татарский И. А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886. С. 91–96; *Кантерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии // ПТСО. 1889. Ч. XLIV. Кн. 4. С. 590, 615; *Кириллин В. М.* Русская образованность в X–XVII в. § III: Первые попытки создания в Московской Руси систематических школ в XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 16–17.

⁹⁶ См.: Привилегия на Академию // Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. С. 400–401.

⁹⁷ Трактат был опубликован: *Кантерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 672–679.

⁹⁸ Цит. по кн.: *Г. Миркович.* О времени пресуществления св. даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века. (Опыт исторического исследования). Вильна, 1886. С. 17; а также: *Кантерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии // ПТСО. 1889. Ч. XLIV. Кн. 4. С. 635–646.

⁹⁹ Трактат был опубликован: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Прил. С. VI–XXVI.

также придерживается грекофильской позиции и опасается распространения в русском обществе прокатолических идей.

На рубеже 1670–1680-х гг. в Москве открылось, наконец, греческое Типографское училище¹⁰⁰. Личность главы этой школы — иеромонаха Тимофея — знаковая для русского православия второй половины XVII в. Инок Чудова монастыря, отправленный в 1666 г. в Константинополь в составе русского посольства (в связи с делом Патриарха Никона), он прожил на Востоке долгих 14 лет, получил здесь обширные познания и изучил в совершенстве греческий язык. Около пяти лет Тимофей был переводчиком у ревнителя православного просвещения Иерусалимского Патриарха Досифея (1669–1707), затем по рекомендации Патриарха служил в такой же должности у турецкого султана. Когда он с рекомендательными грамотами Патриарха Досифея вернулся в Москву и был представлен царю Федору Алексеевичу, государь велел Патриарху Иоакиму устроить в Москве «греческое училище» под началом иеромонаха Тимофея¹⁰¹. Устроено оно было в старой палате московской типографии, от чего и получило название. Масштаб училища был, хотя и не велик, но достаточен для полноценного учебного процесса: для обучения набрали около 30 патриарших и архиерейских подьячих. Число учащихся быстро росло, достигнув к 1686 г. 250 человек¹⁰². Прежде всего, в Типографском училище осваивали греческий язык, через год в нем открылось славянское отделение для начинающих. Учебных планов Типографского училища не сохранилось, но частично круг изучаемых наук можно выявить по составу училищной библиотеки (к 1685 г. в ней было 487 рукописных и печатных книг на церковнославянском, греческом, латинском, «белорусском» языках). Кроме богослужебных книг, на которых традиционно основывалось русское обучение — Часослов, Псалтирь, Евангелие, Апостол, Октоих, Канонник, Триоди, толковые Литургии, — в библиотеке было Священное Писание и отдельные библейские книги с толкованиями, сочинения святых отцов Церкви — святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста, преподобного Иоанна Дамаскина, — сборники изречений и житий святых. Были и книги для общего образования: Азбуки и Грамматики разных авторов, Цифири, Лексиконы, памятники древнегреческой философии (Аристотель, Платон и др.), литературы (Гомер, Аристофан, Эсхил, Софокл, Пиндар, Демосфен, Эзоп и др.), медицинской науки (Гален, Гиппократ), астрономии (Клавдий Птолемей), истории (Геродот, Диодор Сицилийский), а также Хронографы, Космографии, Лечебники. Кроме того, значительный раздел библиотеки составили источники христианского знания¹⁰³. Иеромонаху Тимофею удавалось привлекать к преподаванию проживавших в Москве греков — Мануила Миндилинского, иеромонаха Иоакима, но попытки пригласить в Москву из Греции знаменитого учителя Севаста Киминитиса успехом не увенчались¹⁰⁴. Следует отметить покровительство и денежную поддержку, которые оказывали Типографской школе и царь Федор Алексеевич, и Патриарх Иоаким. Однако училище все же не могло исполнить функций высшей школы, которая была в Москве так нужна, поэтому проблема так и не была решена.

¹⁰⁰ Временем учреждения Типографского училища традиционно считали 1679 г., но современные исследователи корректируют эту дату, указывая, что учитель школы Тимофей Грек появился в Москве только в 1681 г. (см., например: *Кириллин В. М.* Русская образованность в X–XVII в. § III: Первые попытки создания в Московской Руси систематических школ в XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 4. С. 19–20).

¹⁰¹ См.: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. (Типографская школа) // *Очерки феодальной России: Сборник статей.* Вып. 3. М., 1999. С. 149–246; *Волков Л. В.* Типографская школа — первое крупное учебное заведение в России // *Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси.* М., 1983. С. 89–94.

¹⁰² См.: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 168–171, 203, 217–221.

¹⁰³ См.: Там же. С. 172–177, 224–227.

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 157–161, 194–201, 229–232.

В 1682 г. царю Федору Алексеевичу был представлен проект устройства Академии «Привилегия на Академию»¹⁰⁵. Академию предполагалось устроить при монастыре Всемилоствиваго Спаса в Китай-городе, а для материального обеспечения приписать к ней еще шесть монастырей и одну пустынь. Академии должна была быть навечно передана государственная библиотека. Преподавателями Академии могли быть лица православные по рождению — новообращенные «от римской веры, лютерской и кальвинской и других ересей» к преподаванию не допускались. Оговаривалась возможность преподавать в Академии не только русским, но грекам, имевшим свидетельство от Восточных Патриархов, и ученым выходцам из Малороссии и Литвы, рожденным от благочестивых родителей и воспитанным в православии. Однако все они должны были подвергаться дополнительному испытанию в вере в самой Академии. Учителя, усердно трудившиеся в Академии, могли получить пенсию от государя. Академия получала монополию на подготовку учителей или проверку их знаний: без ведома Академии не дозволялось иметь частных учителей, особенно иностранцев.

В Академию должны были приниматься православные люди всякого чина и звания, при этом лучшие выпускники, поступившие на государственную службу, должны были жаловаться «в приличные их разуму чины, в стольники, стряпчие и в другие». Важен акцент на необходимости образования для служения: не учившихся, кроме благородных и оказавших особенные заслуги, в высшие чины повелевалось «не допускати». Академия должна была иметь свой суд, которому подлежали преподаватели и студенты. От учителей и блюстителей требовалась присяга с крестным целованием в верности православию. Если кто-то изменит клятве и сдержит и начнет чужую веру хвалить, а православную укорять, должен был «от чина своего учительского» извергаться, а «за хуление Православновосточных веры, аще он в таком хулительстве пребудет» — предаваться сожжению. Учащиеся на время обучения защищались от внешнего судебного преследования, кроме «убийственных и иных великих дел».

Кратко оговаривался академический учебный план: науки гражданские и духовные, начиная от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии созерцательной, естественной и нравственной, завершая богословием, учащим вещам божественным и нравственной жизни. Предполагалось и изучение «духовнаго и мирскаго» права и прочих всех свободных наук, «ими-же целость Академии составляется». Особое внимание должно было уделяться изучению языков, «наипаче же Словенскаго, Еллино-греческаго, Польскаго и Латинскаго» Таким образом, в Академии должны были изучаться «всякия от Церкви благословенныя благочестивыя науки» — универсум человеческого знания, формируемый под покровительством Церкви.

Однако деятельность Академии не должна была ограничиться учебными функциями. На нее возлагались также проверка православности приезжающих в Россию иностранных ученых, регистрация и наблюдение за жизнью новообращенных в православие, охранение русского общества от еретических или магических книг. Если приезжающие ученые получали свидетельство Академии, их ходатайства удовлетворялись, если Академия усматривала нечто, противное духу православия, то проситель высылался «из царствующего града за пределы Нашего царствия». Уличенные Академией в писании и распространении «волшебных и чародейных» книг, в переходе из православия в иноверие, в отрицании призывания святых, поклонения иконам, почитания мощей, должны также предаваться сожжению¹⁰⁶.

Проект Академии так и не был реализован, однако идея московской Академии, которая могла бы исполнять функции высшей школы, вести контакты с ученым миром, заниматься книжной справой, переводами, а также решать миссионерские и вероисповедно-цензорские задачи, была заявлена. И новая школа, с которой связывались

¹⁰⁵ Этот документ был опубликован в следующем столетии Н. И. Новиковым: Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. С. 390–420.

¹⁰⁶ См. Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. С. 402–420.

перспективы серьезного образования, в Москве скоро возникла. И она была связана не с Симеоном Полоцким, а с греческими учителями.

XVII в. — эпоха дискуссий и противоречий — «под занавес», в 1680-х гг., явила один из крупнейших богословских споров, происходивших в России: о времени пресуществления Святых Даров. Этот спор, хотя и не был связан непосредственно с организацией учебных заведений в Москве, выявил всю остроту «школьной» проблемы. Во-первых, появление в Москве неправославного учения по вопросу о времени пресуществления связывалось с обучением московского юношества в польских католических школах и распространением через них католического взгляда на время пресуществления — «сими словесы: «приимите, ядите»¹⁰⁷. Во-вторых, утверждение в Москве неправославного мнения о времени пресуществления Святых Даров вменяли Симеону Полоцкому, прельщенному «от иезуитов, папешников сущих»¹⁰⁸. Для этого было основание, ибо латинский взгляд — против православного взгляда ученика Епифания Славинецкого инок Евфимия — отстаивал во время спора Сильвестр Медведев — ученик Симеона Полоцкого и его последователь. Наконец, кроме учеников Епифания Славинецкого и Симона Полоцкого, в споре на последнем этапе участвовали новые пришельцы — присланные в Москву Константинопольским Патриархом Досифеем греческие инок Иоанникий и Софроний Лихуды. Рекомендованы они были в качестве учителей, образование получили на Западе. Попав в Москву в разгар спора, они включились в дискуссию, отстаивая православный взгляд, издали ряд трактатов¹⁰⁹, и завоевали определенный авторитет своей православной позицией, подкрепленной ученостью.

С приезда Лихудов начинается новый этап в образовательной жизни Москвы. Основанная ими в 1685 г. в Заиконоспасском монастыре школа, хотя и не дала при их деятельности значительных результатов — они не успели дойти до чтения полноценного богословского курса, — заложила основу будущей Академии¹¹⁰. В эту школу были включены одиннадцать наиболее успевающих учеников Типографской школы, в дальнейшем такие переводы, видимо, продолжались вплоть до окончательного закрытия Типографской школы в 1687 г.¹¹¹. Сами Лихуды были уже в 1694 г. отстранены от преподавания, а затем и высланы из Москвы. Из предъявляемых им обвинений и со стороны московских властей, и со стороны рекомендовавшего их Патриарха Досифея для проблематики духовной школы важна лишь одна¹¹²: Патриарх Досифей порицал их за то, что преподают они не только на греческом (как он благословлял), но и на латинском, и занимаются более преподаванием философии и словесности, нежели богословия. Конечно, трудно признать именно эти обвинения серьезно обоснованными, если вспомнить, что современная философия транслировалась преимущественно на латыни, а незнание латыни выключало из научного контекста в целом. Начать же преподавание богословия в новообразованной школе, без серьезной подготовительной базы, за семь с половиной лет было довольно сложно, если учесть еще, что Иоанникий Лихуд в 1688 г. был отправлен с посольскими целями в Венецию, где пробыл около четырех лет. Но

¹⁰⁷ См.: Остен: Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. С. 95.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 100.

¹⁰⁹ См.: Акос, или Врачевание, противопоставляемое ядовитым угрызням змиевым; Мечец духовный, или Разговор с иезуитом Руткою в Польской земле и др.

¹¹⁰ Дата основания школы братьев Лихудов — вопрос дискутируемый: в качестве таковой указывают не только 1685 г. (благословение школы Патриархом Иоакимом), но и 1682 г. (в связи с датировкой «Привилегии на Академию» Симеона Полоцкого), и 1687 г. (в связи с окончательным переводом в школу Лихудов всех учеников Типографской школы, закрытием последней, и переселением школы Лихудов в новые здания).

¹¹¹ См.: Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 204–205.

¹¹² Остальные обвинения связаны с нравственными или денежными вопросами, не имеют отношения к учебным проблемам, неоднозначно трактовались современниками Лихудов и оцениваются в историографии.

каковы бы не были причины, Лихуды оставили свое детище, так и не развернув во всей полноте образовательной программы. Следует отметить, что братья Лихуды не ушли совсем из истории русского образования. Когда они были высланы из Москвы, митрополит Новгородский Иов — ревнитель образования — в 1706 г. пригласил их к себе для устройства школы. Это был удачный шаг: они, опираясь на организационную помощь митрополита Иова, сумели не только поставить образование в самом Новгороде, но и создать некоторый зачаток образовательной системы, то есть, элементарные школы в нескольких городах Новгородской епархии, получающих учителей из Новгорода¹¹³.

Ученики Лихудов — студенты первого набора Николай Семенов и Феодор Поликарпов — хотя и поддержали школу, повысить уровня не смогли, хотя более пяти лет мужественно преподавали грамматику, пиитику и риторику на греческом языке (латынь, по требованию Патриарха Досифея, была выведена из учебных планов). До богословия они так и не дошли, да и вряд ли могли его преподавать, не изучая его на учебной скамье¹¹⁴. В 1699 г. ушли по своему желанию в типографию и ученики Лихудов, несколько месяцев учителем числился Чудовский монах Иов. Несмотря на просьбы Патриарха Адриана к Патриарху Досифею — прислать новых учителей, они так и не были присланы. Сперва приезд учителей затягивался из-за австро-турецкой войны, затем были рекомендованы родосский грек Панагиот и иеромонах Дионисий, но в Москве они так и не появились. В 1702 г. уже на просьбу царя Петра Патриарх Досифей отвечал, что ученых и способных людей, знающих притом славянский язык, в Греции нет¹¹⁵.

Уровень образования в Московской школе настолько упал, что в 1798 г. царь Петр предложил Патриарху Адриану посылать молодых людей в Киевскую коллегию¹¹⁶. Однако вскоре ситуация изменилась. В 1699 г. в Москву вернулся иеромонах Палладий (Роговский), бывший ученик Лихудов еще по Богоявленской школе. Великоросс по происхождению (из-под Твери), иеромонах Палладий, первоначально носивший фамилию Рогов, продолжил образование на Западе, учился в Вильно у иезуитов, в Нейссе, в Ольмюце у униатов, затем — в знаменитой коллегии святителя Афанасия в Риме. Там он получил ученые степени доктора философии и богословия. Обучение требовало принятия униатства, однако по возвращении он принес покаяние Патриарху Адриану и был присоединен к православию¹¹⁷. Он был назначен ректором Московской школы в сане архимандрита. В октябре 1700 г. скончался Патриарх Адриан, в начале 1701 г. протектором Московской школы был назначен блюститель Патриаршего престола митрополит Стефан (Яворский). 7 июня 1701 г. был издан царский указ «завесть...

¹¹³ См.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Лихудовские чтения 1998 г: Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2001. С. 77–94. Затем братья Лихуды вновь были призваны в Москву, участвовали в исправлении славянского перевода Библии, пытались противостоять богословию преосвященного Феофана (Прокоповича), предпринимали еще одну попытку устройства греческой школы в Москве на Казанском подворье. Иоанникий Лихуд скончался в 1717 г., тело его было погребено при Академии, в нижней трапезной церкви Заиконоспасского монастыря. Софроний Лихуд вскоре отошел от дел, был назначен за учебные заслуги архимандритом Солотчинского монастыря, где и скончался в 1730 г.

¹¹⁴ История учреждения школы Лихудов и первых десятилетий ее деятельности, а также события последних лет жизни самих Лихудов изложены в документе «Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным Епископом Смоленским Гедеоном Вишневым», опубликованном Н. И. Новиковым: Древняя российская вивлиофика. Ч. XVI. С. 295–306.

¹¹⁵ См.: Матченко И. Досифей, Патриарх Иерусалимский, и его время // Душеполезное чтение. 1878. Т. II. № 6. С. 168.

¹¹⁶ См.: Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913. С. 94.

¹¹⁷ См.: Надеждин Н. Палладий Роговский, первый русский доктор // Сын Отечества. 1840. Т. 4. С. 598–628; Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение. 1861. № 2. С. 162–172; Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. СПб., 1827. Т. II. С. 949; Смирнов С., прот. Десять поучений первого русского доктора богословия, игумена Палладия (Роговского) [Предисловие] // ПТСО. 1883. Ч. XXXII. Кн. 1. С. 269–276.

латинския учения» в Московской школе¹¹⁸. Митрополитом Стефаном были призваны учителя из Киева, преобразовавшие Московскую школу по примеру Киевской. Этот момент традиционно считается возведением Московской школы в статус Академии, хотя этот факт неоднозначно трактуется в историографии¹¹⁹.

Вряд ли следует видеть в принятии киевской «латинизированной» традиции образования злой умысел Петра или митрополита Стефана (Яворского). Греческая традиция — в том виде, как она появлялась в Москве в XVII в. — не смогла дать надежного основания для развития русского образования, несмотря на, казалось бы, ожидание православного мира и желание русской государственной и — особенно — церковной власти. Во-первых, эту традицию вряд ли можно считать независимой от западноевропейской. Греки, несмотря на национальный и конфессиональный пафос, ездили учиться на Запад. Во-вторых, после Ферраро-Флорентийского собора, униатских уклонений греческой иерархии от православного Востока уже трудно было ждать конфессиональной чистоты, поэтому греческая образованность несла те же опасности, что и латинская. В-третьих, греческая иерархия, несмотря на надежды создать в Москве центр греческого просвещения, общеправославного значения¹²⁰, мало способствовала этому на деле. Прибывающие в Москву греки либо были неспособны наладить желанные просветительские учреждения, либо были просто искателями счастья. Почти со всеми греческими учителями, побывавшими в Москве в течение XVII в., были связаны те или иные проблемы. Сам образ греческих пришельцев стал ассоциироваться с авантюризмом и опасностью — недаром еще в 1676 г. царь Федор Алексеевич специальным указом воспретил грекам въезд в Москву¹²¹.

4. Формирование научно-образовательной системы в России в XVIII в. Место и значение богословия в этой системе (1701 г. — начало 1760-х гг.)

Указ 1701 г. перенес центр российской образовательной деятельности из Киева в Москву, несмотря на то, что на протяжении нескольких десятилетий Киевская Академия по-прежнему поставляла кадры для епископата, ректоров и учителей для Московской Академии и выполняла большую часть ученых поручений (переводы, справа). Однако в Киевской Академии в эти годы появились учебно-богословские тенденции, чрезвычайно важные для развития всего духовного образования в России. В 1711 г. игуменом Киево-Братского монастыря, ректором Академии и профессором богословия был назначен Феофан (Прокопович) — питомец Киевской школы, продолжавший свое образование в

---

¹¹⁸ Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. Ч. XVI. С. 295. Эту дату указывает К. В. Харлампович (см.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 644). С. К. Смирнов, возможно, ошибочно, называет 7 июля (см.: Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 80). Оба ссылаются на «Историческое известие о Московской Академии», но там указан только год, без точной даты (см.: Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. Ч. XVI. С. 302). В современной историографии указываются обе даты, но без дополнительных уточнений.

¹¹⁹ Так как самого указа Петра I 1701 г. о преобразовании Московской школы так и не обнаружено, все рассуждения исследователей базируются на упомянутом «Историческом известии о Московской Академии». В нем школа Лихудов называется сразу *Академией*, однако надо иметь в виду, что документ составлен в 1726 г. Дополнительными основаниями для академического статуса Московской школы с 1701 г. служат академические свободы — управления, суда, — хотя в Московской школе они не проявлялись столь явно, как в Киевской.

¹²⁰ Так, Иерусалимский Патриарх Досифей II надеялся создать в России греческую типографию, издающую православную литературу.

¹²¹ См. *Сменцовский М.* Братия Лихуды: В 2 ч. СПб., 1899. С. 55.

польских коллегиях, затем — в Коллегии святителя Афанасия в Риме. Про жизнь и церковно-государственную деятельность преосвященного Феофана (Прокоповича) написано много, и нет необходимости приводить факты¹²². Отметим лишь его участие в учебном процессе Киевской Академии. Вернувшись в 1702 г. в Малороссию, отрекшись от униатства и приняв вновь православие, монашество и священный сан, иеромонах Феофан с 1704 г. преподавал в Академии пиитику, с 1706 г. — риторику, с 1708 г. — философию, с 1711, как было указано, — богословие, уже в статусе игумена Братско-Богоявленского монастыря и ректора Киево-Могилянской Академии. Но свой богословский курс он прочитал лишь один раз в 1711–1715 гг., так как в 1716 г. был вызван в Петербург, в 1718 г. стал епископом Псковским и Нарвским, а в 1725 г. — архиепископом Новгородским.

Гораздо скуднее историография по богословию преосвященного Феофана¹²³. Самим преосвященным Феофаном законченной богословской системы составлено не было — он оставил лишь рукописи семи отдельных трактатов из предполагаемых двенадцати: 1) о Священном Писании (Пролегомены); 2) о Боге едином; 3) о Боге троичном; 4) об исхождении Святого Духа; 5) о творении и промыслении; 6) о первобытном состоянии человека; 7) о состоянии человека после падения (все они дошли не в оригинале преосвященного Феофана, а в обработанном виде, иногда, видимо, дополненные). Но на основе его лекций, по его плану и методу ректорами Киевской Академии, читавшими богословие в 1740–1770-х гг., была составлена система *Theologia Christiana*, известная под именем преосвященного Феофана¹²⁴. Во вступительном трактате своего богословского курса («Пролегомены» или «О Священном Писании») преосвященный Феофан заявлял свои базовые принципы: единственным и самодостаточным источником богословия является Священное Писание; то есть, богословие — это наука, изучающая Священное Писание. Как наука, богословие имеет свои начала — изречения Священного Писания или слова Божии, при этом оно должно быть избавлено от «предвзятых» человеческих мнений. Даже мнения церковных соборов и святых отцов верны лишь постольку, поскольку утверждены и проверены словом Бога — Священным Писанием, то есть, Писание является мерилем истинности Предания. Исследователь богословия преосвященного Феофана П. Червяковский писал, что в реформе, проведенной Феофаном в богословии, «перемена метода изложения

¹²² См., например: *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868 и др.

¹²³ См.: *Червяковский П.* Введение в богословие Феофана Прокоповича. // Христианское чтение (далее: ХЧ). 1876. № 1/2; №7/8; 1877. № 3/4; 7/8; *Тихомиров Ф. А.* Трактаты Феофана Прокоповича о Боге едином по существу и Троичном в Лицах. СПб., 1884; *Хондзинский П., свящ.* Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи: Историко-богословское исследование. М., 2010. С. 20–45.

¹²⁴ См.: *Червяковский П.* Введение в богословия Феофана Прокоповича // ХЧ. 1876. № 1/2. С. 35–36. Первые 5 трактатов были изданы на латинском языке в Кенигсберге в 1773–1775 гг. Матвеем Байцуровым и Семеном Денисовым (*Christianae orthodoxae theologiae, in Academia Kiowiensi a Theophano Prokopowicz... adornatae et propositae. Vol. 1–5. Regiomonti, 1773–1775*); последние два трактата — в Москве в 1776 г. (*Christianae orthodoxae theologiae, in Academia Kiowiensi a Theophano Prokopowicz adornatae et propositae. Vol. 6. Mosquae, 1776*). Киевский митрополит Самуил (Миславский) завершил обработку системы преосвященного Феофана и издал в полном виде в Лейпциге в 1782 г. (*Christianae orthodoxae theologiae, eadem serie ac metodo qua Theophano Prokopowicz usus est in Academia Kiowiensi adornatae et propositae. Vol. I–II. Lipsiae, 1782*), дополнив томом собственного сочинения (*Christianae orthodoxae theologiae, eadem serie ac metodo qua Theophano Prokopowicz usus est in Academia Kiowiensi adornatae et propositae. Vol. III. Lipsiae, 1784*). В 1792–1793 гг. в Лейпциге вышло 2-е издание (*Christianae orthodoxae theologiae, eadem serie ac metodo adornatae et propositae. Vol. I–III. Lipsiae, 1792–1793*).

Трактат этот был напечатан впервые на латинском языке в Бреславле в 1769 г. (см.: *Christiana orthodoxa doctrina de gratuita peccatoris per Christum justificatione, quam in gratiam integerrimi amici sui Domini Jacobi Markiewicz, viri in Parva Russia non minus natalium. Vratislaviae, 1769*); на русском языке — в Москве в 1773 г. (в переводе М. Соколова) (Феофана Прокоповича четыре сочинения, а именно: 1. История о начатий и продолжении раздора между греками и римлянами о исхождении Святого Духа. 2. Православное христианское учение о хуле на Духа Святого. 3. Православное христианское учение о благодатном человека грешного через Иисуса Христа оправдании. 4. Особенное рассуждение о грехе смертном и простительном, выбранное из богословской его системы. М., 1773).

соединилась с переменою направления самой богословской доктрины»¹²⁵. Таким образом, лекции преосвященного Феофана (Прокоповича) существенно отличались от курсов, прочитанных его предшественниками.

В результате в киевском школьном богословии сформировалось две богословские тенденции: первая — заимствованная по форме у иезуитов («киево-могилянская»), вторая — начатая преосвященным Феофаном (Прокоповичем). Ю. Ф. Самарин называл эти тенденции соответственно «антипротестантской» и «антикатолической» и связывал с именами митрополита Стефана Яворского и архиепископа Феофана Прокоповича, ставя особый акцент на их полемике¹²⁶. При этом если первая традиция за несколько десятилетий укоренилась в Киевской Академии, то лекции самого преосвященного Феофана (Прокоповича) были лишь предтечей второй традиции, ибо после его ухода из Академии эта традиция угасла и была возобновлена лишь в 1740-х гг.¹²⁷ Две учебно-богословские системы — «до-феофановская» и «феофановская» — задавали определенное «поле напряжения» для русского богословия на последующие десятилетия и даже века. Преобразование Московской Славяно-греко-латинской Академии по киевскому примеру было проведено до чтения в Киеве богословского курса Феофана (Прокоповича), поэтому альтернативы не было. Киево-Могилянская система образования была введена в Московской Академии, а затем — по ее примеру — и в первых архиерейских школах, архиереями, ректорами и учителями которых становились выпускники Киево-Могилянской коллегии. Латинский язык стал языком преподавания и во всех епархиальных школах России на весь XVIII в. Эта система, как будет показано ниже, в целом сохранялась во всех великороссийских школах вплоть до середины 1750-х — начала 1760-х гг.

Перенос киевской учебной традиции в Великороссию не ограничился Московской Академией. Выпускники Киевской школы, поставляемые на российские кафедры, проверяли жизнеспособность этой традиции в новых условиях. Первой из епархиальных школ киевского образца стала школа святителя Димитрия (Туптало), открытая при Ростовской кафедре в сентябре 1702 г. На эту школу были выделены денежные средства из Монастырского приказа. В ростовской школе училось около 200 человек, при этом сохранялся принцип всесословности, хотя с преимуществом детей духовенства. Школа делилась на три класса: низший (*infima classis*, грамматический), средний (*media classis*, латинский), высший (*suprema classis*, философский). В грамматическом классе обучение начиналось с русской азбуки, чтения и письма, затем способные осваивали латинский и греческий языки. Основы православного вероучения преподавались в форме катехизиса, включение в литургическую жизнь усиливалось церковным пением, было и привычное для юго-западных школ стихосложение, декламация, домашние и классные сочинения, речи в стихах и прозе, диспуты. Святитель Димитрий сам принимал участие в учебном процессе: изъяснял ученикам Священное Писание, экзаменовал. Ростовская школа активно действовала до 1705 г., когда глава Монастырского приказа граф И. А. Мусин-Пушкин счел содержание школы слишком затратным: военные действия требовали дополнительных средств. Возможно, в последующие годы — до кончины святителя Димитрия († 1709) — школа продолжала деятельность в очень скромных масштабах, но ясных сведений об этом не обнаружено¹²⁸.

¹²⁵ Червяковский П. Введение в богословия Феофана Прокоповича // ХЧ. 1876. № 1/2. С. 37.

¹²⁶ См.: Самарин Ю. Ф. Речь, произнесенная перед защитением диссертации на степень магистра в публичном собрании Императорского Московского университета 3 июня 1844 года // Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 402.

¹²⁷ Историк Киевской Академии будущий митрополит Макарий (Булгаков) приводит названия богословских курсов, читаемых после ухода архимандрита Феофана (Прокоповича) из Академии: (см.: Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Духовной Академии. С 136–143).

¹²⁸ См.: Нечаев В. П. Св. Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1910. С. 55–56; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. СПб, 1891. С. 327–353; Платон (Игуменов), архим. Школа святителя

Несмотря на определенную в 1701 г. ориентацию русского образования на киевскую традицию «иезуитского» образца, поиск научно-образовательных моделей в России продолжался. Анализ проектов, представленных в начале XVIII в., позволяет выделить два основных варианта. Первым был европейский вариант трехступенчатой научно-учебной системы, составленный в 1710-х гг. по просьбе Петра I Г. В. Лейбницем: Академия — научное учреждение, члены которого занимаются исследованиями; университет с тремя факультетами — богословским, медицинским и юридическим; гимназия, дающая общее среднее образование¹²⁹. Вторым вариантом была учебная Академия, представленная, например, в анонимном проекте отечественного автора 1715 г. («Академии политики»). Такая Академия должна была являться универсальной высшей школой, включающей как богословие, так и все прочие науки в единый образовательный процесс. Характерным было сочетание в этой школе интересов государства и Церкви, но с акцентом на особой роли Церкви в образовании и воспитании: школа должна была помещаться под монастырский кров и попечительство духовных лиц¹³⁰. Ни один из этих проектов не был реализован в точности, но основные направления поисков и размышлений они задавали.

В 1720-х гг. в России произошло два события, чрезвычайно важных для истории духовного просвещения. Во-первых, в январе 1721 г. было проведено преобразование церковного управления: патриаршество было официально упразднено, его сменило коллегиальное управление: Духовная коллегия, очень скоро преобразованная в Святейший Правительствующий Синод. Началась синодальная эпоха, имевшая неоднозначные оценки у современников и в историографии. Для духовного образования имел очень большое значение главный документ этого преобразования — Духовный Регламент, в котором указывалось на слабость духовного образования, как на одну из главнейших причин проведенной реформы. Духовные школы в Регламенте включались в общую концепцию новой эпохи, тесно сочетаясь со всеми церковными сферами или служениями: архиереям вменялось в непосредственную обязанность устраивать и развивать школы в своих епархиях, приходское духовенство должно было непременно получать образование в этих школах¹³¹. Монашество в основном ориентировалось на социальное служение, однако в нем выделялась часть — два монастыря, основным служением которых должно было стать просвещение и подготовка образованных архиереев¹³². Мирян, на невежество которых указывалось довольно жестко, надо просвещать, и это просвещение также было связано с образованием. Кроме архиерейских школ, Духовный регламент представлял школу другого уровня: Академию обще-церковного и обще-государственного значения. В отличие от епархиальных школ, она должна была учреждаться на «государском» (царском) иждивении, подчиняться непосредственно Духовной коллегии (то есть, будущему Святейшему Синоду), готовить кадры для высших должностей — как церковных, так и государственных. Для этого

Димитрия Ростовского и задачи духовного образования нашего времени // Журнал Московской Патриархии. 1997. № 5. С. 38–44.

¹²⁹ См.: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002. С. 343–344. Прим. 5. См. также: *Герье В. И.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871. Видимо, в проекте Лейбница подразумевался философский и факультет или факультет «свободных наук», служащий начальной ступенью университетского образования, а выделены только факультеты специализации.

¹³⁰ *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. С. 342. Прим. 5. См. также: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. I. СПб., 1912.

¹³¹ См.: Регламент или Устав Духовной Коллегии (с манифестом об учреждении Духовной коллегии от 25 января 1721 г.). Дела епископов. § 9–13 // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (далее: ПСЗ I). Т. VI. СПб., 1830. № 3718. С. 323–324.

¹³² См. также: Именной указ от 31 января 1724 г., данный Синоду «О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей». Определение II // ПСЗ I. Т. V. СПб., 1830. № 4450. С. 232–233.

Академия должна была иметь *ученый* характер, искусных и «остроумных» учителей, хорошую библиотеку, давать серьезное образование, как богословское, так и общее. Особо указывалось, что преподавателям Академии необходимо повышать уровень знаний и углублять понимание преподаваемого богословия. Для этого рекомендовалось чтение источников, ученых книг, выработка самостоятельного взгляда на богословские вопросы, основанного на Священном Писании и Предании¹³³.

Другим важным событием для истории русского духовного образования стало учреждение в 1724–1725 гг. в Петербурге Академии наук и художеств, а при ней университета и гимназии¹³⁴. Отчасти это была реализация проекта Г. В. Лейбница, но с совмещением всех трех ступеней — научной и образовательных. Эта особенность была пояснена: в России было слишком мало научных сил, разделять их по разным учреждениям было неразумно, по крайней мере, на первом этапе¹³⁵. В контексте исканий конца XVIII в. кажется странным, что ни учрежденная Академия, ни ее университет не имели богословских отделений¹³⁶. Но это не было изменением отечественной образовательной традиции. Напротив, именно в это время государственная власть обращала особое внимание на развитие научного и учебного богословия. Но основу корпорации Академии наук и ее университета на раннем этапе составляли иностранные иноконфессиональные профессора. Российское правительство, понимая необходимость такой зависимости на начальном этапе, но желая оградить православное богословское образование от инославных влияний, предпочло стимулировать его самостоятельное развитие, под попечением Православной Церкви. Поэтому на этом этапе государственная власть решила поощрять учреждение особых духовных школ и введение в этих школах не только богословских, но и общеобразовательных наук. Однако вопросы об отношении богословия к другим наукам, месте и значении его в системе просвещения требовали осмысления и уточнения. К его обсуждению предполагалось вернуться в дальнейшем, на более высоком уровне развития образовательной системы и накопив опыт в построении самостоятельных богословских учебных курсов. То есть, идея Академии как научно-богословского центра оставалась актуальной.

Проект Академии, предложенный Духовным Регламентом, с одной стороны, был связан с действующими Академиями — Киевской и Московской. С другой стороны, он продолжал традицию «проектных» Академий (1682 и 1715 гг.) — поиска идеала, — свидетельствуя о том, что действующие Академии не во всем отвечают желаемому и

---

¹³³ См.: Регламент или Устав Духовной Коллегии (с манифестом об учреждении Духовной коллегии от 25 января 1721 г.). Дома училищные и в них учителя и ученики, тако ж и церковные проповедники. // ПСЗ I. Т. VI. СПб., 1830. № 3718. С. 330–339.

¹³⁴ См.: Именной указ от 20 января 1724 г. «Об учреждении при Сенате конторы Розыскных дел; о Конторе Инженерской; о Академии ученья языкам; о склонении Калмыков в Христианство, о Таможенных сборах и о пересмотре дворян // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. С. 207; Именной, объявленный из Сената, указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга». С приложением проэкта об учреждении Академии // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. С. 220–224; Именной, данный Российскому послу князю Куракину указ от 23 февраля 1725 г. «О приглашении ученых людей в Российскую Академию Наук и о выдаче, желающим ехать в Россию, нужных пособий // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4663. С. 425; Именной, данный Сенату указ от 7 декабря 1725 г. «О заведении Академии Наук и о назначении Президентом оной Лейб-медика Блюментроста» // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4807. С. 553–554

¹³⁵ См.: Именной, объявленный из Сената, указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга». С приложением проэкта об учреждении Академии // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. § 1–7. С. 220–221.

¹³⁶ Это кажется странным и потому, что при составлении проекта Академии наук и художеств в 1724 г. ориентировались на Парижскую Академию наук, в составе которой была теология: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть...» (Именной, объявленный из Сената, указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга». С приложением проэкта об учреждении Академии // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. С. 220).

заданному в Регламенте¹³⁷. Во-первых, главная Академия должна была находиться в том городе, в котором находилась церковная и государственная власть — к 1721 г. это был Санкт-Петербург. Во-вторых, именно в Петербурге была учреждена Академия наук и художеств с ее университетом, то есть, северная столица стала научным центром российской Империи. Действительно, проектируемую в Регламенте Академию пытались учредить в Петербурге — выделили место (дом Кунсткамеры на Неве), деньги — но проект не реализовался¹³⁸. Поэтому Московская Академия оставалась на протяжении всего XVIII в. главным церковным учебным заведением Великороссии. О ее высоком статусе свидетельствовало и то, что после упразднения патриаршества бывшая Патриаршеская область — Московская — стала Синодальной, а Московская Академия попала в непосредственное управление Синода (отчасти этим соблюдалось положение, указанное в Регламенте)¹³⁹. При Синоде была учреждена Контора школ и типографий, возглавленная членом Синода архимандритом Гавриилом (Бужинским), которая решала текущие вопросы деятельности Московской Академии¹⁴⁰. И Московская, и Киевская Академии имели право печатать учебные курсы и изыскания по богословию и философии, но после рассмотрения оных в Святейшем Синоде¹⁴¹.

Святейший Синод, реализуя положения Духовного Регламента, активно взялся за развитие школ и распространение духовного просвещения. Стимулируемые Духовным Регламентом и указами Синода, архиерейские школы постепенно учреждались и развивались. Уже в 1721 г. были открыты две школы в Петербурге: одна в Александро-Невском монастыре, другая — при архиерейском доме Псковского епископа Феофана (Прокоповича) на речке Карповке¹⁴². Первая из них долго была лишь славянской школой, латинский язык и, тем более, богословский класс появились в ней существенно позже. Вторая же петербургская школа умением преосвященного Феофана сразу стала соответствовать высоким учебным критериям, а «регулы», составленные ее учредителем и покровителем в 1722 г., стали рассматриваться в качестве рекомендуемых правил для архиерейских школ¹⁴³. Тем не менее, заменить Академию школа Феофана (Прокоповича) не могла. В 1722 г. была устроена архиерейская школа в Белгороде, в 1723 г. — в Казани. Кроме того, действовали архиерейская школа в Новгороде, устроенная еще в 1706 г. митрополитом Иовом с помощью братьев Лихудов, и Смоленская семинария, заведенная в 1714–1715 гг. митрополитом Дорофеем (Короткевичем).

¹³⁷ Следует иметь в виду, конечно, авторство Регламента — епископа Псковского Феофана (Прокоповича).

¹³⁸ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868. № 164. Ст. 152–154; *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 133–137.

¹³⁹ См.: О бытии под ведением Святейшего Синода Московской и Петербургской типографиям, а также Славяно-Латинским школам // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее: ПСПиР). Т. 1: 1721 г. Изд. 2-е. 1879. № 5. С. 35.

¹⁴⁰ См.: Об учреждении при Святейшем Синоде, для заведования типографиями и Московскими духовными училищами, особой конторы, под управлением синодального советника архимандрита Гавриила, которому именоваться школ и типографий протектором. // ПСПиР. Т. 1: 1721 г. Изд. 2-е. 1879. № 153. С. 208. Согласно этому постановлению Киевская Академия, как и прочие архиерейские школы, отдавалась «до своих им архиереев». Однако если она имела «нужду какую до Святейшего Синода», ей давалось право «писать в помянутую контору». Контора школ и типографий была упразднена в 1726 г., школами и типографиями после этого занимался непосредственно Святейший Синод (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. VI. СПб., 1883. С. VIII).

¹⁴¹ См.: О преподавании в Академиях Латинского языка на Русском и о предварительном рассмотрении в Святейшем Синоде богословских и философских конклюдий (от 28 августа 1721 г.) // ПСПиР. Т. 1: 1721 г. Изд. 2-е. 1879. № 191. С. 246.

¹⁴² См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 692–694; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. Переизд.: СПб., 2001. С. 94, 95–97.

¹⁴³ См.: Регулы семинарии преосвященного Феофана, архиепископа Великоновгородского и Великолуцкого // ТКДА. 1866. № 2. С. 77–84.

В первые десятилетия архиерейские школы были заведениями сословными, хотя и связывались с духовным сословием и священническим служением: детей священно- и церковнослужителей велено было отдавать в архиерейские школы, а без обучения в этих школах запрещалось ставить на священнические места¹⁴⁴. Но специализироваться на подготовке священнослужителей архиерейские школы стали лишь в последние десятилетия XVIII в. При этом архиерейские школы, хотя и копировались с Академий, были школами преимущественно общеобразовательными: так как для богословия и философии учителей было найти сложно.

После смерти Петра I ревность государства к распространению образованности среди духовенства несколько ослабла. Просветительское движение продолжалось силами некоторых образованных и ревнующих о духовном образовании архиереев: они старались изыскать средства, почти всегда епархиальные, преподавателей из ученых киевских иноков или выпускников своих же школ. Ревнителями учебного дела в конце 1720 — начале 1730-х гг. были епископы: Тверской Феофилакт (Лопатинский), Белгородский и Харьковский Епифаний (Тихорский), Псковский Рафаил (Заборовский), Казанский Иларион (Рогалевский), Иркутский Иннокентий (Кульчицкий). Все они были малороссы, выпускники Киевской Академии, поэтому учебные планы копировались с киевского, с уменьшением числа классов. Но это отвечало и эталону, заданному Московской Академией. Даже малые грамматические школы непременно имели латинский элементарный класс, состав остальных наук определялся вкусами архиерея и уровнем образованности учителей. До философского и, тем более, богословского класса доходили редко. Искать преподавателей приходилось самим архиереям, посылая при необходимости своих воспитанников в более сильные Семинарии и Академии или прося прислать учителей оттуда. Учебные программы в большинстве епархиальных школ были скудны, книги и пособия практически отсутствовали, единообразного порядка не было. Несколько улучшил положение указ 1739 г., повелевающий преобразовать архиерейские школы в семинарии с постоянным числом классов¹⁴⁵. В короткое время было преобразовано и образовано вновь до 20 семинарий, но только в 4–5 из них удалось открыть философские и богословские классы (Харьковской, Новгородской, Казанской, Троицкой, Псковской), остальные обрывались обычно на риторике.

Но некоторые из епископов киевской школы творческим подходом преодолевали все сложности, как организационные и материальные, так и методические и научные, и постепенно выводили свои епархиальные училища на достаточно высокий уровень.

В 1726 г. архиерейская школа в Белгороде была преобразована епископом Епифанием (Тихорским) в Харьковскую коллегию (коллегиум) (Харьков входил в Белгородскую епархию)¹⁴⁶. На рубеже 1720–1730-х гг. в этом коллегиуме был открыт

¹⁴⁴ Царские указы 1708 и 1710 гг. об отправлении детей «церковников» в школы Святейший Синод подтвердил в первые же месяцы своего существования и неоднократно повторял в дальнейшем (см.: Именной указ от 15 января 1708 г., объявленный из Монастырского Воинскому приказу «Об определении поповских и диаконских детей в Греческие и Латинские школы, о непосвящении в попы и диаконы тех, которые учиться в оных школах не пожелают и о непринимании их ни в какие чины, кроме воинской службы». // ПСЗ I. Т. IV. СПб, 1830. № 2186. С. 401; Именной указ от 11 ноября 1710 г., объявленный из Монастырского Воинскому приказу «Об обучении поповских и диаконских и прочих церковнослужительских детей в Греческой и Латинских школах; о непосвящении в попы и диаконы тех, которые учиться не похотят, и о неприеме оных ни в какие чины, кроме солдатского звания». // Там же. № 2308. С. 581; Синодский указ от 31 мая 1722 г. «О воспитании детей духовного звания» // Там же. Т. VI. СПб, 1830. № 4021. С. 697–699; Именной указ от 1 сентября 1723 г., объявленный Архиепископом Новгородским Феодосием «Об обучении в школах поповских и причетнических детей» // Там же. Т. VII. СПб, 1830. № 4291. С. 105–106 и далее)..

¹⁴⁵ См.: Синодский указ от 8 февраля 1739 г. «О размещении по епархиям ученых священников и иеромонахов для обучения ставленников и прочих детей белого духовенства и церковнослужителей Закону Божию и церковным постановлениям» // ПСЗ I. Т. X. СПб, 1830. № 7749. С. 722–723\

¹⁴⁶ См.: *Стеллецкий Н. С.* Харьковский коллегиум до преобразования его в 1817 г. // Вера и разум. 1895. № 11. С. 647–648.

класс богословия¹⁴⁷. В 1727 г. была открыта архиерейская школа в Пскове — епископом Рафаилом (Заборовским), однако первых учеников пришлось учить элементарной грамоте, и первый латинский класс в ней открылся только в 1733 г. при епископе Варлааме (Леницком). В Псковской семинарии богословие начали преподавать только в 1740-х гг.¹⁴⁸. Только в 1728 г. епископу Гедону (Вишневному) удалось наладить образование по киевскому образцу в Смоленской семинарии¹⁴⁹. В 1732 г. назначенный в Казань епископ Иларион (Рогалевский) «позаботился дать своей школе более правильное устройство», однако регулярный учебный процесс в Казанской семинарии начался только в 1738 г., когда Казанским епископом был назначен Лука (Конашевич). Этот же епископ в 1751 г. открыл в Казанской семинарии курс богословия¹⁵⁰. В 1736 г. достигла статуса семинарии Александро-Невская школа, а в 1743–1747 гг. Гавриилом (Кременецким) в ней прочитан первый курс богословия¹⁵¹. В 1740 г. была организована семинария на основе Новгородской школы, а в 1748 г. в ней было начато преподавание богословия¹⁵².

Киевские выпускники добирались и до Сибири. Еще до учреждения Синода трудами святителей Филофея (Лещинского) и Иоанна (Максимовича) действовала архиерейская школа в Тобольске. В 1724 г. архимандрит Антоний (Платковский) открыл школу в Иркутске, в конце 1720-х гг. она была усилена святителем Иннокентием (Кульчицким). Епископ Иркутский Иннокентий (Нерунович) в 1735 г. открыл школу в Якутске¹⁵³. В 1742 г. была учреждена Московская епархия, и Московская Академия была переведена из-под управления Синода в управление Московского архиерея и пополнила состав епархиальных школ.

В результате, ко времени учреждения в 1764 г. духовно-учебных штатов существовало около трех десятков архиерейских школ. Полных, то есть, имевших богословский класс, было существенно меньше — восемь, не считая Киевской и Московской Академий: Смоленская, Александро-Невская, Псковская, Новгородская, Казанская, Троицкая, Тверская семинарии и Харьковский коллегиум.

Начиная с 1730-х гг., Святейший Синод неоднократно выражал недовольство подчинением и других архиерейских школ лишь епархиальным властям и своим неведением о том, чему и как там учат, каковы дальнейшие судьбы выпускников. Но синодальный контроль по-прежнему ограничился сбором сведений о состоянии школ, учениках и учителях, особенно когда в них была особая надобность. Так, например, 6 марта 1746 г. Синод издал определение с требованием прислать ведомости о студентах, «к произведению к честным местам достойных»¹⁵⁴.

В 1730-е гг. проявила внимание к духовным школам и государственная власть. Была предпринята попытка воплотить в каждой епархиальной школе образец, заданный Регламентом для Академии: определенный объем преподаваемых наук, обязательная

¹⁴⁷ В историографии обычно указывается 1731 г. (см.: *Знаменский П. В.* Духовные школы... С. 438; *Стеллецкий Н. С.* Харьковский коллегиум до преобразования его в 1817 г. // *Вера и разум.* 1895. № 21. С. 508), но так как Платон (Малиновский), начавший читать этот курс, был утвержден в должности архимандрита Киево-Печерской Лавры 21 марта 1730 г., богословский класс был открыт, видимо, в начале 1729/30 уч. г. (см.: *Андрушко В. О., Серяков С. О.* Малиновский Павло // *Киево-Могилянська академія в іменах.* Київ, 2001. С. 351b).

¹⁴⁸ См.: *Князев А.* Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту Устава 1814 года. М., 1866. С. 5; *Знаменский П. В.* Духовные школы... Казань, 1881. С. 450; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 685–686.

¹⁴⁹ См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 676.

¹⁵⁰ См.: *Благовещенский А.* История Казанской духовной семинарии. Казань, 1881. С. 36; *Харлампович К. В.* Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. Казань, 1903. С. 63, 91; *Он же.* Малороссийское влияние... С. 724–726.

¹⁵¹ См.: *Знаменский П. В.* Духовные школы... С. 438–439.

¹⁵² См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 688–689.

¹⁵³ См.: *Знаменский П. В.* Духовные школы... С. 102, 141, 172.

¹⁵⁴ См.: Там же. С. 363.

духовная или государственная служба для выпускников¹⁵⁵. В 1838 г., когда Коллегия экономии была передана из Синода в Сенат, духовные училища решено было обеспечить постоянными окладами. Императрица Анна Иоанновна повелела Синоду представить сумму, необходимую для содержания начальствующих, учащихся, учащихся, зданий и прочих нужд епархиальных школ. Но снабдить школы постоянными штатными окладами из доходов с церковных имений не удалось: составленный Синодом проект штатов дал такую большую сумму, что правительство оставило благие намерения, и школы остались на епархиальном содержании¹⁵⁶.

Кроме финансовых и организационных затруднений, епархиальные школы сталкивались еще с двумя очень серьезными проблемами, связанными с учащими и учащимися. Малороссийские архиереи призывали преподавателей из Киева — непосредственно или с других должностей. Но киевские ученые иноки были востребованы не только на учебных должностях — они были потенциальными настоятелями монастырей, кандидатами на архиерейские кафедры. Так, в октябре 1721 г. ректор Московской Академии архимандрит Феофилакт (Лопатинский) жаловался Синоду на то, что в «Славено-Латинских Московских школах мало учителей, а ко учению Философии весьма никого нет» и просил прислать из Киево-Печерской обители ученых монахов: иеромонахов Германа (Копцевича) и Иеронима (Копецкого), иеродиакон Софрония (Мигалевича) и Иустина (Рудзинского)¹⁵⁷. В начале 1732/3 уч. г. Московская Академия опять оказалась в кризисе: «школы богословия, философии и поэтики остались праздными»¹⁵⁸. Синод принимал участие в поиске преподавателей для Московской Академии — до 1742 г. Так, в 1721 г. Синод указал архимандриту Киево-Печерской Лавры выслать указанных иноков в Москву «без всякого замедления». В 1732 г. Киевскому архиепископу Рафаилу (Заборовскому) также было дано распоряжение прислать в Московскую Академию трех новых преподавателей: Стефана (Калиновского) на должности префекта и преподавателя богословия, Антония (Кувечинского) на должность преподавателя философии и Дионисия (Райковского) на должность первого проповедника и преподавателя риторики.

Для всех остальных школ искали преподавателей епархиальные архиереи: либо, пользуясь старыми связями, сносились с Киевской Академией, либо выбирали из своих лучших выпускников. Но это было не так просто. Так, в 1746 г. епископ Смоленский Геден (Вишневский) доносил в Синод, что школы философии, риторики и поэтики «за неимением учителей стоят праздны и ученики, приуготовленные в оные в довольном числе, пребывающе долговременно без учения, туне время теряют и могут врознь разбрестись, а «учение богословское не было долговременно за неимением ко оному

¹⁵⁵ Манифестом императрицы Анны Иоанновны от 17 марта 1730 г. велено было «учредить училища по Регламенту Духовному» и тщательно за ними наблюдать; Высочайше утвержденным синодским указом от 18 ноября 1731 г. — брать подписи со священников, диаконов и причетников московских соборов и приходских церквей, что отдадут детей в Академию, а в светское звание их не принимать «под лишением чинов» и «беспошадным наказанием» родителей; именным указом от 7 сентября 1737 г. — не определять впредь в духовенство неученых людей; именным указом от 25 сентября 1737 г. — употреблять обученных «латинского и греческого диалектов и грамматике и риторике и других высших наук» так, дабы от них польза государству и отечеству впредь быть могла (см.: ПСЗ I. Т. VIII. СПб., 1830. № 5518. С. 257; Там же. № 5882. С. 560–561; Там же. Т. X. СПб., 1830. № 7364. С. 257–258; Там же. № 7385. С. 299–301).

¹⁵⁶ В 1732 г. штатное содержание было дано лишь двум семинариям — Новгородской и Александро-Невской (см.: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. С. 70).

¹⁵⁷ См.: По доношению ректора Славено-латинских Московских школ архимандрита Феофилакта, о присылке в эти школы из Киева ученых монахов Киево-Печерской обители // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. Т. I. СПб., 1868. № 627. Ст. 675.

¹⁵⁸ Одного из преподавателей определили в Иркутские епископы, другого назначили проповедником в Кадетский корпус, третьего вызвали в Петербург (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XII. СПб., 1902. № 221, 261. Ст. 398, 485).

учителя, ибо через все заведения тех школ время ни единого (кроме одного светского из Московских школ Алексея Бестужева) учителя не было»¹⁵⁹.

Не менее серьезной проблемой была малочисленность студентов в классах богословия — даже в Московской Академии. Государственная власть хотела использовать церковные школы во всех служениях, «во всякия потребы — в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство» — согласно Духовному Регламенту¹⁶⁰. Ректоры жаловались Синоду, что от непрестанных требований учеников епархиальных школ — прежде всего, Киевской и Московской Академий, — в разные места «зело мало учеников имеется»¹⁶¹. При завершении первого класса богословия в Московской Академии в 1710 г. в этом классе было 13 студентов¹⁶²; в 1717 г. — 3 (2 иеродиакон и 1 поляк)¹⁶³; в 1727 г. — 12, в 1728 г. — 10, в 1738 г. — 11¹⁶⁴. Однако и при стабильном, казалось бы, процессе были «провалы»: так, в Московской Академии в 1724/25 – 1725/26 уч. г. богословие вообще не преподавалось «за умалением учеников к тому учению удобных»¹⁶⁵. В 1744 г. в богословском классе Александро-Невской семинарии было 10 студентов, в 1746 г. — 26¹⁶⁶. В Харьковском коллегииуме в 1746 г. было 10 студентах богословия — по крайней мере, «достойных к произведению в священство к знатым местам»¹⁶⁷. В 1754 г. богословский класс Новгородской семинарии окончили 28 человек.

Но Синод и государственная власть заботились об увеличении числа учеников в епархиальных школах. В 1723 г. указом Синода было предписано «набирать в школы

¹⁵⁹ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXVI. № 215. СПб., 1904. Ст. 337, 339.

¹⁶⁰ См.: *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. С. 241–244.

¹⁶¹ Так, ректор Московской Академии Стефан в своем докладе Синоду по случаю требования учеников в Академию наук в 1735 г. сетовал: «Не многие доходят до Богословия; ибо инии посылаемы бывают в Санкт-Петербург для обучения ориентальных диалектов и для камчадальской экспедиции, инии в Астрахань для наставления калмыков и их языка сознания, инии в сибирскую губернию с действительным статским советником Василием Татищевым, инии в оренбургскую экспедицию со статским же советником Иваном Кирилловым, инии же берутся и в московскую типографию и в монетную контору, мнози же и бегают, которых и сыскать невозможно; искомии укываются, и от других вопрошены, для чего бегают, говорят, искать де хлеба и места за времени, понеже де мало видим тых, котории по совершении течения наук своих угодное пристанище получают; а что паче всего есть, кто котории ученики по многотрудных в фаре, инфиме, грамматике, синтаксисе, через два, три и четыре лета около их тщаниях и прилежностях, в пиитику уже, риторикку и философию поступят, а остроумнейшии и надежнейшии покажутся, тотчас московския гошпитали учениками, яко твоими друзьями, понеже из московских же латинских школ труды переведенными для дальнейшего, честнейшаго в гошпитали, нежели в Академии, ученическаго состояния и содержания, удобно наговорены, совсягодно в московскую гошпиталь определяются и отсылаются, а в московской славяно-греко-латинской Академии почти самое остается дрождие» (*Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. С. 243–244). Будущий митрополит Макарий (Булгаков) приводит данные «донорства» Киевской Академии в более поздние годы: только за 14 лет (1754–1768) в одни Медико-Хирургические училища из Академии было вызвано более 300 воспитанников; продолжались такие вызовы и далее (см.: *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. С. 194).

¹⁶² См.: *Рогов А. И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской Академии // История СССР. 1959. № 3. С. 141.

¹⁶³ См.: *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. С. 181; *Рогов А. И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3. С. 141 (со ссылкой на С. К. Смирнова). Возможно, из учеников богословия выделены только юноши духовного сословия. В это же время в философском классе было 13 студентов, в риторике — 6, пиитике — 13, синтаксисе — 24, грамматике — 35, инфиме — 55, фаре — 69, то есть, всего — 218.

¹⁶⁴ См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 667; *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 181.

¹⁶⁵ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. VI. СПб., 1883. № 205. Ст. 354.

¹⁶⁶ См.: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 44–45; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXVI. СПб., 1906. № 93. Ст. 199.

¹⁶⁷ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXVI. СПб., 1904. № 93. Ст. 198.

всех поповских и диаконских детей, а которые в учении быть не похотят, тех имать в школы и неволею и учить в надежде лучшего священства»¹⁶⁸. Такие указы повторялись неоднократно, особенно они участились в 1730-х гг. Но в Московской Академии были и дети знатных фамилий: в 1736 г. по определению Сената поступило в Академию сразу 158 детей из дворянских семей, но были в Академии всякие разночинцы — дети подьячих, канцеляристов, дьячков, солдат, конюхов, были даже новокрещенные инородцы, и только при митрополите Платоне Академия по составу учащихся превратилась в исключительно духовное учебное заведение. Принимали имеющих не менее 12 и не выше 20 лет. В некоторые курсы в Академии бывало до 10 белых священников и столько же дьяконов; были и монахи.

«Иезуитско»-православная традиция в епархиальных школах была очень сильна вплоть до середины XVIII в. Об этом свидетельствует, например, то, что в Киевской Академии преемники преосвященного Феофана (Прокоповича) читали богословие по-прежнему, опираясь на сохранившиеся лекции митрополита Стефана (Яворского). Да и в петербургских школах после кончины архиепископа Феофана (Покоповича) начались регулярные занятия по киево-могилянскому образцу. Архимандрит Александро-Невского монастыря Стефан (Калиновский) пригласил в семинарию учителей Григория (в монашестве Гавриила) Кременецкого и Андрея (в монашестве Амвросия) Зертис-Каменского, а через два года Синод распорядился о соединении Карповской школы с Невской¹⁶⁹.

Богословские курсы строились из отдельных трактатов — «Богословский трактат о ...» («Tractatus theologicus de ...») — и предварялись прологом («Prologus in universam theologiam»). Так как главным методом богословских курсов был «метод спора», главной структурной единицей внутри каждого трактата был вопрос (*quaestio*). Первый богословский курс, начатый в 1706 г. в Московской Академии ее префектом, а с 1708 г. ректором архимандритом Феофилактом (Лопатинским)¹⁷⁰, назывался «Священная наука, созерцательно и полемически объясняемая с помощью богословских рассуждений согласных с восточной церковью, писанием, соборами и отцами в Московском коллегиуме Петра Алексеевича» («Scientia sacra disputationibus theologicis ecclesiae orientali, scripturae, conciliis et patribus consentaneis speculative et controversae illustrata in collegio Petro-Alexiewiano Mosquensi») и имел структуру, сходную с киевскими примерами конца XVII в.: 1) о Боге, 2) о праве (1-й год); 3) о воплощении, 4) об ангелах, 5) о блаженстве (2-й год); 6) о благодати и о грехах, 7) о таинствах (3-й год); 8) о богословских добродетелях, 9) о покаянии (4-й год)¹⁷¹.

В дальнейшем как в Московской Академии, так и в других школах, имевших богословский класс, курсы немного менялись по содержанию, хотя основа была та же. Так, начиная с 1737/38 уч. г., богословие в Московской Академии преподавал Кирилл Флоринский. Структура его курса несколько отличалась от структуры курса Феофилакта (Лопатинского) тридцатилетней давности: 1) о богословии и благочестии; 2) об именах и познании Бога; 3) о таинстве Отца, Сына и Святого Духа; 4) о делах Бога; 5) об Иисусе Христе; 6) о Таинствах; 7) о Таинствах Нового закона; 8) о грехах и благодати; 9) о

¹⁶⁸ См.: Именной указ от 1 сентября 1723 г., объявленный Архиепископом Новгородским Феодосием «Об обучении в школах поповских и причетнических детей» // ПСЗ I. Т. VII. СПб, 1830. № 4291. С. 105–106.

¹⁶⁹ См.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 693.

¹⁷⁰ Указанные даты служения архимандрита Феофилакта приводит К. В. Харлампович. Историк Московской Академии протоиерей С. К. Смирнов и И. Я. Морошкин пишут, что префектом архимандрит Феофилакт был с 1704 г., а ректором — с 1706 г. (см.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 650, 652; Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 194; Морошкин И. Я. Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской, 1706–1741 // Русская старина. 1886. № 1. С. 3).

¹⁷¹ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. С. 136–138. Сохранившиеся записи лекционного курса архимандрита Феофилакта (по частям) хранятся: ОР РГБ. Ф. 173.1. № 255, 257, 259, 262, 271, 273, 274. Более подробное описание сохранившихся записей этого курса провел современный исследователь К. В. Суторин:

богословских добродетелях; 10) о конечной цели¹⁷². Курс богословия 1740-х гг. в Невской семинарии состоял из пролога и девяти основных частей: 1) о Боге едином; 2) о Боге троичном; 3) о творении мира; 4) о воплощении Божественного Слова; 5) о благодати; 6) о Таинствах; 7) о последней цели человека и человеческих действиях; 8) о грехах; 9) о богословских добродетелях вере, надежде и любви. Богословский курс 1740-х гг. в Псковской семинарии по структуре был похож на московский курс Феофилакта (Лопатинского) и состоял из семи разделов: 1) о Боге едином; 2) о Боге троичном; 3) о Богооплощении; 4) об ангелах; 5) о блаженстве, свободной воле, человеческих действиях, нравственных добродетелях, грехах и благодати; 6) о Таинствах; 7) о богословских добродетелях. Первый богословский курс в Новгородской семинарии был начат в 1748 г. Иосифом (Ямницким). Разделы новгородского курса распределялись таким образом: 1-й год – введение и два раздела о Боге (о единстве и о троичности), 2-й год – о творении и о Боговоплощении, 3-й – о благодати и Таинствах, 4-й – о блаженстве, о грехах, о богословских добродетелях¹⁷³.

Но в 1740-х гг. в Киевской Академии система преподавания богословия достаточно резко перешла со старой «иезуитско»-православной системы на «феофановскую». Так, профессор богословия архимандрит Сильвестр (Кулябка) первую половину богословского курса 1741–1745 гг. прочитал в иезуитском духе, обработав богословские лекции архимандрита Иосифа (Волчанского) 1721–1723 гг.¹⁷⁴, а вторую половину курса уже читал в другом духе, используя лекции преосвященного Феофана (Прокоповича)¹⁷⁵.

В конце 1750-х — начале 1760-х гг. постепенно и великороссийские школы перешли в преподавании богословия с иезуитской традиции на богословскую систему Феофана (Прокоповича). Плохая сохранность и недостаточная изученность источников — тестов лекций и учебных программ — не всегда позволяет точно определить этот момент, тем более, для всех действующих в те годы семинарий¹⁷⁶. Так, богословский курс, начатый в Московской Академии 1757/58 уч. г., уже опирался на богословие Феофана (Прокоповича)¹⁷⁷. В Новгородской семинарии от иезуитского богословия в пользу богословской системы Прокоповича отказался в 1754–1758 гг. преподаватель Парфений (Сопковский). Он же, став в 1761 г. Смоленским епископом, провел такое же преобразование в Смоленской семинарии¹⁷⁸.

Организовать систематическую богословскую работу в первые десятилетия деятельности было очень сложно даже в тех архиерейских школах, в которых был высший класс. Отдельные случаи инициировались традиционной церковной необходимостью — справой книг Священного Писания и богослужебной литературы, —

¹⁷² Там же. С. 138

¹⁷³ См.: Харламович К. В. Малороссийское влияние... С. 661.

¹⁷⁴ Эта обработанная часть курса была издана: «Theologicae scientiae summa» (1743).

¹⁷⁵ В исследовании иеромонаха Макария (Булгакова) указывается, что Сильвестр (Кулябка) читал богословский курс еще по старой системе, а на систему преосвященного Феофана перешел только его ученик Георгий (Конисский) (см.: Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Духовной Академии. С. 137–138).

¹⁷⁶ Например, А. Архангельский пишет, что первым в Московской академии «стал читать лекции по Феофановой системе» Афанасий (Вольховский), а протоиерей С. Смирнов указывает на Афанасия (Вольховского) как на преподавателя богословия Троицкой семинарии, а не Славяно-греко-латинской Академии. С последним соглашается и современный исследователь К. В. Суториус (см.: Архангельский А. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. С. 74; Смирнов С. К. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 36; Суториус К. В. Источники по истории преподавания православного латиноязычного богословия в России в первой половине XVIII века. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2008. С. 5).

¹⁷⁷ «Христианское православное богословие, разделенное в виду различия предметов на разные разделы, рассуждения, главы и параграфы, изложенное в Императорской Московской Академии и представленное к большей славе трижды наилучшего величайшего Бога и его Христа, восстановителя нашего спасения, начинается 13 октября 1757 г.»

¹⁷⁸ См.: Сперанский И. Очерк истории Смоленской духовной семинарии. Смоленск, 1892. С. 65.

и в основном силами преподавателей и выпускников Киевской и Московской Академий. Справой славянской Библии и связанными с ней библейско-текстологическими работами занимались в 1720-х гг. архимандрит, затем епископ, Феофилакт (Лопатинский), в 1730-х гг. архимандриты Амвросий (Юшкевич) и Стефан (Калиновский), в начале 1740-х гг. архимандриты Фаддей (Кокуйлович) и Кирилл (Флоринский). Наконец, ученые монахи — ученики архиепископа Симона (Тодорского) по Киевской Академии — Иаков (Блонницкий), Варлаам (Лящевский), Гедеон (Слонимский) завершили эту многолетнюю работу изданием в 1751 г. Елизаветинской Библии¹⁷⁹. Труды по исправлению и исследованию библейского текста ввели в русское богословие новые традиции: «библейский реализм», то есть, стремление понять священный текст в его конкретной связи и даже в исторической перспективе. Часто давались поручения по переводу с латинского, греческого и современных европейских языков.

Академии имели и церковно-практические обязанности. Прежде всего, члены корпораций занимались проповедью и катехизацией. Так, ректор и назначенный катехизатор из преподавателей толковали Священное Писание и катехизис в воскресные дни в самой Академии и в московском Успенском соборе, священники-преподаватели, преимущественно монашествующие, произносили по воскресным и праздничным дням проповеди. С 1753 г. к проповеди привлекались студенты богословского класса¹⁸⁰. Часто давались поручения цензурного характера: рассмотрение и отзыв о «подозрительных» или «волшебных тетрадах». Так, в 1722 г. ректору Академии архимандриту Гедеону (Вишневному) было поручено рассмотреть «писанные уставом и скорописью подозрительные тетради и письма», взятые в лавках на Спасском мосту. Нередко бывали и поручения поучительного и миссионерского направления: наставление в православной вере и присоединение к Церкви обращавшихся из иноверия, увещание раскольников, отступников, богохульников. Так, в 1720 г. ректору Академии было предписано «держать ... скована в монастырских трудах месяц и ежедневно увещевать» некоего крестьянина, прекратившего ходить в церковь и не принимавшего увещаний. В 1743 г. Святейший Синод велел ректору архимандриту Порфирию и учителям Академии написать для обращающихся «на каждую религию собственный чин, начав с срацин, идолопоклонников и прочих еретиков, Восточной Церкви противостоящих, с оглавлением или с изображением над каждым чином всякого еретического заблуждения в крепких доказательствах». В 1744 г. ректору Порфирию было предписано трактовать отступившему от христианской веры новокрещеному из татар «о событии пророчеств с довольным объяснением»¹⁸¹. Таким образом, палитра дел, планируемых для Академии в «Привилегии» 1682 г., в целом исполнялась Академиями XVIII в.

Разумеется, к достижениям Академий можно отнести и богословские, церковно-исторические, полемические трактаты, переводы и проповеди выпускников: святителя Димитрия (Туптало), преосвященных Стефана (Яворского), Феофана (Прокоповича), Феофилакта (Лопатинского), Гавриила (Бужинского) и других.

В завершение первой половины XVIII в. в 1755 г. был учрежден Московский университет¹⁸². Несмотря на то, что он создавался по примеру европейских университетов, в его состав не был включен богословский факультет, хотя, конечно, в университет был определен православный преподаватель Закона Божия. При составлении проекта Московского университета в 1755 г. ориентировались на европейскую модель

¹⁷⁹ См.: *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. С. 127–129. Эти иноки были учениками архимандрита, впоследствии епископа и архиепископа, Симона (Тодорского), изучавшего восточные языки в Германии и сумевшего устроить хороший языковой курс в Киевской академии.

¹⁸⁰ См.: *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. С. 116–127.

¹⁸¹ См.: Там же. С. 129–131.

¹⁸² Университет при Академии наук и художеств со своей задачей не справился: академики занимались изысканиями, переводами, лекции же читали нерегулярно и без системы. Акцент был смещен на науку, учебная часть оказалась недейственной.

университета, имеющего в своем составе теологический факультет, отхождение от европейского стандарта комментировалось следующим образом: «Хотя во всяком Университете, кроме философских наук и юриспруденции, должно также предлагаться быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду»¹⁸³. Кроме того, к середине XVIII в. богословие все больше сочеталось с «духовным знанием», подготовкой приходского духовенства и ученого монашества, а решение этих задач в рамках университетской модели казалось весьма проблематичным. Хотя богословие не составляло в Московском университете предмета специализации, перед университетским законоучителем — знаменитым в Москве протоиереем Петром Алексеевым, выпускником Московской Славяно-греко-латинской Академии — были поставлены широкие задачи: сочетать богословское просвещение своих питомцев с наставлением их в благочестии, формирование правильного мировоззрения — с изучением церковной культуры, российской и общехристианской. Отец Петр составил и издал для своих университетских слушателей два словаря — «Церковный словарь или истолкование речений древних, також иноязычных, без перевода положенных, в Священном Писании и других церковных книгах» и «Словарь еретиков и раскольников», — «Историю Греко-Российской Церкви» (не была опубликована); первый познакомил любителей старины с переводом Библии, сделанным Франциском Скориной, и поместил в трудах Вольного российского собрания описание книги Апостол, переведенного Скориной в 1525 г.; напечатал в 1769 г. для университетских питомцев Малый Катехизис митрополита Петра (Могилы) с историческими, географическими, догматическими и словесными примечаниями (для 1-й части).¹⁸⁴ Заметим, что учреждение университета, который стал основанием высшего образования в России, в Москве повысило образовательный статус «старой столицы».

5. Учебно-богословские проекты 1760–1770-х гг. Попытки централизации духовных школ 1780–1790-х гг.

¹⁸³ Именной указ от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского Университета и двух Гимназий». С приложением Высочайше утвержденного проэкта посему предмету // ПСЗ I. Т. XIV. СПб., 1830. № 10346. § 4. С. 289.

Современная историография отказывается от старой версии атеистических взглядов М. В. Ломоносова и других лиц, составлявших проект Московского университета, и приводит иной аргумент: «Русская Православная Церковь традиционно имела собственную сеть духовных учебных заведений, в том числе и высших» (*Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. С. 115). С этим можно отчасти согласиться, но в 1720-е гг., как и в более поздний период, продолжался поиск оптимальных моделей духовной школы, поэтому традиция могла получить новую составляющую.

¹⁸⁴ Протоиерей Петр Алексеев был известный проповедник и стихотворец, занимался разбором и описанием Синодальной библиотеки. Следует, однако, иметь в виду специфические идеи и общий настрой протоиерея Петра. Так, он считал, что современное монашество отделилось от духа Древней Церкви, и высказывал анти-монашеские идеи, «к действительному существованию в монашеской среде иноческого аскетизма и смирения <...> относился скептически» (см.: *Венгеров С. А.* Алексеев Петр Алексеевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. I. СПб., 1886. С. 394). Он вступал в противоречия со своим правящим архиереем — митрополитом Платоном (Левшиным) (дело усугублялось сложными отношениями протоиерея Петра Алексеева с настоятелем Благовещенского собора протоиереем Александром Левшиным, братом митрополита Платона). Деятельность и позиция протоиерея Петра Алексеева были отчасти проявлением общего настроения царствования Екатерины II: активизации белого духовенства и его оппонирования монашеству и епископату. Это подтверждают и тесные связи протоиерея Петра Алексеева с духовником императрицы протоиереем Иоанном Панфиловым (см.: *Розанов Н. П.* Петр Алексеевич Алексеев, протоиерей Архангельского собора в Москве, и его время. М., 1869; *Цапина О. А.* Из истории общественно-политической мысли России эпохи Просвещения: протоиерей П. А. Алексеев (1727–1801): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Никитин О. В.* Отечественные языковеды. Петр Алексеевич Алексеев (1727–1801) // Русская речь. 2002. № 11. С. 66–73 *Феликсов С. В.* Биография протоиерея П. А. Алексеева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III: Филология. 2009. Вып. 1 (15). С. 7–14).

В 1760-х гг. в российском образовании начался новый период. Императрица Екатерина II настойчиво обращала внимание на государственное значение духовного образования: исправление нравов народа зиждется на общем образовании ума и сердца, а за это должны отвечать пастыри. В инструкции Комиссии церковных имений особо отмечалось: «...Когда нет доброго учреждения к воспитанию и приготовлению молодых людей, из которых бы добрые пастыри и учителя ко всем церквам определяемы были, то и ныне в простом народе нет никакого руководства к отвращению от пагубных дел, нет исправления нравов и доброго сожития в обществе»¹⁸⁵. Здесь же намечались и основные пожелания: увеличить число семинарий, составить штаты на их содержание, ввести общеобразовательные предметы (математику, историю и географию), следить за регулярным чтением воспитанников. Была задумана более основательная реформа: построение в России единой системы духовного образования. Общий образовательный порыв, стимулируемый государственной властью, поставил вопрос о гармонизации всех областей знания. Следует иметь в виду и новые тенденции в европейском образовании, которые в эту эпоху достаточно быстро становятся известными в России и вызывают реакцию¹⁸⁶. Российская духовная школа приобрела некоторый опыт, ее выпускники, среди которых были архиереи и преподаватели духовных школ, были готовы к новому этапу совершенствования духовно-учебной системы, ее преобразованию. Наконец, тесный контакт с Европой требовал определенности в системе просвещения, более четкой ее структуризации. Было составлено несколько проектов сочетания *университетской* идеи и *богословского* образования: 1) учредить свой особый — *Духовный* — университет, под управлением Святейшего Синода (либо с традиционной последовательно-восходящей чредой классов, венчаемой богословским, либо с параллельными факультетами, один из которых — богословский)¹⁸⁷; 2) ввести *богословие* четвертым факультетом в общую семью университетских наук, наряду с философией, медициной и юриспруденцией, с обще-университетским подчинением¹⁸⁸; 3) устроить особый *богословский факультет* при университете, но находящийся в совместном ведении университета и Святейшего Синода¹⁸⁹. Все проекты, исходящие из Великороссии, именно

¹⁸⁵ Инструкция, данная Комиссии о церковных имениях 29 ноября 1762 г. // ПСЗ I. Т. XVI. СПб., 1830. № 11716. С. 121.

¹⁸⁶ Изменения в европейском образовании связаны как с внутренним процессом развития, так и с явлением так называемого «просвещенного абсолютизма», который в том или ином виде реализовывали в эти годы императоры и протестантских, и католических государств. Наиболее яркими примерами того и другого варианта являлись прусский король Фридрих II (1740–1786) и император Священной Римской империи и правитель Австрийских земель Иосиф II (1765–1790, до 1780 соправитель Марии Терезии). Особое внимание следует обратить на научно-образовательные реформы этих правителей, например, реформу Венского университета и его богословского факультета. Православный вариант «просвещенного абсолютизма» пыталась реализовать в Российской Империи Екатерина II (1762–1796).

¹⁸⁷ Первый вариант был предложен в проекте, разработанном в 1766 г. комиссией в составе архиепископов Иннокентия (Нечаева) и Гавриила (Петрова) и иеромонаха Платона (Левшина). Второй вариант — в проекте учреждения университетов для малороссийского юношества (составленном Г. Н. Тепловым по поручению гетмана К. Г. Разумовского в 1763 г.). В Киевском университете, помещаемом на месте Академии в Киево-Братском монастыре, планировалось 4 факультета, в том числе *богословский*, под совместным кураторством гетмана и митрополита Киевского. Похожий проект высшего училища был составлен и сменившим гетмана П. А. Румянцевым (см.: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / Сост. С. Рождественский. Т. 1. СПб., 1910. С. 268–323; Киевская старина. 1896. № 12. С. 389–390; *Петров Н. И.* Киевская академия в царствование Екатерины II (1762–1796) // ТКДА. 1906. № 7. С. 487–488).

¹⁸⁸ Такая структура предлагается в проекте профессора права Московского университета Ф. Г. Дильтея. Аналогичная структура российского университета предлагалась его коллегами — профессорами А. А. Барсовым, И. М. Шаденом и другими в «Мнении об учреждении и содержании университета и гимназии в Москве», составленном в декабре 1765 г. по указанию Екатерины II (см.: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. / Сост. С. Рождественский. Т. 1. СПб., 1910. С. 30–39; *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 43–44).

¹⁸⁹ Проект приводится: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 66–67; [*Он же*]. Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы. 1873. Т. VI (XLIV). №

в Московской Академии видели российский образовательный центр. Малороссийские проекты были ориентированы на преобразование Киевской Академии. Ни один из этих проектов не был реализован в полноте, но теоретические наработки были обсуждены, а их основные идеи не раз использовались в дальнейшем и в истории богословского образования, и при составлении новых университетских уставов.

В 1760–1770-е гг. была проведена уже традиционная для российского образования попытка воспользоваться помощью западных университетов. В Геттинген, Лейден и Оксфорд были посланы группы студентов духовных школ с целью изучения разных наук, в том числе, разумеется, и богословия¹⁹⁰. Обучение и стажировка прошли успешно, хотя и с потерями в рядах духовного юношества, однако полноценно использовать эти кадры для российской богословской науки не удалось. Степени и отличия, полученные за границей, а также продемонстрированные знания возвратившихся стажеров внушали надежду на существенное повышение уровня отечественного церковного образования. Но это событие, став важным прецедентом, осталось лишь фрагментом в истории духовной школы и отечественной науки, не открыв нового этапа в развитии научно-богословской подготовки.

Хотя никаких кардинальных реформ в духовно-учебной сфере проведено не было, в Академиях и Семинариях произошло немало перемен, на некоторые из которых следует обратить внимание.

Самым существенным результатом было учреждение классов богословия в большинстве семинарий. Если до царствования Екатерины оба высших класса — философия и богословия — были лишь в 8 семинариях, и еще 3 семинарии заканчивали свои курсы философией, то к 1796 г. эти классы были открыты во всех семинариях, кроме некоторых самых новых¹⁹¹. Способствовало этому процессу установление в 1764–1766 г. постоянных штатных окладов для всех семинарий. Но они были настолько скудными, что епископы по-прежнему были озабочены поиском средств для своих семинарий¹⁹².

Показателем «взросления» наиболее значимых великоросских школ стала их относительная самостоятельность от Киева в отношении педагогических кадров. Так, Московская Академия, начиная с 1770-х гг., со времени управления ею митрополитом Платоном (Левшиным), пыталась справиться с подготовкой учителей своими силами. Более того: выпускники Московской Академии нередко приглашались в другие великоросские школы¹⁹³. Число учащихся в этой Академии возросло и доходило до 1600 человек. Митрополит Платон старался организовать материальную поддержку лучших умов, учредив специальные стипендии для лучших студентов¹⁹⁴.

Переход на богословие по системе преосвященного Феофана повысил значение Священного Писания во всех епархиальных школах. В московских школах чтение Священного Писания с толкованием «трудных мест» было выделено в особый предмет (Священная Герменевтика). Митрополита Платона не устраивало школьное богословие

11. С. 300–317; *Титлинов Б. В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С. 766–779.

¹⁹⁰ См.: [*Чистович И. А.*] Проект богословского факультета при Екатерине II. С. 300–317.

¹⁹¹ Открытие богословского класса в местной семинарии считалось великим торжеством, притом не только для самой семинарии, но и для епархии, и обставлялось с великой торжественностью: извещалась публика, архиереем служилась торжественная литургия, после которой обычно бывало торжественное шествие архиерея, семинарской корпорации, духовенства, публики в семинарский зал, публичный акт с речами, изъясняющими важность богословской науки, стихами, кантами, диспутами семинаристов, обед для почетных гостей.

¹⁹² Постоянный годовой бюджет установлен после секуляризации 1764 г., в 1766 г. (40 000 р. на все великорусские школы), увеличен в 1784 г. (77 500), 1797 г. (142 000), 1800 г. (181 931). После секуляризации 1786 г. установлены штаты и для малороссийских духовных школ.

¹⁹³ *Знаменский.* Духовные школы... С. 719–732

¹⁹⁴ Конечно, это совпадало и с общей тенденцией этих лет: учреждались благотворительные общества, при Московском университете было организовано общество университетских выпускников — не только для общения, но и для взаимной поддержки.

даже после отхода от «иезуитской» системы, поэтому, сохранив общую структуру — введение в богословие (*prolegomena Theologica*); догматическое богословие (*dogmaticae Theologiae institutiones*); нравственное богословие (*institutiones Theologiae moralis*) — он стимулировал работу преподавателей по «оживлению» содержания.

Епархиальные архиереи в 1760-х гг. начали обращать особое внимание на подготовку студентов своих школ к духовному служению, пытаясь дополнить «латинскую ученость» элементами пастырского образования. Элементы пастырской подготовки зависели от взглядов самого архиерея и ректора школы, хотя в целом они определялись главными направлениями пастырской деятельности: служением слову Божию, Таинствам, общине. Обычно студенты богословских классов составляли и произносили проповеди и посвящались в чтеца, учились вести и внебогослужебные поучения. Кроме того, подготовкой являлось участие в богослужении, с «чтением и пением». Так, епископ Смоленский Парфений (Сопковский), попав в 1761 г. на кафедру и проверив студентов-выпускников, сделал вывод об отсутствии у них надлежащих знаний и умений, необходимых для священнослужения. Причину этого преосвященный видел в том, что, «будучи долгое время во учении латинских школ, в церковь Божию у вечерне, утрени и Литургии, кроме праздничных и воскресных дней, ходят мало, в чтении и пении церковном не упражняются, и положены по уставу церковному порядком не примечают...»¹⁹⁵. Для исправления ситуации епископ Парфений в 1768 г. издал указ, установив пять обязательных элементов пастырской подготовки: 1) обязательные чредные богослужения для студентов трех старших классов (риторики, философии, богословия), с чтением младшими — Часослова, Псалтири, старшими — канонов стихир, паремий и Апостола; 2) обучение нотному пению; 3) утверждение в Законе Божиим, Заповедях, молитве Господней и Символе веры на специальных уроках; 4) утверждение в Новом Завете, с акцентом на изучении как «священных должностей христианских», так и «собственно к священному чину надлежащих»; 5) изучение священной, церковной и гражданской истории»¹⁹⁶.

Но, конечно, пастырская подготовка требовала систематизации и сочетания с основным богословским курсом. Последнее попробовал сделать ректор Славяно-греко-латинской Академии (1769–1774) архимандрит Феофилакт (Горский), включив в читаемый им богословский курс «пастырскую тему» с указанием основных элементов священнического служения, вопрос о призвании к пастырскому служению и методы пастырской деятельности¹⁹⁷.

Первым специальным учебником по пастырскому богословию, изданным в России, стала знаменитая «Книга о должностях пресвитеров приходских», составленная двумя иерархами XVIII в.: епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским Георгием (Конисским) и упомянутым выше епископом Смоленским и Дорогобужским Парфением (Сопковским) — однокурсниками по Киевской Академии (окончили в 1743 г.)¹⁹⁸. Это пособие по решению Святейшего Синода в 1776 г. было напечатано в Петербурге и разослано по всем православным храмам России и всем духовным школам. Авторы, основываясь на своем богословско-преподавательском, пастырском и архипастырском опыте¹⁹⁹, выделяли четыре аспекта пастырского служения:

¹⁹⁵ Цит. по: *Серафим (Амельченков), иером.* Богословское образование в России: Смоленская духовная семинария: Исторический очерк. 1728–2008. Смоленск, 2010. С. 38.

¹⁹⁶ Цит. по: Там же. С. 38–40.

¹⁹⁷ См.: *Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, seu Doctrina christiana de credendis (pars I) et de agendis (pars II), usibus eorum, qui studio theologico sese consecrarunt addixeruntque, adornata accommodataque.* Lipsiae, 1784 (Догматы Православной Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что должно верить (часть I) и как должно действовать (часть II) тем, кто посвятил себя изучению Богословия, со всеми необходимыми для того сведениями).

¹⁹⁸ См.: Книга о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненная. СПб., 1776. Переизд.: М.: Сретенский монастырь, 2004.

¹⁹⁹ Преосвященный Георгий до епископского служения был профессором пиитики (1745), философии и богословия, префектом (1747–1752) и ректором (1752–1755) Киевской академии;

проповедь слова Божия, учительство примером личной жизни, совершение Таинств и молитва. «Книга о должностях пресвитеров приходских» надолго стала ориентиром в деле пастырской подготовки в духовных школах. Епархиальные архиереи и ректоры духовных школ дополняли эту систему личным пастырским опытом. Церковная реальность сделала необходимым включение еще одной составляющей: канонических основ и церковно-государственных норм построения жизни приходской общины. Поэтому в некоторых школах студенты богословского класса читали Кормчую с толкованием к практическому применению, изучали правила Вселенских, Поместных соборов и соборов Русской Православной Церкви, уставы церковные из Пандектов и Духовного регламента²⁰⁰.

Заметной чертой последних десятилетий XVIII в. являлось все более настойчивое повышение статуса Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии. В 1788 г. она была объявлена Главной семинарией, то есть, центром и эталоном всех российских церковных школ — разумеется, кроме двух Академий. При этом была проведена попытка централизованной подготовки в этой семинарии преподавателей для епархиальных школ²⁰¹. Пожелание было высказано императрицей Екатериной II, старавшейся ввести духовные школы в ритм тех изменений, которые проводились в народном образовании²⁰². Это пожелание было с энтузиазмом воспринято митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом (Петровым), давно желавшим провести хотя бы частичную централизацию духовного образования, которая неизбежно привела бы к установлению единых требований к научно-преподавательским кадрам. На снабжение центра были определены деньги, отпускаемые на содержание Новгородской и Санкт-Петербургской семинарий. Всем семинариям, кроме Троицкой, Черниговской, Новгородско-Северской и заграничной при коадьюторе митрополии Киевской, синодальным указом было предложено присылать по два ученика (не ниже риторского класса) для приготовления к учительским должностям²⁰³. Но проект реализовался лишь отчасти. Некоторые семинарии воспользовались предоставленной возможностью, но потом разочаровались, ибо отправлять студентов надо было на епархиальные деньги, а лучшие из посланцев не возвращались в свои епархиальные семинарии, оставаясь в столице²⁰⁴. Тем не менее, научно-образовательный центр неуклонно перемещался из Москвы в столицу. И именно столичной школе стали даваться особые ученые поручения: переводы, катехизация, экспертиза сложных вопросов, требующих богословских знаний.

Киевская Академия, несмотря на то, что оказалась в некотором смысле на периферии главных научно-образовательных событий, продолжала активно развиваться. При этом главной тенденцией было расширение палитры преподаваемых наук. Так, в 1750–1780-х гг. были открыты классы европейских языков — немецкого, французского, — еврейского, всеобщей и естественной истории, географии, математики чисто и смешанной, даже — правда, недолго — класс архитектуры и живописи²⁰⁵.

преосвященный Парфений — профессором богословия (1743), префектом (1750–1756) и ректором (1756–1759) Новгородской семинарии.

²⁰⁰ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 312. Д. 461П/175С. Л. 2; *Смирнов С. К.* История Троицкой Лаврской семинарии. С. 241–255.

²⁰¹ См.: Синодский, вследствие Именного, указ от 27 июля 1788 г. «О присылке в Невскую Семинарию из прочих Семинарий по два ученика для образования их к учительским должностям» // ПСЗ I. Т. XXII. СПб., 1830. № 16691. С. 1090–1091.

²⁰² См. там же. С. 1090.

²⁰³ Троицкая Семинария естественным образом связывалась с Московской Академией, Черниговская, Новгородско-Северская и заграничная Семинарии — с Киевской.

²⁰⁴ Так, например, был отправлен в январе 1790 г. в Александро-Невскую семинарию лучший студент богословского класса Владимирской семинарии Михаил Сперанский, который по окончании столичной семинарии был оставлен в ней преподавателем математики, физики и красноречия, а потом ненадолго стал префектом этой семинарии (см.: *Томсинов В. А.* Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991. С. 30).

²⁰⁵ См.: *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской Духовной Академии. С. 123–124.

Постепенно повышался уровень и других епархиальных школ, хотя их деятельность была сопряжена со многими проблемами. Епархиальные школы все более связывались с целенаправленной подготовкой духовенства и получали основание называться *духовными школами*. Но с этим предназначением были сопряжены немалые сложности. Школьные традиции, введенные в русское образование в XVII в., к концу XVIII в. уже претерпели неоднократные изменения, но даже после всех обновлений и усовершенствований они не удовлетворяли современным образовательным запросам. Богословие к этому времени понималось как профильный предмет духовной школы, но уровень его преподавания в большинстве духовных школ был невысок. Лишь некоторым школам, преимущественно в центральных епархиях, усилиями ревностных архиереев и талантливых преподавателей удавалось усилить богословский класс. Так как богословие составляло старший класс, а большинство учащихся не доходило до этого класса, ставленники на священнические места не получали систематического богословского образования. Рассудочные построения, диалектика и риторический схематизм к концу XVIII в. уже не составляли основы учебного процесса, но не позволяли сделать новые научные методы определяющими. Формальное направление обучения, выражавшееся и в составе предметов, и в изучаемых богословских системах, и в методах обучения, становилось серьезным тормозом развития духовной школы. Приоритет философско-словесного направления сформировал в духовной школе особую систему мышления, но это направление не всегда удавалось гармонично сочетать с реальным церковным служением, предстоящим выпускникам. Латинский язык, сохраняемый в русских Академиях и Семинариях в качестве языка преподавания, открывал учащимся доступ к западному богословию и другим наукам, но разделял «духовную ученость» с церковным приходским служением²⁰⁶. Это лишало «духовную ученость» живительной связи с реальными церковными проблемами, задерживало формирование русского богословского понятийного аппарата, создание русской богословской литературы²⁰⁷.

В течение XVIII в. определилась сословная замкнутость духовных школ: состав учащихся ограничивался детьми священно- и церковнослужителей, а совершенствование общего образования в этих школах приходилось осуществлять внутренними силами. Серьезной проблемой оставалась подготовка преподавателей: этот вопрос для каждой духовной школы по-прежнему решал епархиальный архиерей, присматриваясь к студентам старших классов, иногда советуясь с ректором. Эта проблема заботила не только епархиальное, но и высшее начальство²⁰⁸.

К концу XVIII в. стало ясно, что существенные сдвиги в образовании духовенства и развитие русского богословия возможны лишь при условии централизации духовно-учебной системы. К этому же подвигал общий процесс централизации всех сторон жизни,

---

²⁰⁶ В 1780–1790-е гг. на русском писалась часть письменных работ и преподавались экстраординарные светские предметы, но «настоящее» богословие преподавалось исключительно на латинском языке. В 1765 г. появилась первая богословская русская система архимандрита Платона (Левшина), однако она не стала главным учебником, а являлась лишь дополнением к латинским учебным системам (даже в Московских школах при митрополите Платоне).

²⁰⁷ К началу XIX в. русский язык отчасти завоевал место в духовной школе: в классе пиитики изучались некоторые образцы русской поэзии; в классах риторики, философии, богословия на русском языке писалась часть упражнений; по-русски шло преподавание части светских предметов; в латинские богословские тексты иногда вставлялись цитаты из Священного Писания на славянском языке; появились богословские курсы на русском языке, применяемые, правда, преимущественно в катехизаторских целях. Но перевести преподавание высших наук (риторики, философии, богословия) на русский язык не представлялось возможным: 1) свободное владение латинским языком делает для выпускников духовных школ доступной латиноязычную «ученость» того времени; 2) нет «классических» книг на русском языке соответствующего уровня; 3) изучение латыни формирует систематическое мышление, содействует и российскому красноречию. См.: *Смирнов С. К.* История Троицкой Лаврской семинарии. С. 279–280, 310, 340–341; *Знаменский.* Духовные школы... С. 719–732.

²⁰⁸ *Смирнов С. К.* История Московской славяно-греко-латинской Академии. С. 261–269, 373–377; *Он же.* История Троицкой Лаврской семинарии. С. 450–458, 547–548; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 80–84; *Знаменский П. В.* Духовные школы... С. 665–713.

шедший в Российской империи. Высказывались опасения, что централизация духовных школ неизбежно приведет к универсализации, потере местной специфики, уходу епархиальных школ из-под попечительного внимания архиереев. Но если для подготовки духовенства и духовно-учебных кадров местная специфика была важна, то богословская наука явно не могла развиваться в тесной епархиальной сфере.

Попытка реорганизации духовного образования была предпринята в конце 1790-х гг.: ревность столичного митрополита Гавриила (Петрова) была поддержана императором Павлом I. В 1797 г. количество Академий увеличилось до четырех: этот статус получили столичная Александро-Невская и Казанская Семинарии²⁰⁹. В указе 31 октября 1798 г. были сформулированы требования к Академиям в учебном и организационном отношении, а также намечены «академические округа», то есть, прикрепление Семинарий к конкретным Академиям²¹⁰. Столичная Академия, как ближайшая к церковному и государственному центру и имеющая особые возможности привлечения интеллектуальных сил, была выбрана эталоном. Именно она должна была получить устройство и развитие, достойное имени и статуса *Академии*, затем планировалось «подтянуть» до этого уровня три остальные Академии. Это указание завершало перенос центра духовного образования из Москвы в Санкт-Петербург: отныне все новые идеи и проекты начинали реализовываться именно здесь. В учебные планы включались те дисциплины, которые отчасти уже преподавались в Московской и Петербургской Академиях: «кроме общих всем Семинариям предметов», — полную систему Философии и Богословия. В систему Философии включалась краткая история философии, логика, метафизика, нравоучение, натуральная история и физика; в систему Богословия: церковная история, герменевтика, система догматико-полемиического и нравственного богословия, пасхалия, чтение Священного Писания с объяснением труднейших мест, книги — Кормчая и о должностях пресвитеров приходских. Кроме того, по воскресным дням предполагалось перед Литургией чтение Апостольских посланий с присоединением нравоучений. В занятия учащихся и учащихся по-прежнему включались традиционные учебные мероприятия: составление «диссертаций» в философском классе, проповедей — в богословском, а также упражнение в публичных диспутах. Особое внимание обращалось на умение студентов писать сочинения разных жанров: для этого заводились специальные классы высшего красноречия, которые должны были посещать студенты философии и богословия, читать лучших авторов на русском и латинском языках, «делать оным резолюции логические и риторические, и по тем резолюциям заставлять студентов сочинять имитации».

Некоторые историки духовных школ видели в указе 1798 г. начало централизации управления духовными училищами и создания единой духовно-учебной системы²¹¹, но начало это было формальное. В реальности семинарии продолжали жить под руководством епархиального начальства, никак не соотнося свою деятельность с Академиями, да и сами Академии оставались в дирекции местных архиереев, представляя отчетность в Святейший Синод лишь по особому требованию.

Но и в таком положении Академии — прежде всего, столичная, — старались не только совершенствовать учебный процесс. С одной стороны, Академии приводились в точное соответствие указаниям 1798 г.: учебный план был систематизирован, дисциплины распределены по возрастанию сложности, введен особый класс проповеднического искусства для студентов философии и богословия и церковная археология, было расширено преподавание естественных наук (физики, естественной истории) и математики, древних и новых языков. С другой стороны, в столичной

²⁰⁹ См.: Именной, данный Синоду указ от 18 декабря 1797 г. «Об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани» // ПСЗ I. Т. XXIV. СПб., 1830. № 18273. С. 821.

²¹⁰ См.: Высочайше утвержденный Синодский указ от 31 октября 1798 г. «О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях» // ПСЗ I. Т. XXV. СПб., 1830. № 18276. С. 426–431.

²¹¹ См.: Чистович. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 163; Благовещенский А. История старой Казанской духовной академии. Казань, 1875. С. 197.

Академии под наблюдением нового митрополита Амвросия (Подобедова) опробовались новые идеи, приближающие Академию к реальному статусу высшей школы.

Еще одним новым шагом этого периода была попытка оценить необходимость латинского языка в подготовке приходского духовенства. Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов) в 1799 г. учредил особые «русские школы» — духовные школы с преподаванием на русском языке. Однако идея не удалась в том виде, как ее мыслил преосвященный Амвросий, и «русские школы» весьма быстро выродились в начальные школы, не дающие права священнослужения, но лишь церковнослужения — причетничества. Митрополит Платон (Левшин), автор первой «богословии» на русском языке, требовавший, чтобы в преподавании богословия «устраняемы были все пустые и бесполезные вопросы, которыми обезображены книги римских католиков», заявил о необходимости школьного преподавания богословия непременно на латыни. Митрополит Платон (Левшин) писал: «Наши духовные и так от иностранных почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеют. Но еще поддерживает честь нашу, что мы говорим по-латыни и переписываемся. Ежели латинскому языку учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке...». Преосвященный Платон отмечал и то, что свободное владение латинским языком — языком науки — открывало российской духовной учености выход в европейское научно-образовательное пространство, ибо «на нашем языке и книг классических мало». Наконец, знание латинского языка — языка великих поэтов, риторов, философов, богословов — содействовало и «красноречию российскому»²¹². Русский язык, допустимый и даже необходимый для катехизации и проповеди, в «ученом» богословии удовлетворить пока не мог, и латынь осталась непоколебима.

6. Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и ее реализация. «Духовная ученость» как церковное служение²¹³

Радикальная реформа была проведена в эпоху Александра I в 1808–1814 гг. К этому времени Православная Российская Церковь имела 4 Академии, 35 Семинарий и 76 низших училищ. Несмотря на разницу в уровнях и названиях, эти школы — по крайней мере, Академии и Семинарии, были устроены по единому образцу. К началу XIX в. этот образец сочетал в себе традицию иезуитских коллегий, адаптированную к российским условиям, и идею профессиональной школы для подготовки приходского духовенства.

Начало духовно-учебной реформы было положено указом императора от 29 ноября 1807 г. о создании особого *Комитета об усовершенствовании духовных училищ и обеспечении приходского духовенства*²¹⁴. В Комитет вошли: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), епископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов), статс-секретарь М. М. Сперанский, обер-прокурор Святейшего Синода кн. А. Н. Голицын, императорский духовник протопресвитер Сергей Краснопевков (он участвовал лишь в первых заседаниях Комитета, ибо вскоре умер) и обер-священник военного духовенства Иоанн Державин²¹⁵. Комитет должен был разработать духовно-учебную реформу, опираясь на проект, составленный в 1805 г.

²¹² Цит. по: *Смирнов С. К.* Троицкая Семинария при митрополите Платоне // ПТСО. 1863. Ч. XXII. С. 527.

²¹³ В статье используются традиционные сокращения названий учебных заведений после реформы начала XIX в.: СПбДА — Санкт-Петербургская Духовная Академия; МДА — Московская Духовная Академия; КДА — Киевская Духовная Академия; КазДА — Казанская Духовная Академия; ДС — Духовная Семинария.

²¹⁴ В документах того времени называется Комитетом о *усовершенении* духовных училищ.

²¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 1.

викарным епископом столичной епархии Евгением (Болховитиновым)²¹⁶. Кроме того, членам Комитета предстояло рассчитать сумму, необходимую на осуществление реформы и на обеспечение жалованием приходского духовенства, и определить пути накопления этой суммы²¹⁷.

Плодом полугодовых занятий Комитета, со дня его основания до июня 1808 г., явились итоговые документы — доклад и «Начертание правил о образовании духовных училищ и о содержании духовенства при церквях», — в которых были сформулированы идеи, давшие основание коренному преобразованию всей системы духовного образования в России²¹⁸.

Общим направлением эта реформа соответствовала реформе народного образования, проведенной в 1803–1804 гг. (которая в историографии чаще именуется «университетской реформой»): централизованная система, объединение школ в учебные округа, выделение в учебной системе последовательных и соподчиненных ступеней²¹⁹. Это было обосновано: духовное образование тесно соприкасалось с народным, единство в устройении решило бы много проблем.

Духовные школы были разделены на четыре ступени (приходские и уездные училища, Семинарии, Академии) и сформированы в четыре учебных округа во главе с Академиями²²⁰. Академии должны были подчиняться особому органу при Святейшем Синоде — Комиссии духовных училищ. Несмотря на автономность духовно-учебной системы, Комитет не планировал усиливать замкнутость духовного сословия. У выпускников Семинарий и Академий была возможность уволиться в гражданскую службу, в дальнейшем же, при полноценной деятельности системы, детям священно- и церковнослужителей планировалось предоставить полную возможность «*избирать и другие состояния*»²²¹. Тем не менее, главной задачей духовной школы была подготовка духовенства. При этом каждая ступень имела свои конкретные задачи: Приходские Училища давали основы знаний, Уездные готовили церковнослужителей, Семинарии — священнослужителей то есть были духовной школой в непосредственном смысле слова. При этом школа каждой ступени рекомендовала лучших выпускников на продолжение образования в школе следующей ступени.

Однако духовно-учебная реформа не исчерпывалась упорядочиванием и структуризацией существующих школ. Комитет о усовершенствовании духовных училищ сформулировал, кроме принципа централизации, еще один, не менее важный: соответствие всех предметов духовных школ задаче *богословского* учения: само

²¹⁶ См.: *Полетаев Н. И.* К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. 1889. № 8. С. 517–527.

²¹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 1–2 об.

²¹⁸ Вопрос об авторстве основных идей реформы и использованных источниках остается открытым. Текст итогового доклада был составлен М. М. Сперанским. Проект, представленный в докладе, отличался значительно от проекта епископа Евгения (в частности, существенно был расширен состав учебных предметов — введена гражданская история, церковные древности, география, история философии, расширена математика). Выдвигались предположения значительного использования в докладе проекта, составленного в 1801–1802 гг. архиепископом Анастасием (Братановским). Наконец, основные идеи проекта Комитета сравнивались с проведенной в России в 1802–1804 гг. университетской реформой, а также с Наполеоновской образовательной реформой 1806 г., учредившей *Université de France*. См.: *Глубоковский Н. Н.* Начало организованной духовной школы // *Богословский вестник* (далее: БВ). 1917. Т. I. № 6/7. С. 90; *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX веке: В 2 вып. Вильно, 1908, 1909. Вып. 1. С. 31–32; *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. С. 143.

²¹⁹ В 1804 г. был утвержден Устав университетов — первый комплексный законодательный акт в сфере высшего образования. Согласно Уставу, каждый из российских университетов являлся не только высшим учебным заведением со своими задачами, но и центром учебного округа, органом управления для средних и низших учебных заведений округа (см.: Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 г. Устав Императорского Московского университета // ПСЗ I. Т. XXVIII. СПб., 1830. № 21498. § 163–177. С. 586–588).

²²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 14–14 об.

²²¹ Там же. Л. 2.

богословие «во всех его отделениях»; древняя история, особенно священная и Церкви; лучшие образцы духовной словесности; языки древние, славянский и славяно-русский²²². Реформа, официально закрепив соединение богословской науки с духовной школой и относительную самостоятельность последней, утвердила и особое положение российского богословия в системе научного знания. Но уточнение этого вопроса также предполагалось в дальнейшем.

Духовные школы всех ступеней, в том числе, и Академии, должны были обращать пристальное внимание на воспитание учащихся. С одной стороны, в этом прослеживается связь с дореформенными Академиями и Семинариями, а через них — с иезуитским планом «*Ratio Studiorum*». Эту связь можно заметить даже в конкретных словосочетаниях нового Устава духовных училищ, сформированного на основании комитетского проекта: в нем говорилось о «духовных упражнениях», которые «должны быть свято сохраняемы», для которых должны быть назначены определенные часы и доставлены все «удобности», чтобы юношество не развлекалось в это время другими предметами²²³. С другой стороны, в документах реформы обращалось внимание на то, что само занятие «духовными науками» требует особого устройства. Так как само просвещение есть распространение света, «который во тьме светится и тьма его не объят», учащихся следует вести к истинным источникам света теми способами, о которых «Евангелие очень просто, но премудро учит»: «Христос есть путь, и истина, и живот». Следовательно, духовные училища должны стать «училищами истины», а их единственной целью должно стать «внутреннее образование юношей к деятельному христианству»²²⁴. Таким образом, реформа закрепляла особое понятие «духовных наук», которое не только было шире понятия «богословской науки», но и предъявляло особые требования к служителю этой области знания.

Загадочной была высшая ступень новой духовно-учебной системы — Духовная Академия. Она представляла не просто выделенные старшие классы дореформенных Академий и Семинарий, а новый тип научно-образовательного заведения, «надстроенный» над старой духовной школой. Задачи Академий были конкретизированы лишь отчасти: подготовка юношества к высшим должностям, ответственность за просвещение духовенства своего округа и духовная цензура. Жизненность и адекватность этих задач должен был показать опыт.

В модели Духовной Академии соединялся опыт дореформенных российских школ и несколько новых идей. Главными из последних были идеи *Академии*, как научного центра, и *Университета*, применительно к духовной «учености». Обе идеи — *Академии наук* и *Университета* — были включены в новое понятие «Духовной Академии», которая должна была стать, прежде всего, «Академией наук духовных». Не была потеряна и идея «универсума знания» — она была переосмыслена как «универсум знаний», связанный с духовным служением: «все науки, духовному чину потребные»²²⁵.

Разумеется, кроме идей Академии наук и университета, для концепции новой Духовной Академии, как и для всей духовно-учебной системы, были справедливы воспитательная задача — формирование человека духовного, человека для Бога, и профессиональная — устремленность к конкретному виду служения — духовному.

Еще одним элементом, подтверждавшим научный статус Духовной Академии, стало введение аттестации научно-педагогических кадров. Система состояла из трех степеней (кандидат — магистр — доктор), при этом первые две степени предназначались для выпускников Академии, докторская же должна была не только констатировать

²²² Там же. Л. 54 об. – 55 об., 3–6 об., 7 об.

²²³ См.: Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. § 8–15. С. 911–912.

²²⁴ Там же. С. 910–911.

²²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 54 об. – 55 об.

высокий научный уровень ее обладателя, но и его право быть *учителем христианским*²²⁶. Идея перенесения степеней «измерения» учености на духовную науку воспринималась непросто. Вопрос обсуждался в церковных и, прежде всего, духовно-учебных кругах очень активно и имел неоднозначные оценки. Так, иеромонах Филарет (Дроздов), будущий святитель, писал в 1812 г.: «...когда в Церкви оскудели учителя, тогда явились доктора, профессора и бакалавры. Дух Евангельский, подобно как спирт, стали измерять градусами»²²⁷. Тем не менее, через два года сам святитель Филарет стал доктором богословия, а в качестве ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПбДА), члена ее Конференции и Комиссии духовных училищ участвовал в присуждении и утверждении первых магистерских и кандидатских богословских степеней выпускникам I курса преобразованной СПбДА.

Таким образом, Духовная Академия должна была стать одновременно Академией «духовных наук», богословским университетом, педагогическим институтом духовного ведомства, высшей пастырской школой, научно-экспертным, методическим и учебно-организационным центром. Следует отметить, что, хотя проведение духовно-учебной реформы в России по времени совпадало с учреждением Берлинского университета — университета нового типа, «университета исследования», — на российскую духовно-учебную реформу эти новые принципы влияния не оказали. Единственным сходством была финансовая и организационная поддержка учебных заведений государством, но это была, скорее, характерная черта российского образования.

Недостаток средств, преподавательских и студенческих кадров для новых Академий определил постепенность в проведении реформы. Начать решили лишь с одной — столичной — Академии и ее учебного округа. СПбДА была открыта по правилам нового Устава в том же 1809 г.

Сочетание разнообразных задач, поставленных перед Академиями, подразумевало их сложную структуру. Действительно, Академия имела три управляющих органа: научный — Конференцию, по примеру Академии наук; Внутреннее правление, для руководства учебным институтом; Внешнее правление — для руководства учебными заведениями академического округа²²⁸.

Сложно был устроен и учебный процесс. Хотя, как было указано выше, специальным предметом занятий Духовных Академий являлась «ученость,... приспособленная к наукам богословским», и присоединяемые к ней «изящные науки» (*belles lettres*) — словесность, риторика, философия — первый курс СПбДА изучал в равной степени все богословские и общеобразовательные науки. Они были сгруппированы в шесть классов: помимо богословского, еще философский, словесный, исторический, математический и класс языков. Этот состав повторял семинарское образование, что объяснялось особой задачей преобразовательного периода — подготовкой новых преподавателей, способных полноценно учить в реформированных школах. Однако сочетание в духовной школе всех этих наук, при доминирующем и структурообразующем значении богословия, вновь ставило вопрос о системе научного знания и месте и значении в ней богословия. Вопрос о полезности каждого из небогословских предметов для *богословского* академического образования на этом этапе не ставился, однако подразумевал такую постановку в перспективе.

Широкая палитра духовно-академических дисциплин предоставляла студентам возможность удовлетворять любознательность и склонность к той или иной научной области. Но эта широта не всегда гармонично сочеталась в умах духовного юношества с

²²⁶ Начертание правил 1808 г. Система была более детально прописана в окончательном варианте Устава: Устав духовных академий 1814 г. // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. § 395–428. С. 946–949.

²²⁷ Письмо к священнику Г. Г. Пономареву от 26 февраля 1812 г. // *Святитель Филарет (Дроздов)*. Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 658.

²²⁸ В 1809 г. членами М. М. Сперанским и архиепископом Феофилактом (Русановым) был составлен проект Устава духовных училищ, который планировали доработать и утвердить после проверки на практике.

главной — богословской — направленностью духовной школы. Так, уже в составе первого курса СПбДА обнаружили любители словесности и математики, менее радевшие об изучении богословия. Эта ситуация побудила ректора Академии архимандрита Филарета (Дроздова) выпустить их без всяких ученых степеней, со званием действительного студента, и обратить особое внимание на специфику высшего духовного образования. Его назначение — *духовное* служение и *богословская* образованность. При этом студенты Духовных Академий должны быть готовы не только преподавать любые науки духовно-учебного курса, но так или иначе соотносить их с богословской доминантой. Тем не менее, проблема «небогословских предметов» в духовной школе, сопряженная с более глубокой проблемой — места богословия в системе научного знания — на ближайшее столетие стала сопутствовать высшему духовному образованию²²⁹.

Первый курс преобразованной по новому Уставу СПбДА учили общими усилиями пять лет. В 1814 г. проект Устава духовных училищ был отредактирован и утвержден²³⁰. В течение последующих пяти лет по новому Уставу были преобразованы все остальные духовно-учебные округа со своими Академиями. В 1814 г. был преобразован Московский духовно-учебный округ, с Академией, переведенной в Троице-Сергиеву Лавру. В 1817 г. был преобразован Киевский округ, Киевская же Академия, сочтенная неготовой к новой деятельности, пребывала два года в семинарском статусе и в 1819 г. получила статус Академии. В 1818 г. новое устройство получили средние и низшие духовные школы Казанского округа, отданные в управление МДА. Лишь преобразование Казанской Академии затянулось до 1842 г. Результатом реформы стала духовно-учебная система, действовавшая в России вплоть до 1918 г.

«Полный курс богословия», то есть, основа и цель всего образования, в 1809 г. не был четко определен — лекции читались по конспектам, которые составляли ректоры Академии (они же — по традиции — профессора богословия). В 1814 г. ректор СПбДА архимандрит Филарет (Дроздов), синтезируя системы дореформенных школ и новые идеи, выделил в едином курсе академического богословия семь разделов: чтение Священного Писания, богословие толковательное (*Hermeneutica*), созерцательное (*Dogmatica*), деятельное или нравственное (*Practica*), обличительное (*Polemica*), собеседовательное (*Homiletica*), и правительственное (*Jus Canonicum*)²³¹. Курс богословия дополнялся церковной историей (общей и русской) и церковной словесностью²³². Заметим, что выделение Священного Писания в качестве первой составляющей этой системы явилось достижением русского богословия XVIII в.

Реформа 1808–1814 гг. лишь отчасти решала проблемы дореформенной духовной школы. Но, подняв понимание духовного образования на новый уровень, она, с одной стороны, открыла перспективы развития богословской науки и духовного образования в России, с другой — положила начало осмыслению места и значения богословской науки и духовного образования в Церкви и в научно-образовательном универсуме.

Начиная со второй половины 1830-х гг., в духовной школе был проведен ряд изменений — и структурных, и содержательных, — называемых обычно «протасовскими» по имени обер-прокурора Святейшего Синода графа Н. А. Протасова (1836–1855).

²²⁹ Речь святителя Филарета приведена у И. А. Чистовича: *Чистович И. А.* Санкт-Петербургская Духовная Академия за последние тридцать лет. СПб., 1889. С. 25–26.

²³⁰ См.: Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 910–954.

²³¹ См.: *Филарет (Дроздов), архим.* Обозрение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах. СПб., 1814. Работа опубликована также: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. I. СПб., 1885. С. 123–151.

²³² РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 265. Л. 59 об.; ОР РГБ. Ф. 316. П. 68. Д. 83. Л. 37–62 об.

Изменения начались с малого. В 1837 г. при столичной Академии был учрежден Комитет по пересмотру учебных пособий для Академий и Семинарий²³³. Разумеется, процесс рассмотрения новых учебных пособий, составляемых преподавателями духовных школ, шел постоянно — наибольшие труды несла при этом Санкт-Петербургская Академия. Однако процесс развития богословия вновь привел к разнообразию в учебных курсах, поэтому перед Комитетом была поставлена задача: выработать единые программы и единые учебные книги, отвечающие «большому совершенству, систематической правильности и единообразному порядку»²³⁴. Кроме того, общий «экклесиологический» настрой 1830-х гг. и особое внимание к церковному Преданию требовали пересмотра учебных курсов духовных школ с целью «ближайшего приспособления не только к догматам, но и к преданиям и чиноположениям православной-кафолической восточной Церкви»²³⁵. Эти задачи были решены лишь отчасти, однако само обсуждение, попытки выработать наиболее успешные учебные курсы имели несомненную пользу для развития духовной школы²³⁶.

В 1839–1840 гг. были проведены более решительные изменения. Высочайше утвержденным указом от 1 марта 1839 г. была упразднена Комиссия духовных училищ: официальной версией была «необходимость тесной связи между управлением Православной Церкви и воспитанием юношества, приготавливаемого на священное служение оной»²³⁷. Все управление духовными школами было сосредоточено непосредственно в Синоде, а для ведения делопроизводства было учреждено Духовно-учебное управление. Так как последнее учреждение было канцелярией, часть духовно-учебных вопросов передавалась на непосредственное решение Синода, остальные же дела оказались замкнуты на обер-прокурора, которому подчинялись все синодальные чиновники²³⁸.

Отягощенный ответственностью, граф Н. А. Протасов, опираясь на избранных им представителей духовной школы, постарался привести Семинарии в большее соответствие их непосредственному предназначению — подготовке к священническому служению. Основой рассуждений обер-прокурора и его единомышленников была реальность России первой половины XIX в.: большая часть выпускников Семинарий определялись на сельские приходы, и священник нередко был единственным грамотным человеком в своем приходе. Поэтому воспитанники Семинарий, по мнению обер-прокурора должны были не только уметь «нисходить и к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним об истинах и обязанностях христианских», но и «получали и по части вспомогательных наук также познания, которые могли бы с пользою для себя и для будущих своих прихожан прилагать к сельскому быту и,

²³³ См.: *Титлинов Б. В.* Духовная школа... Вып. 2. С. 7; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 424–426. Официальное название этого Комитета — «для рассмотрения классических и вспомогательных книг по всем частям богословского учения».

²³⁴ *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 425.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Следствием работы Комитета были некоторые частные распоряжения Комиссии духовных училищ относительно преподавания в духовных школах: в Семинариях было введено преподавание церковно-библейской истории, исторического учения об Отцах Церкви, Православного исповедания кафолической и апостольской Церкви Восточной митрополита Петра Могилы; а в обязательные пособия для богословского класса в Семинариях указаны Догматическое богословие св. Иоанна Дамаскина («Точное изложение христианской веры») и Огласительные поучения св. Кирилла Иерусалимского. Академические конференции получили задание составить конспекты для преподавания исторического учения об Отцах Церкви и о церковных древностях (взамен употребляемого сочинения архиепископа Вениамина (Руновского) «Новая скрижаль») (см.: Извлечение из Отчета обер-прокурора Святейшего Синода гр. Н. А. Протасова за 1837 год. СПб., 1838. С. 55–56; То же за 1838 год. СПб., 1839. С. 49–53).

²³⁷ См.: Высочайше утвержденное 1 марта 1839 г. Положение о Духовно-учебном управлении при Святейшем Синоде // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (далее: ПСЗ II). Т. XIV. Отд. 1. СПб., 1840. № 12070. С. 179.

²³⁸ См.: Там же. С. 180–183.

содействуя улучшению оно́го, приобрета́ли тем более средств к влия́нию нравственному на сей самый многочисленный класс народа»²³⁹.

В результате были усилены церковно-практические дисциплины: пастырское и собеседовательное богословие (гомилетика), изучение богослужебного Устава, славянский язык. Кроме того, в круг семинарского образования были введены дисциплины, «полезные в общежитии»: естественные науки, медицина, сельское хозяйство. Для практической подготовки кандидатов в священство при семинариях были учреждены специальные «приготовительные классы», в которых выпускники по окончании курса «имели средство ближе ознакомиться с обязанностями оно́го, под руководством просвещенного и опытного наставника и под особенным надзором местного архиерея»²⁴⁰.

С краткими курсами по медицине, которые должны были теперь изучать все семинаристы, обошлись достаточно просто: в большинстве семинарий они были поручены семинарским врачам, иногда к этому привлекались другие врачи губернского города. Несколько сложнее было с сельским хозяйством, но со временем для решения этой проблемы была разработана целая система: некоторых выпускников семинарий по окончании оных отправляли в Горы-Горецкий земледельческий институт, после окончания которого они возвращались в семинарии профессорами естественных наук и сельского хозяйства²⁴¹.

Несмотря на устойчивую негативную оценку «протасовских» изменений в историографии²⁴², они поставили ряд важных вопросов, связанных с самим понятием «духовная школа», ее главным предназначением — подготовкой образованного духовенства. Но все эти нововведения внесли в семинарские учебные планы столько много программ, что многопредметность стала хронической проблемой средней духовной школы. Кроме того, усугубление профессиональной направленности семинарского образования обострили проблему совмещения двух целей: подготовки священства и льготного образования детей духовного сословия.

Немало изменений в идеи 1808–1814 гг. внесло и дальнейшее развитие Духовных Академий. С 1820-х гг. началось значительное изменение академических учебных планов: выделение из общего богословского курса самостоятельных богословских дисциплин, оформление «церковных» разделов из других классов — словесного, исторического, введение новых предметов церковно-практической направленности. Отметим лишь наиболее значимые группы новых дисциплин, введение которых проявляло важные тенденции в высшем духовном образовании, уточняло саму идею Духовной Академии, конкретизировало ее задачи.

Первой группой были дисциплины, которые давали студентам основу богословского знания, позволяли ориентироваться в его усложнившейся структуре, понимать единство богословия, его источников, методов, взаимосвязь различных

²³⁹ См.: Отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1840 год. СПб., 1841. С. 58–60.

²⁴⁰ См.: Там же.

²⁴¹ Горы-Горецкая земледельческая школа (в местечке Горки Могилевской губернии) была открыта в августе 1840 г. и состояла из двух разрядов: низшего и высшего. В высшем разряде (3 года) получали высшее агрономическое образование. В 1848 г. школа была преобразована в Горы-Горецкий земледельческий (по некоторым документам — агрономический) институт с 4-х-летним курсом. После восстания 1863 г., возбужденного польским восстанием и захватившего многих студентов, институт был закрыт и переведен в Петербург (см., например, воспоминания выпускника Черниговской ДС (1847) и Горы-Горецкого института (1851), профессора естественных наук и сельского хозяйства Воронежской ДС А. Ф. Липского «Моя автобиография»: <http://dostovalov.ru/af3.html>; <http://dostovalov.ru/af4.html>; <http://dostovalov.ru/af5.html> — дата обращения 06.06.2013).

²⁴² См., например: *Титлинов Б. В.* Духовная школа... Вып. 2. С. 1–5.

областей (*религиозистика* или *основное богословие* в КДА в 1830-х гг.; *богословская энциклопедия* в СПбДА в 1840-х гг.)²⁴³

Вторую группу составляли дисциплины, связанные с учением о Церкви, церковным Преданием, церковной историей (*экклесиастика* и *обличительное богословие* в КДА в 1830-х гг.; *учение о богослужении* в СПбДА в 1842 г; церковная археология в МДА в 1844 г.)²⁴⁴. В 1840-х гг. во всех Академиях выделяются в самостоятельные предметы история Русской Церкви и патристика²⁴⁵. Эта тенденция была связана с уже упомянутым «экклесиологическим» настроением 1830–1850-х гг. и особым вниманием к церковному Преданию.

Третью группу составляли церковно-практические дисциплины, связанные, с одной стороны, с пастырским служением (пастырское богословие, гомилетика, литургика, каноническое право), с другой, — с развитием церковной миссии.

Некоторые из этих дисциплин включались в учебные планы Духовных Академий с педагогической целью — подготовки преподавателей для семинарий. Однако появление любой дисциплины в недрах высшего духовного образования неизбежно ставило вопрос о ее научной перспективе. Так, например, включение «пастырского блока» предметов в академический курс вызвало дискуссию: следует ли высшей духовной школе заниматься непосредственно подготовкой пастырей, или, оставив это семинариям, необходимо озаботиться научной состоятельностью пастырского богословия, гомилетики, литургики, канонического права?

В результате нововведений количество предметов в Академиях возросло, прежняя целостность и системность академического курса была нарушена. Это было естественным следствием развития богословской науки, однако необходима была новая систематизация, *Architectonica Theologica*, осмысление разных частей богословия, их связей и соотношения. Представители епископата и духовно-учебные деятели пытались разрабатывать системы богословского образования, адекватные для новых условий. Так, ректор КДА епископ Иннокентий (Борисов) в конце 1830-х гг. предлагал следующую систему богословских наук:

- 1) приуготовительные науки: систематическое введение в круг богословских наук; библиология; символика, или введение в учение православной Церкви; патрология; священная герменевтика; церковная география и статистика; всеобщая и русская церковная история;
- 2) система богословия: религиозистика (догматика и нравоучение); экклесиастика (литургика и каноническое право);
- 3) прикладные науки: пастырское богословие, включая церковное красноречие; обличительное богословие; богословская педагогика²⁴⁶.

Но ни одна из предлагаемых систематизаций не была принята, проблема многопредметности и связанная с ней дезориентация выпускников становились все более

²⁴³ См.: *Мальшевский И. И.* Историческая записка о состоянии Киевской Духовной Академии в истекшее пятидесятилетие // ТКДА. 1869. № 11/12. С. 95–96; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 276–277.

²⁴⁴ См.: *Мальшевский И. И.* Историческая записка... С. 95–96; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. С. 289; *Смирнов С. К., прот.* История Московской духовной академии (1814–1870). М., 1879. С. 43. В экклесиастике, после основных понятий о Церкви, трактовалось об ее учении, богослужении и управлении. Первая часть называлась иногда *символикой* и рассказывала о символах, соборных и отеческих, и символических книгах.

²⁴⁵ См.: Отзыв святителя Филарета (Дроздова) 1839 г. о конспектах «Богословско-исторического учения об отцах Церкви», представленных тремя академиями (СПбДА, МДА, КДА) // *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. II. С. 456–460; Определение Святейшего Синода от 2–12 августа 1840 г.; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 584. Л. 1–2 об.; *Сагарда Н.* Лобовиков Иван Иванович, бакалавр Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре патристики // ХЧ. 1914. № 2. С. 246–273; *Мальшевский И. И.* Историческая записка... С. 99.

²⁴⁶ См.: Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах / Публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой // *Филаретовский альманах*. Вып. 6. М., 2010. С. 51–75.

очевидными. Стали высказываться — официально и неофициально — мнения о естественном вырождении «богословского энциклопедизма», который, хотя и давал основательность богословской мысли, но не привязывал ее «к чему-либо исключительно»²⁴⁷. Академическая наука не была бесплодна в эти годы в оригинальных богословских сочинениях: среди членов академических корпораций и выпускников Академий были ученые, признанные научными кругами вне стен Академий²⁴⁸. Но в разных сферах церковной жизни требовались *специалисты* с высшим богословским образованием, не только обладающие специальными богословскими знаниями, но и умеющие применять их к решению научных и церковно-практических задач. Дополнительным стимулом было бурное развитие естественных наук — биологии, геологии — очень заметное в России в 1850–1860-х гг. Новые открытия, идеи, теории требовали адекватной оценки с богословской точки зрения. Не был решен вопрос о методах богословской науки в целом и в каждой ее области, о соотношении методов гуманитарных наук — филологии, истории — с богословскими. Поэтому идеи *специализации* и *научного исследования* стали заданием высшей духовной школе на следующем этапе ее развития.

Кроме того, трудоемкость учебного процесса установила его примат над наукой и изначальный замысел об «Академии наук духовных» не мог реализоваться во всей полноте. Необходимо было заново продумать идею совмещения в едином учреждении духовно-учебного и научно-богословского центров и найти какое-то более удачное решение.

7. Духовно-учебные реформы 1860-х гг. Адаптация в православном образовании европейской модели «университета исследования»

В 1867–1869 гг. были проведены новые реформы духовной школы, которые внесли немалые коррективы и в саму идею духовной школы, и в структуру каждой ее ступени. Эти реформы готовились долго, с первых лет нового царствования Александра II, когда трезвое видение многочисленных проблем в церковной жизни поставило вопрос о внесении изменений в разные ее стороны. Немало укоров высказывалось и в адрес духовной школы: ее обвиняли в замкнутости, пагубно отражавшейся на пастырском служении ее воспитанников и на распространении богословского знания в обществе; в плохом образовании и неудовлетворительном нравственном воспитании будущих пастырей и их учителей; в схоластичности и мертвенности богословской науки, отсутствии специальных исследований и отстраненности от современной жизни. В 1857 г. началась подготовка реформы российских университетов, что стимулировало начало преобразований и в духовно-учебной системе.

Первые шаги по подготовке новой духовно-учебной реформы были предприняты в 1857–1858 гг.: вопрос о желательных изменениях был задан столичным архиереям, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Григорию (Постникову) и святителю Московскому Филарету (Дроздову). Ответы столичных архиереев были представлены в виде записок, и это были первые документы новой реформы. Святитель Филарет усматривал в духовной школе конца 1850-х гг. немало недостатков, но считал,

²⁴⁷ Певницкий В. Ф. Речь о судьбах богословской науки // ТКДА. 1869. № 11–12. С. 188.

²⁴⁸ Например, выпускник МДА 1844 г. архимандрит Амфилохий (Казанский-Сергиевский) — исследователь и издатель греческих и древнеславянских рукописей, с 1863 г. и член-корреспондент Академии наук по отделению греческой и славянской палеографии; выпускник МДА 1826 г. архиепископ Филарет (Гумилевский) — богослов, историк Церкви, агиограф, краевед; выпускник СПбДА 1829 г. епископ Порфирий (Успенский) — знаток христианского Востока, собиратель и исследователь древних рукописей; выпускник КДА 1843 г. архимандрит Антонин (Капустин) — его последователь, создатель «русской Палестины», историк, археолог; выпускник КазДА 1846 г. Н. И. Ильминский — миссионер, филолог и педагог, знаток мусульманства и Востока; выпускник МДА 1850 г. А. Е. Викторов — археолог и библиограф и др.

что в целом богословская подготовка академических выпускников не так плоха: по крайней мере, они знают догматическое богословие²⁴⁹. Поэтому не следует ломать действующую систему, а достаточно: 1) внести некоторые изменения в учебные планы, то есть, в порядок преподавания наук в Академиях; 2) подкорректировать учебные программы, то есть, содержание и методы преподавания отдельных предметов; 3) дать светским наукам постановку, соответствующую их положению в духовной школе; 4) усовершенствовать саму академическую систему обучения, как высшего образования; 5) организовать систему, ведущую к обладанию воспитанниками Духовных Академий «специальной ученостью», но не принося в жертву полноценное всестороннее богословское образование.

Митрополит Григорий более строго оценивал уровень богословских знаний выпускников Духовных Академий: «Наши высшие духовные училища дают только энциклопедическое образование»; имея достаточно развитую высшую духовную школу, «мы не имеем специальных ученых по предметам нашего духовного образования»; воспитанники Академий, «подробно не знакомые ни с одним предметом», не получают и «настроения в Академии к занятию определенным кругом предметов»²⁵⁰. Преосвященный Григорий предлагал, прежде всего, обратить внимание на специализацию преподавателей: подготовку в недрах корпораций «специалистов по разным областям богословия, способных научно их разрабатывать и руководить студентами в занятиях этими науками». Что касается занятий студентов, то к каким-то радикальным мерам он не призывал, хотя допускал возможность и полезность введения некоторых специальных «самостоятельных практических занятий» по одному-двум избранным предметам: выполнение упражнений, составление сочинений — более серьезных и обширных, чем обычные «семестряки»²⁵¹.

Общее возбуждение и желание перемен побуждало и других деятелей духовной школы высказываться по большим вопросам. Среди поданных в эти годы в Синод «мнений» и «соображений» привлекает внимание записка ректора столичной Академии епископа Винницкого Макария (Булгакова), датированная 2 марта 1857 г. Автор обращал внимание на проблемы средней духовной школы, выделяя среди них четыре главных: 1) отсутствие печатных руководств по большей части наук; 2) многочисленность и раздробленность учебных предметов; 3) неправильное распределение времени для преподавания учебных предметов — «расширение одних наук и сокращение других», не отвечающие главной цели духовной школы; 4) «распределение занятий учеников в собственных сочинениях», мало приспособленное к этой же цели²⁵². Преосвященный Макарий предлагал «нарочито избрать» среди преподавателей Академий и Семинарий наиболее способных и отличающихся своими «специальными познаниями в той или другой науке», и этим-то людям поручить составление учебников. Тогда будущие пастыри Церкви будут ограждены от плохих и бесполезных, а иногда даже вредных записок, выдаваемых в некоторых семинариях нерадивыми и мало сведущими наставниками. Что касается неправильно составленных учебных планов, то епископ Макарий настаивал на строгой иерархии преподаваемых дисциплин, с усилением тех, которые являются «существенно необходимыми» для будущих пастырей, то есть, богословских. Но и среди богословских дисциплин преосвященный автор предлагал провести некоторую гармонизацию с выделением основных: догматического и нравственного богословия, обличительного богословия «с применением к местным ересям и расколам»; пастырского богословия и общей церковной истории, с усилением истории Восточной Церкви со времени «отделения от нее Церкви Римской».

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 926. Л. 7.

²⁵⁰ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 705. Л. 29–30; ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 676. Л. 7 об. – 8.

²⁵¹ Там же.

²⁵² ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 669. Записка епископа Винницкого Макария «Проект об улучшении учебной части в духовных семинариях». Л. 1.

Удивительным кажется отсутствие в этом списке Священного Писания. Но, с одной стороны, Писание и так преподавалось в Семинариях на протяжении всех шести лет, с другой, — сказывалась взрастившая преосвященного Макария «николаевская» эпоха, с повышенным вниманием к твердому и непоколебимому вероучению, да и учебно-научные интересы самого владыки ректора. Внимание следует обратить еще на одно, казалось бы, странное предложение: изъять из семинарских курсов преподаваемую уже почти двадцать лет патристику или учение о святых отцах. Конечно, преосвященный Макарий объясняет, что преподают учение об отцах слишком кратко для серьезного изучения, а излагаемые обычно «биографии и библиографии» святых отцов можно отнести к церковной истории. Тем не менее, это сомнение свидетельствует о том, что и к этому времени патристика еще не определила своего собственного поприща и метода, которые делали бы ее неотъемлемой составляющей пастырского образования. Наконец, автор записки дает еще один — казалось бы, запоздалый — совет: усилить занятия семинаристов церковно-проповеднической деятельностью, пожертвовав в среднем и старшем отделении даже частью сочинений, причем обращать внимание на «приспособляемость» составляемых проповедей «к понятиям сельских прихожан»²⁵³.

9 февраля 1859 г. вопрос о необходимых преобразованиях в средней духовной школе был задан от имени обер-прокурора А. П. Толстого епархиальным преосвященным, а через них — ректорам духовных семинарий. В августе 1859 г. директор Духовно-учебного управления князь С. Н. Урусов запросил мнение преосвященных академических городов по этому же вопросу²⁵⁴. Уже в январе 1860 г. чиновником по особым поручениям при обер-прокуроре Т. И. Филипповым из поступивших сведений был составлен свод²⁵⁵. Но, при всем удобстве пользования сводом, целостные мнения, обработанные по определенной схеме, потеряли концептуальность, взаимосвязь идей и логику авторов, а вырванные из контекста конкретные предложения приобретали несколько иной смысл. Это отмечали многие авторы отзывов, недовольные тем, что синодские чиновники обращались с их мнениями столь вольно²⁵⁶.

В основном во всех отзывах говорилось о тягостной многопредметности семинарского курса, о необходимости отменить преобразование 1840 г., то есть, изъять из учебных планов медицину и сельское хозяйство, скорректировать управление семинариями (летучим выражением стало «пятивластие» над семинариями: Святейшего Синода, обер-прокурора, Духовно-учебного управления, епархиального архиерея и окружного академического правления). Многие авторы обращали внимание и на неразумное сочетание двух задач средней духовной школы: льготного образования для детей духовенства и профессиональной пастырской подготовки.

Было решено соотнести заявленные проблемы с опытом пастырской подготовки в других православных странах и иных конфессиях. Так, синодскому чиновнику П. И. Соломону, отправленному в 1858 г. в Грецию для привлечения в Россию преподавателей греческого языка, было дано задание по сбору сведений о постановке богословского образования в Халкинском Богословском училище и на богословском факультете Афинского университета²⁵⁷. Выпускник МДА Н. А. Сергиевский, отправившийся в том же году во Францию в роли домашнего учителя, собирал по поручению Синода информацию о католических семинариях²⁵⁸.

²⁵³ Там же. Л. 2–8 об.

²⁵⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 7. 1859 г. Д. 22149. Свод мнений епархиальных архиереев и ректоров о преобразованиях, необходимых для духовной школы. Л. 1–4.

²⁵⁵ Там же. Л. 1–41 об.

²⁵⁶ См., например, мнение святителя Филарета (Дроздова) по этому вопросу: *Горский А. В., прот.* Дневник. М., 1885. С. 109.

²⁵⁷ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 702. Л. 1–3; ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 974. Л. 1–1 об.

²⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 78 (Протоиерей А. В. Горский). К. 33. Д. 14. Л. 11 об. См. также: *Сергиевский Н. А.* Описание Малой Парижской семинарии. СПб., 1860. ОР РГБ. Ф. 78. К. 33. Д. 14. Л. 11 об.

В январе 1860 г. в Петербурге был учрежден специальный Комитет для разработки Устава средней и низшей духовной школы под началом архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова)²⁵⁹. В числе прочих, членами комитета стали ректор СПбДА епископ Нектарий (Надеждин) (потом епископа Нектария заменил новый ректор СПбДА — архимандрит, затем епископ Иоанникий (Руднев)) и ректор Санкт-Петербургской ДС архимандрит Платон (Троепольский). Представителей других Академий в Комитет не пригласили, но, видимо сознавая порочность этой ситуации, в мае того же 1860 г. граф А. П. Толстой по поручению митрополита Григория (Постникова) предложил святителю Филарету (Дроздову) прислать в Комитет представителя МДА. Им стал профессор МДА А. В. Горский²⁶⁰.

К началу 1862 г. был составлен проект Устава духовных семинарий с объяснительной запиской²⁶¹. Этот проект дался Комитету очень непросто. Архиепископ Димитрий перед началом работы имел твердое намерение решить семинарскую «двузначность» разделением общего образования для детей духовенства и специальной пастырской подготовки. Лишь таким путем, с его точки зрения можно было избежать насильственного вовлечения на пастырскую стезю не желающих того, то есть, «невольников»²⁶². Но не все члены Комитета были согласны с архиепископом Димитрием: смущало глобальное переустройство системы, столетия исполнявшей задачу подготовки образованных ставленников на священнические места. Поэтому в результате дискуссий в основу проекта был положен компромиссный вариант: средняя духовная школа сохранялась единой, но с выделением богословских и пастырских предметов в старшие классы, младшие же классы семинарий должны были соответствовать учебным программам общей школы²⁶³. Таким решением был недоволен и сам председатель Комитета, и сторонники сохранения старой системы, к тому же по некоторым вопросам к основному проекту были приложены частные мнения несогласных.

Проект нового Устава был разослан епархиальным архиереям для обсуждения, этот процесс длился три года, но практических результатов не имел. С одной стороны, причину можно усмотреть в смене обер-прокурора, произошедшей в 1862 г.: новый высший чиновник Духовного ведомства — А. П. Ахматов — к начатому преобразованию не благоволил. С другой стороны, указанная неопределенность, заложенная в самом проекте, видимо, смущала и участников обсуждения. Но отзывы на проект, подаваемые в Синод, дали новый комплекс источников, который использовался в дальнейшем на следующих этапах подготовки новых Уставов.

Динамичные шаги в реформировании духовной школы начались при обер-прокуроре графе Д. А. Толстом, который использовал для этого обер-прокурорский статус и все открывшиеся возможности. Именно Д. А. Толстой не только осознал, но и реализовал в своей деятельности достижение своих предшественников: обер-прокурор является ключевой фигурой, способной соединить идеи епископата и «практиков» духовной школы — преподавателей и профессоров, — а также пожелания императора и высших чиновников, получив при этом деньги от государственного казначейства, необходимые для проведения реформы.

²⁵⁹ РГИА Ф. 797. Оп. 30 (отд. 1, ст. 2). Д. 213; Там же. Ф. 802. Оп. 7. 1859 г. Д. 23149.

²⁶⁰ См.: *Горский А. В., прот.* Дневник. М., 1885. С. 108–110. Сохранились довольно интересные письма делопроизводителя Комитета Т. И. Филиппова к А. В. Горскому, который не мог долго находиться в столице и большую часть времени работал в Комитете «дистанционно»: ОР РГБ. Ф. 78. К. 33. Д. 14. Л. 1–42 об.

²⁶¹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 697. Донесение архиепископа Херсонского Димитрия в Синод об изменениях, предполагавшихся в духовно-учебных заведениях. Л. 1–24.

²⁶² ОР РГБ. Ф. 78. К. 20. Д. 4. Л. 1–5 об.

²⁶³ См.: Проекты преобразования центрального управления духовными училищами, оставшиеся от 1862 года (Историческая справка) // Прибавления к Церковным ведомостям. 1908. № 2. С. 68–81.

Деятельность обер-прокурора способствовала достаточно плодотворной работе двух Комитетов при Святейшем Синоде: в 1866–1867 гг. был разработан Устав Духовных Семинарий и Училищ, в 1867–1869 гг. — Устав Духовных Академий²⁶⁴. Оба Комитета возглавлял — первый неофициально, как заместитель председателя, а второй официально, в статусе председателя, — преосвященный Нектарий (Надеждин). Этот архиерей был одним из доверенных лиц обер-прокурора Святейшего Синода Д. А. Толстого. Но отношение духовно-учебного сообщества к преосвященному Нектарию было довольно скептическим: при окончании КДА он был последним по разрядному списку магистром, своих идей никогда не высказывал, проектов не подавал.

В Уставе Духовных Семинарий подтверждалась главная цель семинарского обучения — «образование просвещенных священнослужителей»²⁶⁵. В соответствии с этим формировался и состав предметов: на первом месте стояли церковно-богословские предметы — изъяснение Священного Писания Ветхого и Нового Заветов; история Церкви вообще и Российской в отдельности; богословие: основное, догматическое, нравственное; практическое пастырское руководство; гомилетика; литургия, — и потом уже общеобразовательные предметы. Следует обратить внимание на то, что, несмотря на указанные выше тенденции 1840–50-х гг., изучение Священного Писания предваряет догматическое богословие: новый период в переводе Библии на русский язык, начавшийся в 1857–1858 гг., вновь возвращал к учебно-богословскому порядку начала XIX в.

Характерной чертой Устава — по крайней мере, желаемой, — были гибкость образования, позволявшая разделить задачи льготного образования юношества духовного сословия и профессиональную подготовку духовенства, не умаляя значения обеих. Шесть одноступенчатых классов средней духовной школы разделялись на два уровня: первые четыре класса давали общее образование, два старших — церковно-богословское. После четвертого класса студенты Семинарий могли поступать в высшие учебные заведения Министерства народного просвещения, а также военные учебные заведения, причем принимали их, как и выпускников классических гимназий, без вступительных экзаменов — просто по аттестату. В старшие — пастырско-богословские — классы Семинарии, напротив, могли приниматься выпускники любых средних учебных заведений не моложе 18 лет²⁶⁶. При этом выпускники шестого класса ориентировались на церковное служение — пастырское или обучение в Академии.

Важно обратить внимание и на отражение в семинарском Уставе тенденций времени, особого внимания к проблемам приходского духовенства и членам духовно-учебных корпораций. Хотя епархиальный архиерей был «главным начальником духовных училищ своей епархии» и имел «высшее наблюдение» за исполнением в них Уставов, большое значение получали педагогические собрания, в которых участвовали преподаватели и представители епархиального духовенства²⁶⁷. Была реорганизована и вся духовно-учебная система: духовно-учебные округа были упразднены, Академии освобождены от управления духовно-учебными округами, хотя, конечно, с них не снималась задача распространения учености в духовенстве. Семинарии напрямую

²⁶⁴ См.: Высочайше утвержденные 14 мая 1867 г. Устав и штаты Православных Духовных Семинарий // ПСЗ II. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1871. № 44571. С. 498–511; Высочайше утвержденные 14 мая 1867 г. Устав и штаты Духовных Училищ // ПСЗ II. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1871. № 44572. С. 511–519; Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // ПСЗ II. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 545–556. Уставы Семинарий и Училищ были разработаны в Комитете при Святейшем Синоде под официальным председательством митрополита Киевского Арсения (Москвина) и под реальным руководством епископа Нижегородского Нектария (Надеждина). Устав Академий — в Комитете при Святейшем Синоде под официальным руководством архиепископа Нектария.

²⁶⁵ См.: Высочайше утвержденные 14 мая 1867 г. Устав и штаты Православных Духовных Семинарий. § 126. С. 506.

²⁶⁶ См.: Там же. § 13, 122, 127. С. 499, 506.

²⁶⁷ См.: Там же. § 14–21, 94–98, 106–108, 111. С. 499, 504–506.

подчинялись новому духовно-учебному органу — Учебному комитету при Святейшем Синоде²⁶⁸.

Еще большие изменения в действующую духовно-учебную систему вносил новый Устав Духовных Академий. Главные идеи в проекте академического Устава принадлежали двум протоиереям: председателю Учебного комитета при Святейшем Синоде протоиерею Иосифу Васильеву и ректору столичной Академии протоиерею Иоанну Янышеву. Оба они были блестящими выпускниками СПбДА — первыми магистрами своих выпусков, — имели опыт служения при русских посольских церквях — первый в Париже, второй в Висбадене. Поэтому европейский учебно-богословский опыт не просто учитывался, но клался в основу тех или иных аспектов новой модели Академии.

В проекте 1869 г. подчеркивалась научная задача Академий, причем как в исследовательском аспекте — стимулирование специальных научных исследований в области богословия, так и в учебном — подготовка студентов к научной деятельности. Понятие научного развития богословия неразрывно связывалось с подготовкой преподавателей-специалистов, занимающихся исследованиями в области преподаваемой дисциплины и способных вводить свои научные достижения в учебный процесс. Одним из средств решения этих задач была специализация, вводимая на всех уровнях учебного процесса: специализация студентов первых трех курсов по трем отделениям, студентов выпускного курса — по более конкретным группам наук, преподавателей — по кафедрам. Для общеобязательного изучения было выделено несколько предметов: из богословских — Священное Писание обоих Заветов и основное богословие, а также весь блок философских дисциплин (логика, психология, метафизика, история философии). Все остальные дисциплины распределялись по трем отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому) и изучались только студентами соответствующего отделения²⁶⁹. Вместо двух двухлетних отделений духовно-академическое образование состояло теперь из четырех годичных курсов.

Академии сохраняли право возведения в степени кандидата, магистра и доктора богословия, причем активизация научно-богословской аттестации стимулировалась соединением с преподавательскими должностями определенных требований к ученым степеням: для должности доцента и экстраординарного профессора требовалась магистерская степень, для должности ординарного профессора — докторская. При этом магистерские и докторские диссертации должны были теперь представляться в виде монографий, а их защита — проводиться публично, на диспутах²⁷⁰.

Управление учебным процессом и научным развитием соединялось в ведение нового органа Духовной Академии — Совета. Академии оставались «под главным начальством Святейшего Синода», власть епархиального архиерея определялась как «попечение»²⁷¹. Об отношениях с Учебным комитетом в Уставе ничего не говорилось, однако вскоре после введения нового Устава Синод передал часть дел, связанных с высшим духовным образованием, в круг дел Комитета.

Разработчики реформы пытались решить проблемы, вставшие перед Академиями в процессе развития и усиленные новыми задачами, о которых говорилось выше. Однако более внимательное изучение показывает, что новое преобразование высшей духовной школы не было замкнутым процессом, но учитывало образовательные идеи своего времени, может быть, с некоторым временным отстоянием. Нельзя не отметить созвучие некоторых положений реформы 1869 г. идеям «университета исследования» Вильгельма фон Гумбольдта. Это выразилось не только в переносе акцента на исследование и

²⁶⁸ См.: Там же. С. 496–498.

²⁶⁹ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий. § 110–116, 131–133, 136–137. С. 552–553.

²⁷⁰ См.: Там же. § 136–147. С. 553–554.

²⁷¹ См.: Там же. § 12–19, 85–103, 105. С. 545–546, 549–551.

включении в этот процесс учащихся и учащихся. Отзвуком «свободы преподавания» (*Lehrfreiheit*) стало разрешение всем профессорам и доцентам Академий самостоятельно составлять программы преподаваемых курсов, предоставляя в Советы Академий лишь итоговые отчеты о прочитанном. Сюда же можно отнести введение института «свободных» преподавателей — приват-доцентов — которые, как говорилось в Уставе, полностью вольны в выборе дисциплины преподавания, могут по своему желанию прекратить курс, лишь поставив начальство в известность. Отзвуком «свободы обучения» (*Lernfreiheit*) было предоставление студентам двойного выбора специализации: отделения и группы предметов на выпускном курсе. Наконец, были особо оговорены вспомогательные средства, предоставляемые Академиям: возможность научных командировок, организации научных конкурсов, премий, музеев, кабинетов — что также являлось характерной чертой «университета исследования»²⁷².

Определенное влияние немецкое богословие оказало и на структуру учебного плана в Академиях: все богословские дисциплины были разделены на экзегетическое, систематическое, историческое и практическое направления; при этом первое (Священное Писание) сделано общеобязательным, а три остальных определили специализацию отделений. Хотя в официальных документах о примере европейских университетов ничего не говорилось, неофициальные источники подтверждают то, что в период разработки реформы 1869 г. немецкие университеты — прежде всего, Берлинский — были в поле внимания активных участников реформы²⁷³.

Кроме того, несомненное влияние на формирование положений реформы 1869 г. оказали реформы российских университетов 1835 и 1863 гг. В деятельности академических отделений, Советов, принципах научной аттестации (публичные защиты, рецензенты, оппоненты), идее приват-доцентуры просматривается несомненная связь с соответствующими положениями университетских Уставов.

Если вспомнить четыре идеи, включенные в модель Духовной Академии в начале XIX в., можно заметить, что первые две — идеи Академии наук и университета — усилились, слившись при этом воедино: последние же две — идеи духовного воспитания и пастырской школы — ослабились. Ослабление «пастырской идеи» можно заметить еще и в том, что за все время действия Устава 1869 г. во всех четырех Академиях пастырское богословие преподавали миряне²⁷⁴. Этот парадоксальный факт объясняется как раз усилением «научности» Духовных Академий: если пастырское богословие — наука, то преподавать ее имеет право всякий, кто имеет научную состоятельность.

Главной проверкой плодотворности новых идей для русской духовной школы был опыт. Некоторые идеи были отвергнуты, другие показали свою неактуальность на этом этапе развития Академий. Так, вызвала нарекание и была в дальнейшем отменена специализация по отделениям: при всем научном пафосе и углублении в конкретные области богословия, отделенская система все же подрывала полноценное базовое богословское образование. Не актуализировались в значимом виде «свободы преподавания и обучения».

Тем не менее, некоторые новые черты, включенные в новую концепцию Духовной Академии, показали свою жизнеспособность и сохранили свое значение в последующие годы:

1) усилилась «университетская» составляющая «идеи Духовной Академии», соединившая учебный и научный процессы;

²⁷² См.: Там же. § 169–171. С. 555.

²⁷³ См., например: С. Т. Богословский факультет Королевского Берлинского университета // ХЧ. 1869. Т. II. № 8. С. 342–354.

²⁷⁴ См.: Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 35–38.

2) особое значение получила *научно-исследовательская деятельность*, в которую включались как члены преподавательской корпорации, так и студенты — именно исследование стало определять строй жизни и деятельность Академий;

3) преподаватели Академий должны были стать, а студенты становиться *специалистами*, обладать «специальными знаниями» и добывать новые.

Следует заметить, что при подготовке реформы 1869 г. было составлено много проектов, которые, хотя и не были реализованы, неоднократно использовались в дальнейшем. Выделим лишь один из них — проект архиепископа Макария (Булгакова), который предлагал развивать параллельно два типа Духовных Академий: 1) богословские, для разработки богословской науки и подготовки научно-богословских кадров; и 2) небогословские («педагогические»), в которых богословие составляло бы один из факультетов (отделений), и еще несколько факультетов было определено небогословскими науками (словесными, историческими, возможно — физико-математическими). Академии второго типа, по мнению автора, позволили бы не только готовить преподавателей по всем предметам для духовных школ, но и полноценно развивать все науки в непосредственной связи с богословием²⁷⁵. Автор проекта предлагал отнести ко второму типу Московскую или Казанскую Академию²⁷⁶. Эта идея — развести две задачи Академий, подготовку ученых богословов и преподавателей небогословских дисциплин для семинарий — казалось бы, решала ключевую проблему высшей духовной школы. Отказались от проекта, с одной стороны, по банальной причине — отсутствию денег на реализацию двух разных идей, реорганизацию высших духовных школ двух типов. С другой стороны, полноценно развивать научное богословие в «педагогических» Академиях не представлялось возможным, лишить же традиционный академический и университетский город — Москву, или восточный оплот православия — Казань — научно-богословского и экспертного центра казалось несправедливым. Да и сама идея устройства особых — духовных — педагогических институтов, специфики их устройства и постановки преподавания были продуманы явно недостаточно.

С эпохой Уставов 1860-х гг. связано и важное явление в русской богословской науке — обращение практически во всех областях богословия к историко-критическим методам.

Уставы 1860-х гг., несмотря на обилие новых и бесполезных идей, научное воодушевление, охватившее значительную часть преподавателей, выпускников и студентов духовных школ, «прорывы» в разных областях богословия, критиковали на протяжении всего периода его действия — епископат, преподаватели и выпускники Академий. Высказывались пожелания как рабочей корректировки Устава, изменения его отдельных положений, так и радикального поворота вспять. Основания для критики были...

Прежде всего, оказалась невостребованной главная идея академического Устава 1869 г. — подготовка специалистов в конкретных областях богословия: церковная система оказалась не готова к использованию подготовленных кадров. Выпускникам Академий далеко не всегда приходилось преподавать те дисциплины, которые они специально изучали на выпускном курсе, а иногда они попадали даже на кафедры, к которым не имели отношения в своих отделениях²⁷⁷. В таких случаях специализация становилась не просто бессмысленной, но и вредной.

Несомненно, одной из причин было снижение внимания к специфике духовной школы, литургической и духовной жизни преподавателей и студентов:

²⁷⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 236–244 об.

²⁷⁶ Два мнения митрополита Макария (Булгакова) по поводу нового Устава духовных академий 1869 г. / Публ. прот. Ф. И. Титова // ТКДА. 1906. Т. I. № 1. С. 116–134.

²⁷⁷ См.: Там же. С. 315–323.

исследовательский пафос нередко доминировал и именно он определял академический ритм²⁷⁸.

В Святейшем Синоде в конце 1870-х гг. неоднократно высказывались критические замечания по отношению к духовным школам. В Синоде при обсуждении участвовавших случаев дисциплинарных нарушений в Семинариях Академиям высказывалось порицание, как педагогическим институтам Духовного ведомства.

Не меньше критики адресовалось и Уставу Духовных Семинарий 1867 г. Состояние духовной школы вызывало много нареканий у епархиальных архиереев, которые отмечали несоответствие настроения учащихся и преподавателей церковному духу, нерадивость к богослужению, равнодушие к вере, несоблюдение постов, непослушание архиерею. Обвинения адресовались через Семинарии Академиям, из выпускников которых формировались семинарские преподавательские корпорации. Академии, занимающие «ключевую» позицию в духовно-учебной системе, задавали, по мнению архиереев, ей недобрый настрой: «Ценится и восхваляется одна ученость, а христианская добродетель остается в стороне»²⁷⁹. Кроме того, сильный отток студентов Духовных Семинарий в университеты и снизившееся количество принимавших священный сан вообще ставил под сомнение достижение главной цели.

В результате так долго подготавливаемые Уставы 1867–1869 гг. действовали лишь 15–17 лет, и были сменены новыми Уставами, которые и современники, и исследователи часто называют «контр-уставами» по отношению к Уставам 1860-х гг.

8. Духовные школы при Уставах 1884 г. Церковность как принцип бытия духовной школы

В 1872 г. была начата разработка нового университетского Устава, и проблемы высшего образования вновь стали одной из наиболее обсуждаемых тем в образованной части российского общества. Так как Устав Духовных Академий 1869 г. и развитие богословской науки очень сблизили преподавателей Духовных Академий с университетскими коллегами и приблизили духовно-учебные проблемы к университетским, при обсуждении последних затрагивались и первые.

Но в 1880 г. произошла смена обер-прокурора Святейшего Синода, и реформы, проведенные при графе Д. А. Толстом не только потеряли свою привлекательность, но стали довольно жестко критиковаться. Новый обер-прокурор К. П. Победоносцев явно не сочувствовал церковным и духовно-учебным реформам своего предшественника, и по его инициативе в октябре того же 1880 г. ректорам Академий было предложено представить свои «соображения» о необходимых изменениях в действующем Уставе.

Дополнительное напряжение создавалось беспокойной обстановкой в Академиях: в университетах усилились «брожения», которые отчасти захватывали и духовные школы²⁸⁰. Так, в КДА в 1881 г. конфликт студентов с инспектором — архимандритом Сильвестром (Малеванским) — перерос в открытый бунт. Студенты предъявили дерзкие требования — необязательное посещение молитв, свободный выход из стен Академии в город — и начальство вынуждено было пойти на некоторые уступки, боясь консолидации с университетскими студентами²⁸¹.

²⁷⁸ См.: Соколов В.А. Годы студенчества (1870–1874) // БВ. 1916. Т. I. № 3/4. С. 388; № 5. С. 9–15; Муретов М. Д. Из воспоминаний студента Императорской Московской духовной академии XXXII курса (1873–1877) // Там же. 1916. Т. III. № 10/11/12. С. 610.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 50 (отд. 3, ст. 5). Д. 182. Ч. II. Л. 11 об. Мнение епископа Олонецкого Палладия (Пьянкова).

²⁸⁰ См.: Церковно-общественный вестник. 1880. № 147. С. 5.

²⁸¹ ОР РГБ. Ф. 26. К. 17. Д. 34. Письма И. П. Исаева к А. Д. Беляеву. Л. 13–14 об. См. также: Руткевич П., прот. Мои воспоминания о Киевской Духовной Академии за время с 1879 до 1883 гг. // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 12/13. С. 293–294.

Но процесс составления требуемых «соображений» проявил всю сложность отношения к действующему Уставу в преподавательских корпорациях: ни одной из Академий не удалось добиться единомыслия и единогласия. Так, ректор КДА епископ Михаил (Лузин) подал личное мнение, несогласное с мнением Совета своей Академии, Совет СПбДА подал два мнения — большинства во главе с ректором протоиереем Иоанном Янышевым и противостоявшей оппозиции; Советы МДА и КазДА, хотя и подали единые мнения, при обсуждении выявили множество разногласий²⁸².

В ноябре 1881 г. для обсуждения представленных мнений при Синоде был Высочайше учрежден Комитет под председательством архиепископа Казанского и Свяжского Сергия (Ляпидевского)²⁸³. Попытки скорректировать действующий Устав привели к созданию проекта практически нового Устава, отвергавшего многие идеи Устава 1869 г. Доработка этого проекта в Синоде шла мучительно: на протяжении полутора лет он обсуждался, откладывался, и лишь в апреле 1884 г. получил окончательное одобрение Синода и Высочайшее утверждение²⁸⁴.

Новый Устав упразднил в Академиях отделения и отменил деление предметов на обязательные и отделенские, а также особое устройство выпускного курса. Обязательными вновь стали практически все богословские и философские дисциплины: 1) введение в богословие; 2) Священное Писание и библейская история; 3) догматика; 4) нравственное богословие; 5) гомилетика и история проповеди; 6) пастырское богословие и педагогика; 7) церковное право; 8) история Вселенской Церкви до разделения Церквей, история Православной Церкви и история Русской Церкви; 9) патристика; 10) церковная археология и литургия; 11) философия (логика, психология, метафизика и история философии)²⁸⁵.

Были введены, правда, две параллельные группы предметов по выбору, но они не составляли богословской специализации, а были лишь дополнительной подготовкой к преподаванию в семинариях. К первой — «словесной» — группе относились теория языка и история зарубежных литератур, русский и церковно-славянский языки с палеографией и история русской литературы, а также древнееврейский язык и библейская археология (последняя была, конечно, странным вкраплением в этот словесный блок). Ко второй — «исторической» — группе относились история и разбор западных исповеданий (вместо прежнего сравнительного богословия, с большим упором на критику), история и обличение русского раскола, гражданская история всеобщая и русская гражданская история. На выбор предлагалось также изучение одного из древних языков и одного — из новых²⁸⁶. Но было интересное и важное дополнение для КазДА: ввиду ее особой — миссионерской — специфики здесь учреждалась третья специальная группа предметов, параллельная двум указанным и состоявшая из татарского и монгольского отделений с соответствующим языковым, историческим и этнографическим наполнением²⁸⁷. Конечно, признанию важности миссионерской деятельности и подготовки соответствующих кадров благоприятствовала эпоха царствования Александра III, с ее церковно-практическим настроением. Но для КазДА это открывало и научные перспективы.

Основная академическая программа вновь была рассчитана на все четыре года обучения, и кандидатское сочинение писалось на четвертом году. Теоретически оно

²⁸² На основании мнений Духовных Академий по традиции был составлен свод: Свод мнений о недостатках ныне действующего Устава духовных академий и соображений о способах устранения этих недостатков. СПб., 1881.

²⁸³ РГИА. Ф. 796. Оп. 162 (отд. 1, ст. 3). Д. 734. Л. 1–1об.

²⁸⁴ О подготовке и проведении реформы 1884 г. подробнее см.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 343–471.

²⁸⁵ См.: Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание (далее: ПСЗ III). Т. IV. СПб., 1887. № 2160. § 100. С. 238.

²⁸⁶ См.: Там же. § 101. С. 238–239.

²⁸⁷ См.: Там же. § 102–103. С. 239.

могло становится и магистерским, при условии признания его соответствия уровню, но магистерская степень, как и прежде, могла присуждаться лишь после публикации и защиты. Несколько ослаблялась «открытость» богословской науки: публичные диспуты отменялись, магистерские защиты переносились на заседания Совета, а докторские степени присуждались вовсе без защиты, на основании отзывов рецензентов. Была еще новая черта в системе научной аттестации — специализация докторской степени: доктор богословия, церковной истории и церковного права²⁸⁸. С одной стороны, в этом можно было видеть результат многолетних обсуждений, которые велись в Академиях: расширение палитры научных исследований должно было сказаться и на дифференциации присуждаемых ученых степеней. С другой стороны, некоторое удивление вызывает то, что дифференциация была проведена одновременно с упразднением в Академиях отделенской специализации. Ситуация становится более понятной при учете университетского контекста. Введенные в российских университетах в 1863 г. кафедры церковной истории и церковного законоведения (права) требовали специалистов²⁸⁹, а по университетским принципам таковые должны были обладать соответствующими учеными степенями. Так как Синод настаивал на замещении этих кафедр выпускниками Духовных Академий, надежнее было предлагать претендентов, имевших профильные ученые степени.

Новым Уставом упразднялся институт приват-доцентуры, но — отчасти взамен его — учреждался институт профессорских стипендиатов: Академии могли оставлять на годичный срок лучших студентов, для усовершенствования в знаниях. На обучение и содержание этих выпускников выделялась определенная сумма, причем стипендиаты не должны были занимать никаких должностей, а все время посвящать изучению под руководством профессоров избранной дисциплины, ее источников и пособий, осваивая ее преподавание и научные перспективы. По окончании года стипендиаты должны были представить академическому Совету отчет о своих занятиях и могли быть определены на соответствующую их специальным занятиям кафедру, со званием «и.д. доцента», до утверждения в степени магистра. Особой диссертации *pro venia legendi* для этого не требовалось, но две пробные лекции кандидат должен был прочитать. Срок получения магистерской степени ограничивался двумя годами²⁹⁰.

Устав 1884 г. вызывал неудовлетворенность уже при самом введении: согласно решению Синода студенты, которых введение Устава застало на выпускном курсе, должны были за год освоить все дисциплины, которых они не изучали на своем отделении, то есть 2/3 всего общеобязательного комплекса. Это повергло в уныние не только самих студентов, но и профессоров, расценивших это как насмешку над их профессионализмом и специализацией²⁹¹.

Но и при стабильном режиме существенно увеличенный общеобязательный курс неизбежно приводил к многопредметности, причем более тяжелой, чем до 1869 г., ибо структура богословия заметно развилась. От всех преподавателей в обязательном порядке были истребованы новые программы курсов и конспекты лекций, причем с призывом излагать преподаваемую дисциплину полно и систематично, равноценно освещая все ее разделы. Сокращение количества часов, выделенных на каждый предмет, делало эту задачу практически неосуществимой, а уже сложившаяся за период действия

²⁸⁸ См.: Там же. § 135–143. С. 241.

²⁸⁹ См.: Высочайше утвержденный 18 июня 1863 г. Общий Устав Императорских российских университетов // ПСЗ II. Т. XXXVIII. Отд. 1. СПб., 1866. № 39752. § 13, 15. С. 623.

²⁹⁰ См.: Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий. § 54–56. С. 235.

²⁹¹ ОР РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. Д. 987. Письмо профессора МДА И. Д. Мансветова члену Учебного комитета И. В. Помяловскому за октябрь 1884 г. Л. 35 об.; ОР РГБ. Ф. 26 (А. Д. Беляев). К. 1. Д. 12. Дневник профессора МДА А. Д. Беляева за 1884 г. Л. 294–295, 329, 385; Дневник студента 4-го курса КДА Авксентия Стадницкого за 1884 г. // Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. 1 том: 1880–1901. М.: ПСТГУ, 2006.

Устава 1869 г. тесная связь «наука-преподавание» в новых условиях становилась коллизией. Упразднение специализации перенесло акцент с научных студенческих занятий на освоение базовых курсов — это подтверждалось и уже указанной общей идеей Устава 1884 г.: наука есть наука, а школа есть школа. Обучение должно быть «безопасно-школьным», предлагать устоявшиеся учебные программы и традиционные, многократно проверенные задания, не зависящие от последних научных достижений, новых спорных элементов и критических методов. Усиление «школьности» можно усмотреть и в строгом запрещении Уставом 1884 г. студентам жить вне академического общежития: исключение делалось лишь для тех, кто жил у родителей (§ 113)²⁹². Как К. П. Победоносцеву, так и архиереям, принимавшим участие в пересмотре Устава, закрытость Академий в беспокойное время виделась спасительной.

Через четыре месяца после Устава Академий был утвержден новый Устав Духовных Семинарий и Училищ²⁹³. Разделение семинарского курса на две ступени — общеобразовательную и пастырско-богословскую — отменялось, средние духовные школы вновь должны были сосредоточиться на единственной цели: «образовать просвещенных священнослужителей»²⁹⁴. Усиливалась роль епархиальных архиереев: Семинарии ставились по отношению к ним в подчиненное положение, а архиерей, как «главный начальник духовных училищ своей епархии», имел «высшее наблюдение за направлением преподавания, воспитанием учащихся и вообще за исполнением в Семинарии... Устава»²⁹⁵.

Разумеется, Уставы 1884 г. имели и самостоятельные идеи, важные для духовной школы, — прежде всего, усиление ее церковности, литургической и духовной жизни студентов и преподавателей и их пастырской устремленности и участия в церковном просвещении в целом. Это относилось как к Семинариям, так и к Академиям. В семинарском Уставе особый акцент ставился на воспитание будущих пастырей: молитвах, участие в богослужении, церковном чтении и пении, прислуживании в алтаре и «упражнениях, располагающих к благочестию»²⁹⁶; оговаривались обязанности семинарского духовника — не только совершать богослужение в храме и исповедовать семинаристов, но и «вести духовные беседы с учениками»²⁹⁷. Внимание, которое в эти годы обращалось на церковное образование народа, активное развитие церковно-приходских школ подразумевало участие приходского духовенства в этом процессе. Поэтому Устав вводил обязательное изучение семинаристами дидактики, а при каждой Семинарии должна была действовать начальная школа, в которой учащиеся 5 и 6 классов должны были проводить уроки, «под руководством учителя дидактики и наблюдением ректора»²⁹⁸.

Академии должны были осмыслить свое место и значение в Церкви и направить свои научные усилия на решение актуальных церковных проблем. И традиционные церковные проблемы, и межконфессиональные диалоги, и усилившаяся миссионерская деятельность — как на территории Российской империи, так и за ее пределами, и активизировавшиеся сектантские движения давали обширное поле для применения церковно-научных сил. Но и с Академий не снималась задача пастырской подготовки — напротив, в эти годы начинает осмысляться важность подготовки «учителей для пастырей», то есть, преподавателей для семинарий, понимавших всю ответственность своего духовно-учебного служения.

²⁹² Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий. § 113. С. 240.

²⁹³ См.: Высочайше утвержденные 22 августа 1884 г. Устав Православных Духовных Семинарий и Устав Духовных Училищ // ПСЗ III. Т. IV. СПб., 1887. № 2401. С. 437–455.

²⁹⁴ См.: Там же. Устав Православных Духовных Семинарий. § 119. С. 444.

²⁹⁵ См.: Там же. § 14–21. С. 438.

²⁹⁶ См.: Там же. § 137–149. С. 445–446.

²⁹⁷ См.: Там же. § 66–67. С. 441.

²⁹⁸ См.: Там же. § 120. С. 444.

Таким образом, в Уставах всех духовных школ 1880-х гг. заметно стремление урвать те «уроны», которые нанесли Уставы 1860-х гг., несмотря на благие стремления их авторов и успехи.

Если вернуться к четырем идеям «академической модели», выделенным выше, можно констатировать, что первые две — научную и учебную, — неразрывно соединенные Уставом 1869 г., Уставом 1884 г. попытались хотя бы отчасти развести, но без особого успеха: идея «университета исследования» прочно вошла в российскую высшую духовную школу. Две же последних идеи — воспитательная и профессиональная — напротив, были усилены, и это усиление имело определенные результаты, хотя и не всегда одобрялось в увлечении научным пафосом.

Но большинством профессоров Духовных Академий и даже Семинарий положительные стороны Уставов 1884 г. мало замечались за негативом, который особенно болезненно ощущался развившимся самосознанием членов учебных корпораций. Меры, направленные на повышение дисциплины в духовных школах, казались казенными и не достигавшими желаемых результатов. Усиление власти епархиального архиерея и ректора не всегда гармонично сочетались с пониманием свободы высшей школы. Особенно же критиковались отмена специализации и некоторые опасения церковной власти по отношению к научно-критическим методам: «Новый устав положил есть тьму... хочет научного бесплодия»²⁹⁹.

Усугубил эту критическую оценку Устава 1884 г. печально знаменитый указ Синода 1889 г. и вводимые им «Правила для рассмотрения сочинений, представляемых на соискание ученых степеней»³⁰⁰. В указе обращалось внимание на характерные черты, замеченные в научных диссертациях, подаваемых «на рассмотрение Святейшего Синода»: излишнее увлечение критическими методами, а также несоответствие диссертаций искомым ученым степеням, попытки расширить богословское поле исследований на гуманитарные области. Конкретных фамилий и названий диссертаций не указывалось, но некоторые намеки в тексте позволяют «вычитать между строк» то, что имел в виду Святейший Синод. Выделим лишь два наиболее ярких сюжета. В 1885–1886 гг. с большим трудом прошло утверждение Синодом в магистерской степени выпускника КазДА А. И. Алмазова. Написанная под руководством Н. Ф. Красносельцева диссертация — «История и чинопоследование крещения и миропомазания» — ярко представляла новое для русского богословия научное направление — историческую литургику³⁰¹. Несмотря на явные успехи исторической литургики, ее обвиняли в потере глубины духовно-таинственного смысла церковного богослужения, замены благоговейного отношения к нему на холодно-препарирующий, рассекающий на случайные детали. А. И. Алмазов, в те годы преподаватель Симбирской ДС, писал: «По всей вероятности, направление моего исследования не подходит к духу настоящего времени... Я писал так, как говорит мне историческая правда, а не как требовали житейские выгоды»³⁰². Но сами представители историко-литургического подхода уповали как раз на его апологетическое значение: «Только через такого рода толкование мы можем заставить наше, так называемое образованное, общество, весьма мало понимающее наше богослужение, отнестись к нему разумно, с сознательным, а потому более прочным уважением, если не с глубоким разумным благоговением. Тогда, может быть, будет менее случаев глумления над нашим древним богослужением вследствие непонимания исторических его основ»³⁰³.

Вторым примером являются неудачные попытки получения степени доктора церковной истории в 1885 и 1887 г. экстраординарным профессором МДА Н. Ф.

²⁹⁹ Письмо и две записки проф. В. В. Болотова о неоконченной работе его о Рустике // ХЧ. 1907. Ч. 1. № 3. С. 383.

³⁰⁰ См.: ЖЗС СПбДА за 1888/89 уч. г. СПб., 1894. С. 123–130.

³⁰¹ См.: Алмазов А. И. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1885. Диссертация была успешно защищена 19 мая 1885 г., но утверждение в степени продолжалось более года.

³⁰² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 513. Л. 20–22; Там же. Д. 892. Л. 5–6 об.

³⁰³ Катанский А. Л. Очерк истории литургии нашей Православной Церкви // ХЧ. 1868. № 9. С. 346.

Каптеревым Представляемые им исследования были связаны с изучением древних форм перстосложения: автор признавал древность двуперстия, и, получив одобрение Совета МДА, не был утвержден в степени Святейшим Синодом³⁰⁴. Причиной были опасения в том, что выводы Н. Ф. Каптерева вызовут недоумения в православном народе, кроме того, могут быть использованы старообрядческими полемистами³⁰⁵. Ситуация со старообрядчеством в 1880-х гг., действительно, была непроста, что отчасти объясняет опасения высшей церковной власти. 16 августа 1888 г., за полгода до издания «Правил», Синодом был издан особый указ духовным цензурным комитетам и Советам Духовных Академий: строго следить, чтобы в книгах и ученых исследованиях, разрешаемых ими к печатанию, не содержалось «неправильных мнений и ошибочных суждений», имеющих отношение к расколу³⁰⁶.

«Правила» 1889 г. строго вменяли Советам Академий в обязанность: при оценке диссертаций обращать внимание не только на научную состоятельность, но и на верность православию и соответствие темы и содержания диссертации искомой богословской степени. При этом верность диссертаций православию должна была свидетельствоваться не только согласием «с духом и учением православной Церкви», но и «отсутствием каких-либо смущений для православного читателя». Под «смущениями» понимались неправильные взгляды на «происхождение, характер и значение тех или других церковных учреждений и памятников, преданий, обычаев» и отрицание, «хотя бы и с видимостью научных оснований», событий, к которым «церковное предание и народное верование» привыкли относиться как к достоверным³⁰⁷. Диссертации должны были обладать такой полнотой и определенностью изложения, «при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения», и точностью выражений, «которые устраняли бы всякий повод к ложным вопросам»³⁰⁸. В диссертациях следовало разрабатывать вопросы непосредственно богословские, а не имеющие лишь «отдаленное отношение к богословию», использовать соответствующие методы и делать богословские выводы. При этом указывалось, что целью ограничений не является стеснение «ученой изыскательности» Академий в богословии или общеобразовательных науках: все благонамеренные труды будут ценимы по достоинству.

«Правила» не содержали ничего принципиально нового: подобные вопросы с богословскими диссертациями возникали и в 1820-х, и в 1870-х гг. Но «Правила» еще раз подтверждали существование двух серьезных проблем в области научно-богословских исследований: определение самой области богословских исследований и соотнесение свободы научных исследований и церковной ответственности автора. Но, назвав проблемы, «Правила» 1889 г. их не решили. И после 1889 г. Синод неоднократно пытался ограничить тематику диссертаций, принимаемых в Академиях на соискание ученых степеней, чисто богословской областью, а к их содержанию применить лишь отчасти определенный критерий «соответствия православной истине».

В середине 1890-гг. была предпринята попытка скорректировать Устав 1884 г. Эта попытка была инициирована высшей церковной властью: нестроения, участвовавшие в духовных школах — прежде всего, Семинариях — заставляли принимать какие-то

³⁰⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 167 (отд. 1, ст. 3). Д. 387. Л. 1–34. См.: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. М., 1885; *Он же.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. См. положительные рецензии на последнюю работу: *Русская мысль.* 1888. Кн. 2. Отд. 3. С. 71–74; *Исторический вестник.* 1888. № 6. С. 701–704. За последнее сочинение Каптереву была присуждена малая Уваровская премия, по отзыву П. В. Знаменского: *Знаменский П. В.* Разбор сочинения Н. Ф. Каптерева: Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. (Отчет о XXX-м присуждении наград графа Уварова). СПб., [1889] С. 2–10.

³⁰⁵ См.: *Братское слово.* 1887. Т. 1. С. 468–475, 710; *Субботин Н. И.* Переписка профессора Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношения к нему православия (1865–1904 гг.) Изд., введ. и комм. В. С. Маркова // ЧОИДР. 1915. Кн. 1 (252). С. 479–483 и др.

³⁰⁶ Указ Святейшего Синода от 16 августа 1888 г.

³⁰⁷ См.: Там же. С. 126, 127, 128.

³⁰⁸ См.: Там же. С. 125.

централизованные меры. Накопились новые замечания к периодическим изданиям духовных школ и к диссертациям, представляемым преподавателями и выпускниками Академий на соискание ученых степеней. Наиболее заметным было «дело Аквилонова»: отклоненное Синодом ходатайство Совета СПбДА об утверждении в магистерской степени и. д. доцента Академии Е. П. Аквилонова. В представленной диссертации автор пытался скорректировать катехизическое определение Церкви, как «общества верующих», и истолковать в научном отношении апостольское учение о Церкви как Теле Христовом (Еф. 1: 22–23)³⁰⁹. Попытка, была раскритикована, а автор был обвинен в уклонении от традиционного православно-богословского воззрения на Церковь, рационализме и использовании неоправданно усложненных богословских категорий. В январе 1895 г. состоялось определение Синода «о сочинениях на ученые богословские степени», в значительной степени повторившее «Правила» 1889 г., но с более строгим указанием: проводить богословские исследования, основываясь на Священном Писании и святоотеческом учении, а не подвергать «рациональному рассмотрению предметы веры», следуя ученым взглядам протестантов³¹⁰.

В 1895 г. произошло еще одно событие, насторожившее церковную власть: бывший вольнослушатель МДА священник Николай Толстой, удостоенный от Академии кандидатской степени, принял католичество. Это вызвало не только вполне понятный указ Синода об аннулировании присужденной ученой степени, но и общее недовольство Академией. Следует иметь в виду и конфликт, связанный с проведением осенью 1895 г. ревизии МДА чиновником Учебного комитета П. Нечаевым: церковная власть обратила внимание на падение в Академии дисциплины, непосещение студентами богослужений, усугубила же ситуацию реакция корпорации — заявление 13 профессоров о несогласии с мнением ревизора³¹¹. Так, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев оценил это событие, как свидетельство «полной деморализации Академии и корпорации, подающей студентам пример противозаконной демократии»³¹².

Для обсуждения всех указанных проблем и выработки мер по улучшению учебно-воспитательного дела в духовно-учебных заведениях в январе 1896 г. при Святейшем Синоде была учреждена Комиссия под председательством митрополита Киевского Иоанникия (Руднева)³¹³. В эту Комиссию был передан вопрос об учебном процессе в Академиях. Советы Духовных Академий и конкретные профессора, недовольные действующим Уставом, увидели в этом событии начало новой реформы или хотя бы возможность отчасти скорректировать Устав. В Академиях стали составляться мнения, предложения и целые проекты. Наиболее активно в этом направлении работала СПбДА, представившая и проект от Совета, и аналитическую записку профессора Академии Н. Н. Глубоковского³¹⁴. На последнюю следует обратить особое внимание: автор, проводя сравнение двух духовно-академических Уставов — 1869 и 1884 г., — выделяет сильные и слабые стороны каждого и предлагает выработать синтез двух опробованных концепций. Для построения подобного синтеза: отказаться от понятия «специализации», как

³⁰⁹ См.: Аквилонов Е. П. Церковь, научные определения Церкви и апостольское учение о ней как Теле Христовом. СПб., 1894. См. об этой диссертации и ее дальнейшей судьбе: Магистерский коллоквиум в Санкт-Петербургской Духовной Академии и доклад доцента Евгения Аквилонова. СПб., 1894. С. 10–12, 15–16; Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора // ХЧ. 1916. № 5/6. С. 513–515; Воронов Л., прот. Догматическое богословие. Клин, 2004. С. 109–118; Владимир (Сабодан), митр. Экклезиология в отечественном богословии. Киев, 1997. С. 203–228.

³¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1895 г. Д. 8. Л. 2–3; ОР РГБ. Ф. 26. К. 2. Ед. хр. 3. Дневник А. Д. Беляева за 1895 г. Л. 21 об.

³¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. 1896 г. Д. 2023. Л. 249–256 об.; ОР РГБ. Ф. 26 (А. Д. Беляев). К. 2. Ед. хр. 3. Дневник А. Д. Беляева за 1895 г. Л. 2, 11, 26–26 об., 30 об., 46, 47 об.

³¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 629. Л. 29.

³¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. 1896 г. Д. 2023. Л. 208–217 об.

³¹⁴ См.: Уберский И. А. Памяти профессора Василия Васильевича Болотова. СПб., 1903. С. 23–24; Вафинский Н. [Глубоковский Н. Н.] К вопросам о нуждах духовного академического образования // Странник. 1897. № 8. С. 519–540

оппозиции полноценному базовому образованию, а принять к обсуждению понятие «сосредоточенность», то есть постепенное углубление молодого богослова в конкретную область изучаемой науки, тему и вопрос³¹⁵.

Но все эти проекты, предложения и сформулированные вопросы так и остались достоянием аудиторий и духовных журналов: Комиссия преосвященного Иоанникия обсуждала преимущественно вопросы дисциплинарные, а также пыталась выработать унифицированные учебные программы, придав им статус обязательных. Этот многоэтапный процесс продолжался несколько лет, окончательный вариант учебных программ, составленных Учебным комитетом, был представлен лишь через десять лет, в 1905 г.³¹⁶. Но в это время перед духовной школой стояли уже иные проблемы...

9. Духовные школы в начале XX в. Свобода и церковность богословской науки

Начало XX в. обычно ассоциируется с нестроениями в духовных школах всех уровней — от училищ до Академий, отразившими в той или иной степени бурные годы первой русской революции. Действительно, ситуация в духовных школах была очень беспокойной: уже с 1903 г. отдельные нестроения в Семинариях стали перерастать в общее движение, семинаристы начали издание подпольного журнала «Звено», организовали подпольный съезд во Владимирской ДС, выдвигали не только бытовые, но и политические требования, наиболее радикально настроенные искали связи с социал-демократическими организациями³¹⁷. Еще больше настораживало то, что к семинаристам стали примыкать некоторые студенты Духовных Академий, хотя они и пытались придать движению большую осмысленность и сосредоточенность на проблемах духовной школы, а не на политике. Об этом, например, свидетельствует составленное студентами МДА обращение к учащимся Духовных Семинарий с вопросами о том, какие изменения необходимы в учебной, воспитательной и бытовой сторонах жизни духовной школы³¹⁸.

Общая обстановка не могла не сказаться и на преподавательских корпорациях, однако этот вопрос требует особого внимания. Трудно спорить с некоторой политизацией духовно-учебной среды, которая накладывала отпечаток и на решение вопросов, далеких от политики — научных, учебных... Однако несправедливо считать политические устремления определяющими. К началу XX в. духовная школа достигла состояния определенной зрелости, более, чем двухсотлетний опыт требовал анализа и осмысления, и корпорации были готовы к активному обсуждению этого опыта и выработке новых образовательных концепций. Сиюминутные проблемы, хотя и действовали возбуждающе, не могли затмить главного.

Летом 1905 г. среди преподавателей Академий началось так называемое движение за «автономию». Это движение было связано с давними недовольствами действовавшим Уставом 1884 г. и желанием его корректировки, но стимулом послужила общая обстановка в стране и, прежде всего, введение в российских университетах временных правил, усиливших университетскую самостоятельность. Почти одновременно осенью 1905 г. корпорации КДА и МДА стали обсуждать перспективы изменений и в высшей духовной школе, причем Совет КДА большинством голосов принял «проект наиболее

³¹⁵ С. 521–525.

³¹⁶ О несостоявшейся реформе Духовных Академий 1890-х гг. подробнее см.: *Сухова Н. Ю.* Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // *Вестник ПСТГУ. II: История: История Русской Православной Церкви.* Вып. 3 (20). М., 2006. С. 7–26.

³¹⁷ О нестроениях в Духовных Семинариях подробнее см.: *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // *Вопросы истории.* 2001. № 1. С. 29–44; *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг. СПб., 2009.

³¹⁸ См.: Страницка из недавнего прошлого // *Духовная школа: Сборник статей.* М., 1906. С. 269–279.

необходимых временных изменений», а большинство профессоров МДА представило в Синод «записку» с желаемой программой «автономии»³¹⁹. Общий настрой проекта КДА определялся двумя тенденциями: научной устремленностью и желанием приблизить Академии к университетам как по принципам образования, так и по принципам управления. Авторы предлагали превратить Академии в открытые образовательные учреждения, изгнав, «с одной стороны, старую бурсу, с другой стороны, дух иезуитских коллегий». Главными задачами Академий были заявлены развитие богословской науки и высшее богословское образование в духе православия, причем с возможностью готовить «не только просвещенных пастырей Церкви и преподавателей духовных школ, но и вообще богословски образованных членов Церкви Христовой». Роль епархиального архиерея предполагалось свести к «почетному попечительству», ввести выборность ректора и академический «суд чести», расширить права академического Совета³²⁰.

Ситуация в Духовных Академиях побудила Святейший Синод принять предложенные коррективы Устава 1884 г., и в декабре 1905 г. они были утверждены в статусе Временных правил. Эти правила включали основные предложения Академий: существенное расширение прав академического Совета; сведение власти епархиального преосвященного к «попечительскому наблюдению»; выборность ректора и инспектора, причем с возможностью ректора-мирянина; включение в состав академического Совета не только профессоров, но и доцентов, а в случае надобности — и всех преподавателей Академии³²¹.

Одновременно Академиям было предложено составить проекты нового Устава, учитывающие действующий Устав 1884 г. и нововведенные правила³²². Разработанные проекты³²³, приложенные к ним частные мнения, а также составленные в тот же период «Отзывы епархиальных архиереев»³²⁴ обсуждались на заседаниях V отдела Предсоборного присутствия в 1906 г.³²⁵. Возглавлял этот Отдел епископ Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий), назначенный председателем Учебного комитета. Участники этих заседаний пытались составить общий проект — для обсуждения на ожидаемом церковном Соборе.

Непростой исторический контекст и новые проблемы, встававшие перед духовными школами в их служении, дали новый ракурс традиционным вопросам: о типе высшей богословской школы, о значении небогословских наук в Духовных Академиях и месте богословия в системе научного знания, о структуре богословия. Выделим лишь наиболее важные идеи, высказанные в эти годы по указанным вопросам.

Вновь был поставлен вопрос об учреждении богословских факультетов при российских университетах. При этом в проектах по-разному предлагалось решать судьбу традиционных Духовных Академий. Одни авторы предлагали их сохранить в качестве

³¹⁹ См.: Проект наиболее необходимых временных изменений и дополнений к Уставу православных Духовных Академий, составленный по поручению общего собрания профессоров и прочих преподавателей Киевской духовной академии от 5 октября 1905 г. комиссией из профессоров Н. М. Дроздова, В. З. Завитневича, протоиерея Ф. И. Титова, В. П. Рыбинского, П. П. Кудрявцева и В. И. Экземплярского и одобренный большинством членов профессорской корпорации в общем собрании 5 ноября того же года // ТКДА. 1906. № 1. Прил. С. 1–20.

³²⁰ См.: Проект наиболее необходимых временных изменений... С. 3–4, 9, 11–13.

³²¹ Подробнее см.: *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века. М., 2005. С. 346–357; *Сухова Н. Ю.* Проблемы научной аттестации в православных Духовных Академиях (по материалам 1905–1906 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 128–133.

³²² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 132. Л. 196–196 об.

³²³ Свод проектов Устава Православной Духовной Академии, составленных комиссиями профессоров Санкт-Петербургской, Киевской, Московской и Казанской Духовных Академий. СПб., 1906; *Муретов М. Д.* Проект Устава православных духовных академий. Троице-Сергиева Лавра, 1906.

³²⁴ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 2 т. М., 2004.

³²⁵ Журналы и протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного присутствия: В 4 т. СПб., 1906–1907.

апологетических институтов Церкви и высших пастырских школ³²⁶, другие — упразднить, полностью заменив университетскими факультетами, как более свободными и плодотворными в научном отношении³²⁷. Большая часть преподавателей духовной школы остались при мнении, что Духовная Академия, как особый тип высшего учебного заведения, со своей системой образования, воспитания, церковного служения не может быть полноценно заменена университетским факультетом. Тем не менее, многие признавали полезность параллельного существования двух типов высшего богословского образования.

В этих же дискуссиях было предложено более последовательно и обдуманно применить к российским Духовным Академиям идею «университета исследования», сделав особый акцент на свободе обучения и его конкретности. А именно: отменить последовательность курсов, предоставить студентам возможность творчески участвовать в построении траектории своего образования, задав только «минимум» базового богословского образования и доминирующие направления специализации. Это предложение было отвергнуто, вызвало дискуссию: может ли высшее образование ограничиваться подготовкой узких специалистов в конкретных вопросах или само понятие «образование» неизбежно подразумевает полноценное и последовательное введение познающего в систему научного знания, образование его как ученого.

Временные правила не дали ожидавшихся от них благих результатов, и после проведения в 1908 г. архиерейской ревизии всех четырех Академий, были отменены определением Святейшего Синода от 3 февраля 1909 г., с полным восстановлением академического Устава 1884 г. После отмены Временных правил началась подготовка нового Устава Духовных Академий который разрабатывался традиционно — в Комиссии при Святейшем Синоде под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Ковальницкого). Состав Комиссии был показателен: пять архиереев — архиепископы Димитрий (Ковальницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский) и Арсений (Стадницкий) и ректор СПбДА епископ Феофан (Быстров); член Синода протопресвитер Иоанн Янышев; профессора Академий И. Г. Троицкий (СПбДА), А. И. Введенский (МДА), Д. И. Богдашевский (КДА; затем его заменил коллега по Академии К. Д. Попов), И. С. Бердников (КазДА); а также член Учебного комитета и профессор Харьковского университета М. А. Остроумов, член Государственного совета В. К. Саблер и представитель Академии наук А. И. Соболевский. На заседаниях Комиссии обсуждались наиболее болезненные вопросы высшего духовного образования: специализация, место и значение небогословских наук в духовной школе, самостоятельная работа студентов, научное руководство. Само предназначение Духовных Академий, их задачи, значение для Церкви вызвало серьезную дискуссию. Члены Комиссии архиепископы Антоний (Храповицкий) и Сергей (Страгородский) серьезным недостатком всей предыдущей истории Академий считали умаление их научно-богословского значения из-за повышенного внимания к подготовке педагогических кадров³²⁸. С особой остротой был поставлен вопрос о сочетании в высшей духовной школе научного образования и подготовки к пастырскому служению. Архиепископы Антоний (Храповицкий) и Сергей (Страгородский) настаивали на том, что даже для тех, кто не будет в дальнейшем служить

³²⁶ См., например, мнение Н. Н. Глубоковского: *Глубоковский Н. Н.* Об основах духовно-учебной реформы и о желательных типах духовно-богословских школ; К вопросу о постановке высшего богословского изучения в России // *Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*: В 2 ч. М., 2004. Т. II. С. 303–310, 312–313.

³²⁷ См., например, мнение профессора богословия Киевского университета св. Владимира протоиерея Павла Светлова: *Светлов П. Я., прот.* О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России: Докладная записка Совету университета св. Владимира. Киев, 1906; *Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия*: В 4 т. Т. IV. СПб., 1907. *Журналы заседаний V отдела (о духовном образовании)*. С. 46–54, 58–61.

³²⁸ См.: *Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава духовных академий*. СПб., 1909. С. 142–144, 184, 195.

Церкви в священном сане, важно понимание неразрывной связи научного богословия и пастырства. Дискуссия не решила вопроса, но была намечена перспектива для его дальнейшего обсуждения³²⁹.

Комиссия не смогла найти полного единства и представила два проекта — большинства и преосвященных Антония и Сергия. При доработке Святейший Синод постарался синтезировать оба варианта, но этого достичь не удалось, результат получился эклектичен. Тем не менее, новый Устав Духовных Академий был утвержден императором Николаем II 2 апреля 1910 г.³³⁰. Так как итоговый вариант мало кого удовлетворял, было решено ввести его в Академиях с 1910/11 уч. г. в административной, воспитательной и хозяйственной частях, учебно-научную же, после годичного опыта, пересмотреть, скорректировать и лишь тогда вводить окончательно.

В Уставе 1910 г. подчеркивалась необходимость для Академий духа церковности. Святейший Синод по-прежнему назначал в Духовные Академии ректора и инспектора, причем ректор должен иметь ученую степень не ниже магистра богословия и состоять в сане епископа.

Главной идеей нового Устава в учебной части было сочетание Уставов 1869 и 1884 г. — но не в смысле постепенного сосредоточения, как предлагал в 1890-х гг. Н. Н. Глубоковский, а в смысле механического соединения. Изучаемые дисциплины делились на общеобязательные, в которые были включены все основные богословские и философские науки, и дополнительные, которые объединялись в группы в зависимости от специализации. Устав 1910 г. называл 14 общеобязательных предметов и 6 групп, причем в группы попали небогословские и богословские дисциплины, не вошедшие в общеобязательное ядро: гражданская история; библейские археология и история; история Греко-Восточной (после 1054 г.), славянских и Румынской Церквей, а в Киевской Академии — еще история Западно-Русской Церкви (три последних кафедры были совсем новые); история и обличение западных исповеданий, русских сект и русского раскола; церковно-славянский язык с палеографией и история русской литературы; церковная археология и литургия. Для КазДА была сохранена миссионерская группа специализации³³¹. Характерной чертой Устава было повышение значения дисциплин, изучающих основные источники богословия, — Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и патрологии: на эти дисциплины выделялось по две кафедры. Для студентов вводились практические занятия — семинарии — по университетскому образцу³³². Этим же Уставом была завершена многолетняя дискуссия по поводу обучения в Академиях белого женатого духовенства: дорога к высшему духовному образованию была теперь официально открыта женатым священникам и диаконам с семинарским образованием — правда, только в КДА и КазДА и каждый раз с особого разрешения Святейшего Синода³³³.

Поправки в этот Устав вносились еще трижды: 29 июля и 26 августа 1911 г. и в 1912 г., когда, наконец, Устав был утвержден окончательно. «Изменениями» 29 августа 1911 г. были определены 17 общеобязательных предметов и 4 группы специализации: историческая, библейско-археологическая, филологическая и истории западных исповеданий. Кроме того, студентам предлагался выбор между историей философии и педагогикой, факультативно преподавались современные языки: английский,

³²⁹ О дискуссиях в Комиссии 1909 г. подробнее см.: *Сухова Н. Ю.* Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2007. Вып. 2 (23). С. 32–57.

³³⁰ См.: Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // *ПСЗ III. Т. XXX. Отд. 1.* СПб., 1913. № 33274. С. 414–431.

³³¹ См.: Там же. § 129–133. С. 424–425.

³³² См.: Там же. § 153, 156. С. 427.

³³³ См.: Там же. § 142. С. 426.

французский, немецкий³³⁴. 18 июля 1911 г. была открыта дорога женатому духовенству еще в одну Академию — Московскую, на тех же условиях, что и в прочие Академии³³⁵.

Устав 1910–1912 гг. действовал вплоть до 1917 г. После известных февральских событий и под их влиянием в марте были вновь введены Временные изменения, на этот раз по инициативе Учебного комитета, точнее — его нового председателя протоиерея Константина Аггеева. Временные правила 1917 г. почти дословно повторяли аналогичные правила 1905 г.: утверждали право избрание ректора и помощника ректора (как теперь назывался инспектор) Советом Академии; предоставляли возможность избрания ректора из белого духовенства, а помощника ректора — и из светских лиц; давали Совету Академии право окончательного присуждения ученых степеней магистра богословия и доктора богословских наук. Новыми по сравнению с 1905 г. были два положения — отмена требования действующего Устава Православных Духовных Академий 1911 г. о вхождении в состав академического Совета не менее половины всех членов в священном сане (примечание к § 65) и выборность Советом редакторов издаваемых при Академиях журналов, а также предложения депутатов Государственной думы о разрешении приема в Академии семинаристов-второразрядников и отмене вступительных экзаменов.

Советы Академий дали согласие на введение Временных правил, несмотря на неоднозначное отношение к ним членов корпораций, и внесли лишь незначительные коррективы. Определением от 5–6 мая правила были утверждены Святейшим Синодом³³⁶. Одновременно с этим в Петрограде был созван съезд выборных представителей от Советов Духовных Академий для разработки нового академического Устава, более соответствующего подлинным задачам высшей духовной школы и требованиям времени. Комиссия профессоров, проработав около месяца, представила два проекта — Временного и Нормального уставов Православных Духовных Академий и объяснительную записку к обоим проектам с изложением основных принципов новой духовно-учебной концепции³³⁷. Первый проект был утвержден к действию Синодом 21 июля 1917 г., проект же второго Устава должен был обсуждаться на предстоящем Священном Соборе Православной Российской Церкви.

Обсуждение проекта предполагалось проводить с привлечением максимально возможного числа представителей духовно-академических корпораций, дабы использовать как общий, так и частный опыт. В состав Собора вошло 12 выборных представителей от Академий (по 3 от каждой), однако профессора Академий участвовали в Соборе и по другим представительствам (как члены Предсоборного Совета, от монашествующих, от епархий). Соборные отделы формировались по предварительной записи всех членов Собора, желающих участвовать в их работе, и в первые два дня работы Собора в Отдел о Духовных Академиях записался 41 участник, 38 из которых были выпускниками Духовных Академий, а подавляющее большинство — и профессорами, настоящими или бывшими³³⁸.

В положениях проекта Нормального Устава были сконцентрированы все идеи, дискуссии и выводы прошедших 110 лет³³⁹. Члены Собора постарались

³³⁴ См.: Высочайше утвержденные 29 июля 1911 г. изменения действующего Устава духовных академий // ПСЗ III. XXXI. Отд. 1. СПб., 1914. № 35704. С. 868–870.

³³⁵ См.: Высочайшее повеление от 18 июля 1911 г. «О принятии в Московскую Духовную Академию лиц белого духовенства, имеющих жен» // ПСЗ III. Т. XXXI. Отд. 1. СПб., 1914. № 35667. С. 831.

³³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 78. Л. 8, 3–6.

³³⁷ Проекты Временного и Нормального уставов и протоколы заседаний Комиссии профессоров 1917 г. см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 91. Л. 1–83.

³³⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 1. В дальнейшем (на третьей сессии) в состав Отдела были введены еще два члена: епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк), ректор КазДА, и протоиерей Константин Аггеев, выпускник КДА и председатель Учебного комитета (Там же. Л. 108, 116).

³³⁹ О событиях 1917 г., связанных с высшей духовной школой, и разработке проекта Устава 1917 г. подробнее см.: Тарасова В. А. Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века. М., 2005. С. 401–412; Сухова Н. Ю. Поместный Собор 1917–1918 гг. о высшем духовном образовании в России //

систематизировать идеи, накопленные за этот период, и учесть их при составлении проекта нового Устава. С одной стороны, было отмечено, что главная задача высшей духовной школы — служение Церкви богословской наукой — определяет две важнейшие черты этой школы: церковность и научность. Подчеркивалась особая значимость этой задачи в современных условиях: провозглашение свободы совести и мнений, открытые границы неизбежно приведут к тому, что «Россию наводнят хорошо подготовленные к пропаганде проповедники инославных исповеданий», а также неверующие «люди культуры»³⁴⁰. Для Русской Православной Церкви в этих условиях развитие богословской науки становится жизненно важным. С другой стороны, палитра служений, требующих богословских знаний, столь широка, что сами типы высшей духовной школы могут и должны быть разнообразны.

Были выделены две коренные проблемы высшего духовного образования в России — многопредметность и отсутствие правильно организованной специализации, с одной стороны, слабая общая подготовка к разработке богословских наук, с другой. Главным принципом новой концепции было сочетание полноты базового (общеобязательного) курса и специализации на старших курсах по пяти основным богословским направлениям: библейскому, богословско-философскому, церковно-историческому, богословско-словесному, церковно-практическому. Общеобязательный курс включал 19 предметов, и при его формировании были выработаны определенные принципы. В число базового образования были включены: 1) науки, изучающие общие источники богословского знания (Священное Писание Ветхого и Нового Завета и патрология); 2) богословский минимум (основное богословие, догматическое богословие, христианская этика, общее учение о праве и государстве, церковное право, история Древней, Греко-Восточной и Русской Церкви, сравнительное богословие, литургика); 3) предметы, дающие необходимые орудия богословского исследования (история философии, психология, еврейский, греческий и латинский языки); 4) педагогика, ибо большинству выпускников предстояла педагогическая деятельность на учебном или пастырском поприще.

Особый акцент был сделан на историко-филологической базе, необходимой для научной богословской деятельности, а также архивоведческих и источниковедческих знаниях, необходимых для самостоятельной и компетентной разработки источников, возможности правильно оценивать труды иностранных авторов³⁴¹.

Шагом вперед была предложенная Отделом система подготовки преподавательской смены, учитывающая опыт Уставов 1869 и 1884 г. Институт профессорских стипендиатов должен был стать системой целенаправленной подготовки к профессорским кафедрам, а приват-доцентура — школой молодых преподавателей, позволяющей им ввести в учебный оборот свои научные разработки и приобщить к своей деятельности студентов старших курсов. Важной составляющей предлагаемой учебной концепции было введение практических занятий, причем сопровождать они должны были как базовые, так и специальные лекционные курсы.

На последней соборной сессии Отдел о Духовных Академиях обсуждал еще один проект — Высшей церковно-богословской школы, разработанный епископом Волоколамским Феодором (Поздеевским) и архимандритом Гурием (Степановым) во исполнение решения Съезда ученого монашества (июль 1917 г.)³⁴². В проекте Высшей Церковно-богословской школы предлагался новый вариант высшей духовной школы: с усиленным изучением Священного Писания, святоотеческого наследия и агиографии, частичным сокращением систематического богословия и философии, отказом от большей

Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России» (Москва, ПСТГУ, 19–20 ноября 2007 г.) М., 2008. С. 157–170.

³⁴⁰ Там же. Л. 258–258 об.

³⁴¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 4–6, 11–12.

³⁴² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 108–138.

части гуманитарных предметов. Акцент предлагалось поставить на системе воспитания студентов Академии: специальной аскезе, реализуемой в монастырском режиме. Проект подвергся в заседаниях академического Отдела критике, но окончательный вариант отзыва был достаточно доброжелателен: Высшая Церковно-богословская школа не признавалась за новый тип школы, но Отдел ничего не имел против ее создания³⁴³.

Проекты обсуждались членами Отдела очень долго, поэтому представить на пленарные заседания их так и не успели. В числе других оставшихся нерассмотренными докладов и проект Нормального Устава, и проект Высшей Церковно-богословской школы были переданы в Высшее Церковное Управление — для реализации «по мере возможности»³⁴⁴. Такой возможности не представилось, но отдельные идеи соборных проектов и обсуждений были опробованы в экстремальные 1920-е гг.. Кроме того, они учитывались при проведении современной духовно-учебной реформы 1998–2003 гг.

* * *

Осенью 1918 г. целостная духовно-учебная система была разрушена. Центральный духовно-учебный орган при Святейшем Синоде (с декабря 1917 г. — при Высшем Церковном Управлении) — Учебный комитет — был упразднен 21 сентября (4 октября) 1918 г. постановлением соединенного присутствия Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви. Дела духовно-учебных заведений передавались в Школьно-просветительный отдел при Высшем Церковном Управлении, наряду с делами церковно-приходских школ, организацией законоучительства в светских учебных заведениях и внешкольным религиозным просвещением. Концентрация всех церковно-просветительских учреждений, с разными задачами, спецификой, принципами деятельности, в одном центре констатировало не только развал целостной духовно-учебной системы, но и прекращение полноценной деятельности всех ее ступеней³⁴⁵. Конечно, Академии состояли теперь под «верховным покровительством» Святейшего Патриарха — и это было залогом единства³⁴⁶, но и святитель Тихон мало чем мог помочь своим Академиям.

Некоторое время после развала духовно-учебной системы 1918 г. Духовные Академии продолжали свое непростое существование. ПгДА прекратила существование в декабре 1918 г., перед своим закрытием попытавшись присоединиться к Петроградскому университету в виде богословского факультета, но безрезультатно³⁴⁷. Но часть корпорация ПгДА продолжила вою деятельность в богословских учебных заведениях другой формы: Богословском институте (1920–1923) и Высших Богословских курсах (1925–1928)³⁴⁸. Возглавлял оба учебных заведения протоиерей Николай Чуков. Конечно, деятельность богословских школ при богоборческой власти не могла быть полноценной, тем не менее, они пытались заниматься и научными исследованиями. Так, Петроградский

³⁴³ Там же. Д. 383. Л. 9–20.

³⁴⁴ Там же. Л. 79; Там же. Д. 173. Л. 53–67; 71–186.

³⁴⁵ РГИА. Ф. 831 (Канцелярия Патриарха Тихона). Оп. 1. Д. 20. Л. 167–168; Там же. Д. 93. Л. 1–3.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 46.

³⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3906. Л. 131–139; Там же. Д. 3909. Л. 1–17. См. также: Сосуд избранный: История Российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства (1888–1932) / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. С. 215–222; *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Н. Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской духовной академии и Петроградского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 7 (3663). С. 42–45.

³⁴⁸ См.: *Сорокин В., прот., Бовкало А. А., Галкин А. К.* Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 2. С. 36–59; № 3. С. 41–63; ХЧ. 1992. № 7. С. 19–49; 1993. № 8. С. 7–27; *Шубина Е. И.* Петроградский Богословский институт // Культурно-исторический альманах «Фонтанка». СПб., 2007. № 1. С. 18–26; *Сорокин В., прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора, 2005. С. 182–289, 345–381.

Богословский институт получил право присуждать кандидатские ученые степени и организовал при институте ученую богословскую коллегию, которая исполняла роль диссертационного совета³⁴⁹. Преемник Богословского института — Петербургские Высшие Богословские курсы — также получили право присуждать ученые степени, причем всех трех ступеней: кандидата, магистра и доктора богословия. Сохранились сведения о реальном присуждении за три года деятельности курсов четырех кандидатских и трех магистерских ученых степеней, а также рецензировании еще ряда диссертаций³⁵⁰. Решения Советов о присуждении ученых степеней представлялись на утверждение Святейшего Патриарха Тихона, потом его преемников³⁵¹.

МДА, перебравшись летом 1919 г. в Москву, действовала официально до 1921 г., стараясь сохранять традицию дореволюционных Академий. С 1921 г. она перешла в положение гонимой, но продолжала занятия на московских квартирах профессоров. По предположениям, основанным на источниках личного происхождения, Московская Академия держалась вплоть до конца 1920-х гг.³⁵². Так, в январе 1922 г. профессора С. И. Соболев и И. В. Попов составляли отзывы на докторскую диссертацию священника Дмитрия Лебедева, посвященную списку епископов I Вселенского Собора и его происхождению³⁵³. Имеются сведения об избрании «не позднее 1924 г.» ректором МДА протоиерея Владимира Страхова, о рецензировании священником Павлом Флоренским кандидатских работ студентов МДА в 1924 и 1926 гг.³⁵⁴. На основании воспоминаний сына протоиерея Сергия Голощапова о служении его отца протодиакон С. Голубцов высказывал предположение о деятельности Академии вплоть до 1929 г.³⁵⁵

КДА, уже в 1915 г. вследствие военных нужд была лишена большей части своих зданий³⁵⁶. остаточными силами корпорации продолжала занятия на квартирах преподавателей вплоть до весны 1923 г.³⁵⁷. В марте 1921 г. ректор Академии епископ Василий (Богдашевский) вместе протоиереями Александром Глаголевым и Николаем Гроссу составил для КДА новый Устав, утвержденный Советом Академии. В Уставе постулировалось подчинение Академии Собору епископов (Синоду) и митрополиту Киевскому, при сохранении автономии в учебной части. Учебный план распределялся на три года и включал только богословские науки. В пятом и шестом семестрах (на третьем курсе) студенты должны были изучать специально, под руководством профессоров, три избранные богословские науки и писать курсовые сочинения³⁵⁸. В этом «экстремальном» варианте Устава тоже были запечатлены предреволюционные дискуссии и искания. В дальнейшем проводились отдельные консультации, но речь о последовательном учебном процессе уже не шла. Епископ Василий продолжал жить и служить в Киево-Братском монастыре, который еще существовал в виде Богоявленской церкви, и иногда некоторые

³⁴⁹ См.: *Сорокин В., прот.* Исповедник. С. 263, 281.

³⁵⁰ См.: Там же. С. 356, 501, 554, 624.

³⁵¹ См.: Там же. С. 356, 360, 362, 366.

³⁵² См.: Профессура и сотрудники Московской духовной академии в начале XX века. Основные биографические сведения (краткий справочник) / Сост. протодиак. С. Голубцов. М., 1999; *Голубцов С. А., протодиак.* Стратилаты академические: Ратоборцы за Церковь в корпорации Московской Духовной Академии первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь: По материалам архивов и публикаций. Обзор и исследование. М., 1999; *Он же.* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999.

³⁵³ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 78, 89. См. также: *Голубцов С., протодиак.* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 45. Диссертация: *Лебедев Д., свящ.* Список епископов Первого Вселенского Собора в 318 имен: К вопросу о его происхождении. Пг., 1916.

³⁵⁴ См.: *Андроник (Трубачев), игум.* Священник Павел Флоренский — профессор МДА // Богословские труды. Юбилейный сборник: МДА: 300 лет (1685–1985). М., 1986. С. 226–246.

³⁵⁵ См.: *Голубцов С., протодиак.* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 39.

³⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 253 (А. А. Дмитриевский). Оп. 1. Д. 379. Письма ректора КДА епископа Василия (Богдашевского) к А. А. Дмитриевскому. Л. 3.

³⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 194 (Н. Н. Глубоковский). Оп. 1. Д. 354. Письма ректора КДА епископа Василия (Богдашевского) к Н. Н. Глубоковскому. Л. 9–45; Там же. Д. 772. Письма Н. И. Сагарды к Н. Н. Глубоковскому. Л. 1–15.

³⁵⁸ Там же. Д. 354. Л. 45–45 об.

члены корпорация собирались там на церковные праздники. Но мысль о восстановлении *Almae Matris* «в какой бы то ни было форме» оставалась «страстной мечтой» бывших «академиков», и в 1926 г. была предпринята попытка восстановления Академии в виде Высших богословских курсов, по примеру Петроградских — но, видимо, этот план не удался³⁵⁹.

КазДА, как и ПгДА, в 1918 г. попыталась присоединиться к Казанскому университету в качестве факультета, но также безрезультатно. Однако вплоть до своего официального закрытия Академия продолжала вести не только учебную, но и научную деятельность. В 1919 г. были присуждены степени магистра богословия двум членам корпорации: и. д. доцента А. П. Касторскому и иеромонаху Варсонофию (Лузину)³⁶⁰. Ввиду тяжелого времени требование к обязательной публикации было снято, и диссертации принимались в рукописях. В том же 1919 г. КазДА пришлось закрыться, однако корпорации удалось получить официальное разрешение на деятельность в качестве частного учебного заведения и продолжать полуподпольные занятия до марта 1921 г., сохраняя верное подчинение Патриарху Тихону³⁶¹. За это служение большей части корпорации пришлось расплатиться заключением, и, хотя всех, кроме ректора епископа Анатолия (Грисюка), осенью освободили, дальнейшая деятельность Академии оказалась невозможной³⁶².

В 1918–1919 гг. были закрыты практически все Духовные Семинарии, но во многих епархиях были учреждены пастырские курсы, которые какое-то время решали проблему подготовки духовенства. Но и этим курсам был отпущен недолгий срок...

Экстремальные условия, в которых проходили последние годы деятельности старых духовных школ и их модифицированных вариантов, делают опыт их учебной и научно-богословской деятельности уникальным, не подвергаемым взвешенному анализу.

Заключение

Оглядывая весь путь русского духовного образования, пройденный за XVII — начало XX в., можно подвести некоторые итоги. Несмотря на неоднократно проводимые реформы и новые идеи, вносимые в русское духовное образование, можно говорить о русской духовно-учебной традиции и органичной целостности пройденного пути.

Одной из характерных черт русских духовных школ была их связь с архиерейскими кафедрами, которая с начала XVIII в. и до самой революции сохранялась, несмотря на предпринятую централизацию. Подчинение с начала XIX в. Духовных Академий Святейшему Синоду или его органам не разорвало этой связи: Академии находились под управлением и пристальным вниманием епархиальных архиереев. Такое положение духовной школы было продолжением средневековой традиции, подтвержденной и даже усугубленной русской спецификой.

Духовно-учебная система в России действовала под управлением высшей церковной власти, то есть, существовала независимо от государственной научно-образовательной системы. Однако это не означало ни принципиального, ни реального

³⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 407. Письма протоиерея Алексея Глаголева к А. А. Дмитриевскому (ошибочно: в этом деле находятся письма к А. А. Дмитриевскому от протоиерея Александра Глаголева и его сына Алексея Глаголева). Л. 4–4 об., 5, 7.

³⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 896. Письма К. В. Харламповича к Н. Н. Глубоковскому. Л. 38 об. См.: *Касторский А. П.* Состояние православного восточного монашества со времени завоевания Константинополя турками; *Варсонофий (Лузин), иером.* Нравственное учение Православной Церкви и отношение к нему латино-протестантской доктрины.

³⁶¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 82–88 об.; 110–116 об.; ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 896. Л. 30–69. См. также: *Журавский А. В.* Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 190–235.

³⁶² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 896. Л. 67. См. также: *Голубцов С., протодиак.* Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 5 и др.

разрыва. Уставы духовных школ, как и Уставы государственных учебных заведений, утверждались императором, учащие, учащиеся и выпускники духовных школ и государственных учебных заведений имели одинаковые права. Контакты духовно-академических и университетских ученых, совместная работа в научных и просветительских обществах, проектах, конференциях, взаимообмен преподавательскими кадрами является свидетельством единства научно-образовательного пространства дореволюционной России.

Непростым является вопрос о влиянии на русскую духовную школу западных идей и традиций, а также принципов светского образования. Действительно, при реформах духовной школы неоднократно использовался европейский научно-образовательный опыт, а начиная с XIX в. — и опыт российских университетов и гимназий. Однако ни одна из этих систем не могла служить русскому духовному образованию полноценным примером. Специфика богословия как науки и как учебного предмета, особые отношения Церкви и государства в России, исторически сложившиеся черты русского духовного сословия и русской духовно-учебной системы в своем сочетании ставили проблемы, которые духовным школам приходилось решать самостоятельно. Идеи университетского образования, отечественного и зарубежного, перенесенные на академическое поприще, адаптировались, корректировались и наполнялись реальным содержанием.

Необходимо отметить и место русской духовной школы в Православной Церкви. Если до XVIII в. русское образование нуждалось в помощи других Поместных Церквей, то начиная со второй половины XIX в. в российских духовных школах учились студенты из Греции, Сербии, Болгарии, Черногории, Румынии, Сирии, Палестины. Таким образом, Русская Православная Церковь оказывала научно-образовательную помощь Поместным Церквам, осуществив надежды, возлагаемые на нее православным миром.

С духовными школами были связаны и духовное просвещение, и богословская наука. Многочисленные просветительские общества, организуемые преподавателями и выпускниками духовных школ, издаваемые ими журналы, переводы, популярные лекции духовно-нравственного содержания свидетельствуют о том, что духовная школа понимала и принимала эту ответственность.

Результаты исследований, проводимых членами преподавательских корпораций, выпускниками и студентами Духовных Академий, свидетельствуют о высоком уровне научного богословия, достигнутом к началу XX в. Появились специальные научные исследования практически во всех областях богословской науки и смежных гуманитарных наук, стали формироваться научные традиции. Велась научная разработка источников в области византистики, славистики, литургики, церковной археологии, истории Русской Церкви, миссионерских наук, расширение источниковой базы создало перспективу для научного развития. Расширилась историографическая эрудиция академических преподавателей и выпускников, вырабатывался критический подход к историографии. В некоторых областях исследований уровень академических ученых был признан и засвидетельствован вне-академическими научными кругами.

Русская духовная школа прошла непростой путь в своем развитии, имела богатый опыт успехов, ошибок, проблем и их решения. Проблемы, возникавшие на этом пути, отчасти были обусловлены спецификой исторических условий, разными влияниями, особенностями российской научно-образовательной системы. Вставали и проблемы, выявляющие сущностные черты духовного образования, научно-богословских исследований, богословской полемики, миссионерской деятельности Церкви. Время показало насущную необходимость глубокого, серьезного, научного богословского знания, причем не только для узкого круга профессионалов, а для любого разума, встававшего на путь научного познания истины. Эта востребованность оказалась значительнее и основательнее, нежели исторические изменения и влияния той или иной эпохи. Неизбежно и объективно перед каждой эпохой и поколением открывались новые перспективы, но и обязанность реализовать дарованную возможность познания с учетом опыта предшественников. Русская духовно-учебная традиция, впитавшая в себя

многовековой опыт Православной Церкви и жертвенное служение русских богословов, учащихся, учащихся, выпускников духовных школ, требует изучения, осмысления и развития.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

подробная информация о новоизданных книгах;
возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**